

Михаил КОЖАЕВ

**В КОЖАЕВСКОМ
МИРЕ ЦЫГАН**

Часть 1

2020

Кожаяев М. В кожаяевском мире цыган / Фантазийно-автобиографический роман.
Часть 1. Тула: Издательский дом «Ныне и присно», 2020. – 224 с.

... Это книга о том, а действительно ли бы вы согласились жить другой жизнью? ...

© Михаил КОЖАЕВ, текст, 2016 – 2020

© Екатерина КОЖАЕВА, обложка, 2020

*Посвящается
моей любимой супруге
Екатерине Полосиной*

В пять утра меня сегодня разбудила наша кошка Лейла. Бегала, как сумасшедшая, из угла в угол, драла ковры, мяукала. Одним словом, до будильника оставалось ещё два часа, а значит, у меня в кои-то веки с утра оказалось свободное время, чтобы поработать. И я пошёл ставить кофе.

Случилось это, правда, не сразу. Моя жена сейчас беременна, и мне как никогда хочется поделиться с ней заботой и лаской. Нежность – пожалуй, то немногое, что человек может дать просто так, без привязки к профессии, заработку и вероисповеданию. Вот я и пролежал около часа, старательно повторяя те позы, в которых величаво отдыхала моя Катиче – а она у меня красавица армянка! Повернётся калачиком – и я сзади также прилягу, прижмёт мою руку к груди – так и лежу, пока уже перестаю руку чувствовать от онемения в неудобной позе. Но раз уж рука затекла напрочь – думаю, пора вставать, как бы ни хотелось ещё сделать приятное своей красавице.

Наливая крепкий чёрный кофе из старой итальянской кофеварки, я поймал себя на мысли, что это не Лейла разбудила меня. Точнее, конечно, именно она фактически сделала так, что я проснулся. Но такое бывало и раньше, и я с молчаливыми проклятиями кидал в кошку какую-нибудь Катину мягкую игрушку и снова старался заснуть. Получалось не всегда, и тогда я очень злился, поскольку постоянный недосып делает из добропорядочного семьянина монстра, но что было делать.

Но теперь я встал бодрый и с неожиданным приливом энтузиазма! Как будто я поспал не четыре, а четырнадцать часов. Я вдруг понял, что пришло время для признаний в любви. А так как я никогда не умел признаваться нормально – стало быть, пришло время для новой книги. Про мою любимую супругу Катиче Полосян, которую я на русский манер называю Екатериной Полосиной, несмотря на то, что по паспорту она уже давно Кожаева. Ну что поделывать: не умеешь выбирать цветы – пиши любовное признание на двести страниц. И надо сказать, что подобающий сюжет я уже подобрал, так что дело оставалось за малым – просто всё написать. Только вот как написать роман втайне от жены, если вы живёте вместе? Что ж, спасибо, Лейла, что разбудила меня пораньше!

Чтобы долго не размазывать, расскажу сразу, о чём пойдёт речь. Дело в том, что Катиче – моя студентка. Вернее, была моей студенткой. Сейчас она уже выпустилась, а сам я стремительно движусь в направлении того, чтобы расстаться с университетом. Но пикантный привкус в нашей истории присутствует, особенно для людей, которые впервые узнают про нас.

– О, и что ты? Предлагал ей зачёт в обмен на свидание?

– О, из студенточек своих выбрал?

Ну, вы знаете, всегда найдётся приятель, который позволит себе пошловатую нотку. Но в обыденной жизни все наши знакомые уже давно перестали видеть в нас преподавателя и студентку. Мы же сами – вообще никогда не воспринимали друг друга с такой позиции. У нас крепкая семья, мы ждём прибавления, кошка будит по утрам. Кстати, надо будет её отвезти к маме (да-да, Катина мама – уже *мама*), чтобы шерсти в доме, по крайней мере, в первые месяцы после рождения не было. Одним словом, дом – полная чаша.

Все наши друзья один раз посмеялись по поводу обстоятельств нашего знакомства и успокоились. Да и вообще в русской ментальности всё это воспринимается совершенно естественно. Подумаешь, кто как познакомился, главное душа в душу в семье жить и детей растить, как завещали деды. А остальное – шелуха суетная. То ли дело в Америке: преподаватель и студентка – это же целый скандал. Правилами учебных заведений запрещено, судебные разбирательства по статье домогательства – мрак просто, а не загнивающий запад!

Конечно, я видел любовные коллизии подобного рода в сериале «Друзья». Да и американский кинематограф, в целом, подробно описывает данную тему, которая в России и за тему-то не считается. И тут на днях я смотрел сериал «Игры разума», про приёмы психологического манипулирования, и наткнулся на сцену, где девушке предложили завести уголовное дело в отношении её преподавателя. Она, разумеется, поначалу ответила отказом, потому что они с ним встречаются и счастливы. Но затем юрист – тоже девушка, ровесница ей – озвучила сумму, которую можно содрать с бедняги: неполученное образование, разбитые мечты, работы не по профессии и всё такое. Одним словом, двести-триста тысяч долларов. «Жертва» замаялась, а я немедленно выключил фильм и звонко ударил себя по лбу: вот он – сюжет!

Конечно, в будущей книге мы предстанем в двух ипостасях. Первая – наша повседневная жизнь, с её многочисленными заботами и маленькими радостями, одухотворённая любовью наша жизнь. А вторая линия – это мы же, но только в Америке, где Катюшу подстерегла змея-адвокатша и они подали на меня в суд. Согласен, сюжет ещё только набросок, но в процессе работы я обещаю что-нибудь придумать! Армянскую мафию подключить... Для острого и приправленного чтива, одним словом. Заодно можно будет показать, что нет ничего страшного в таких отношениях, из которых в Америке делают ужасы, потому что...

– Миш, ты что, уже встал?

Я обернулся в кресле и увидел заспанные Катины глаза, которые моргали на меня с выражением, в котором слились вопросительность, заинтригованность и безразличность. Меня застали на месте преступления, но я отнюдь не намеревался сдаваться. Мужчина вообще никогда не должен сдаваться, за каким бы постыдным занятием его ни застали, даже если он оказался пойман за упаковкой изумрудов к годовщине свадьбы.

– Доброе утро, Катюш! Да, я встал. Решил поработать над срочным заказом, боюсь не успеть сделать. Помнишь, в пятницу ко мне обратились по

нормативным документам? Я подсчитал, мне нужно писать по пять страниц в день, с ссылками, анализом. Короче, ты спи, я тут тихо попечатаю.

– Угу! – кивнула она глазами и через секунду повернулась набок.

Помните фильм «Шпионский мост» с Томом Хэнксом? Где он в самом конце возвращается домой, а жена начинает его упрекать: ой, да ты купил не тот джем, я же тебя просила зайти в магазин на пятой авеню! А спустя минуту дети зовут её к телевизору, потому что там рассказывают о папе. И оказывается, что те дни, когда он якобы был на рыбалке, он на самом деле обменивал шпионов в разделённой стеной Берлине. Слезливый эпизод, тут перед Спилбергом нужно снять шляпу. Я, конечно, не адвокат, обменивающий шпионов. Но что-то секретное в тайной подарочной подготовке всегда есть.

И неважно, идёт ли речь о том, чтобы отлучиться и купить ей подвеску или написать книгу. Последнее, конечно, менее эффектно и, возможно, не так романтично, хотя с этим можно поспорить. Но подвеску, мне кажется, всё-таки проще купить. Достаточно месячную зарплату где-то на стороне заработать – вот и подарок! А книгу написать – это ж целый год уйдёт. А ребёнок появится? Ну, ребёнок появится – можно будет по ночам писать. Отличное прикрытие – и ты хороший отец, и книга пишется. А повышение риска нервного припадка – так это на рехаб можно откладывать понемногу, полежишь недельку, воздухом подышишь, Баха послушаешь. Зато и тебе от неё подарок – сын, и ей от меня – книга.

Так-то вот я написал и умом понимаю: подвеска гораздо сподручнее в этих вопросах. Но и меня же она почему-то выбрала! Что ж, я своим натиском не оставил ей, что ли, никакого выбора разве!? Подумаешь, немного нервный, с мешками под глазами, но и на жизнь-то тоже зарабатываю, ведь про нормативные документы тоже пишу, не только свои развлечения. Но ведь и она-то, Катюша моя, тоже молодец: это ж надо было додуматься на меня в суд подать – там, в Америке...

25 апреля 2016 г.

Глава 1

В кожаевском мире цыган

Теперь по поводу названия. Мы с Катей праздновали свадьбу и ехали в усадьбу графа Бобринского в Богородицке на фотосессию. Вёз нас на своём БМВ в 46-м кузове отец Дионисий. С ним у меня были связаны нелёгкие минуты перед выкупом невесты, поскольку Дионисий не приехал вовремя и оказался вне зоны действия сети. Впрочем, всё разрешилось благополучно, и мы, счастливые и радостные, ехали по заснеженной трассе.

Кажется, уже тогда, к концу нашей поездки, никто не мог вспомнить, откуда вообще взялось это выражение. Мы так много шутили и смеялись, что совершенно потеряли нить. Но само выражение закрепилось как некая альтернативная реальность, в которой всё происходит совсем иначе, так что к чудесам приходится лишь привыкать. «В кожаевском мире цыган» – так Дионисий назвал вызревший у него в голове мир, к которому я, ей-богу, не имею никакого отношения. По крайней мере, не имел раньше. Поскольку как

только я о нём узнал, сразу же начал ощущать, что всё большая часть моей жизни происходит именно в нём.

Но тогда это было не больше, чем остроумный оборот речи. Не сговариваясь мы и употребляли его, не склоняя. Никто ни разу не сказал «кожаевский мир цыган», словно бы это отдельная сущность, которой и нет вовсе. Я уже не припомню точно, но весь бред, который мы тогда выдавали на-гора, сопровождался уточнением: «в кожаевском мире цыган, разумеется».

Что это означает, я и тогда бы объяснить не смог, а сейчас и подавно. Мне кажется, хорошей подсказкой будет сравнить этот вдруг открытый мир с тем, когда вы во сне поднимаетесь на восьмой этаж трёхэтажного дома, и нет в том никакого противоречия. Вот, наверное, что-то подобное происходит и в пресловутом кожаевском мире цыган. Я даже хотел было сократить его до аббревиатуры, но КМЦ весьма неблагозвучное сочетание. Тем более какой-нибудь КожМирЦыг. Тем более мне представляется, что с изменением буквенного состава напрочь разрушается содержание этой тайной вселенной. Так что оставим неисправимых романтиков в кожаевском мире цыган в покое и перейдём к следующей главе.

Глава 2

Ахмед Кожаев по прозвищу Михаил

Чтобы читателю было понятно, с кем он будет иметь дело на протяжении всей оставшейся части книги, поясню о себе самые характерные черты. Из внешности я укажу лишь цвет глаз, волос и бороды. Волосы у меня светлорусые, цвета спелой пшеницы, но борода иссиня-чёрная, как у настоящих кавказских разбойников. Так что когда я в молодости носил бороду, то зимой, в шапке, меня можно было смело принять за ваххабита. Сейчас у меня маленькая, ухоженная борода и выгляжу я вполне по-европейски, как какой-нибудь финский студент. На этом фоне выдаются лишь карие глаза. Точнее, при слабом освещении они кажутся карими, а на солнце – зеленовато-жёлтыми. Но важно то, что ни в коем случае не голубые, как обычно у блондинов.

В своё время я интересовался происхождением своей фамилии и выяснил, что был в шестнадцатом веке такой крымский хан Кожай. С тех пор мне всегда приятно верилось, что я дальний отголосок того самого Кожая. И веру эту значительно укрепляли именно чёрная борода и карие глаза. Тем более что и фамилия моя сродни Басаевым, Дасаевым и прочим лихим людям. С возникшим ощущением собственной важности и опасности для окружающих я и жил, пока, наконец, не понял, что в реальном мире, если ты хочешь в нём чего-то добиться, ты должен быть либо чемпионом по кикбоксингу (а боевыми искусствами я никогда не отличался), либо миллионером. Волевой характер и всякие творческие умения – это, конечно, хорошо, но жить-то тоже на что-то надо. Не на зарплату преподавателя в университете же. Поэтому я устроился автором в местный журнал, а на досуге подрабатывал не совсем законной литературной деятельностью.

Всё дело в том, что ещё в школе я научился писать отличные пасквили на учителей и учеников. Популярность моя в этом искусстве достигла такого

предела, что меня стали читать даже те, кто не читал в принципе ничего. В вузе история повторилась с более-менее похожим сценарием. И так бы и оставался я досужим пасквилистом, если бы не случай. Его воля познакомила меня с моим первым заказчиком. Точнее, заказчицей. С тех пор, кстати, я с женщинами не работаю принципиально. Но тогда меня прельстила возможность получить лёгкие деньги за то, что я умею лучше всего – ставить слова в нужной последовательности.

Заказ оказался донельзя простым. Марина – назовём её так – рассталась со своим молодым человеком. Вернее сказать, он её бросил самым непростительным образом после первой же их близости в полном соответствии с мудрым римским изречением, что всякая тварь печальна после соития. Заела парня та самая печаль, и он объявил о конце их истории любви по телефону. Марина так бы и плакала в подушку, пока не узнала, что её скорый любовник растрещал всем о своей победе в том столь же непростительном тоне, в каком низкие люди хвалятся своими амурными подвигами направо и налево. Девушка расвирепела и решила отомстить. И в качестве мести выбрала самое свирепое её жало – слово.

Итак, мне предстояло в уничижительном виде описать её неудавшегося суженого как человека подлого, отвратительного и с явным замедлением темпов роста определённых частей тела. Была у нас в журнале такая рубрика вроде «публикуем письма наших читателей». Вёл её я, и писалась туда любая лабуда, приходившая мне в голову. Вот именно туда мне и предстояло написать требуемый пассаж, с условием опубликовать под именем «Марина Т., 18 лет». Одним словом, отличный заказ: сочинить что-либо мне предстояло и так, по служебной необходимости, а тут мало того, что сюжет указали, так ещё и заплатят и редакция, и заказчица.

Впрочем, наверное, нет смысла пересказывать здесь тот первый мой заказной фельетон. Тем более что вышел он весьма примитивный и плоский из-под неопытного моего крыла. И пусть мой пассаж нашёл достойный отклик в среде, знакомой с деталями публикациями, но спустя годы я склонен оценивать его как не просто как слабый, а как первую пробу, со всеми вытекающими отсюда недостатками. Заказчице, впрочем, моя работа понравилась. Мы встретились в пиццерии – тогда в моде были пиццерии. Это потом их сменили суши-бары, а в годы моей беззаботной юности ребята, если хотели посидеть где-то с девушками, копили на поход «поесть пиццы».

Поймите меня правильно, я не жлоб и не зануда. Но с мужчинами вести дела гораздо проще: подъехал на парковку, получил через окошко деньги и поехал дальше. Со слабым полом всё почему-то сложнее – театральнее, церемоннее. Ну вот на какой ляд встречаться в пиццерии, чтобы просто передать деньги – у нас же не свидание! А похвалу, если таковая планируется, можно вполне вместить в минутное rendez vous на остановке или где-нибудь в торговом центре. Это во-первых.

А, во-вторых, посидеть в пиццерии – это четверть причитающейся мне суммы. А с зелёным чаем, собранном из какашек высокогорных китайских коз, и того больше. Вот и получается: мы встречаемся, садимся за столик, она

передаёт мне деньги и *на них же* начинает заказывать себе десерт из меню. Я прекрасно могу понять девушек: взяли денег у папы / брата / парня / просто парня, который за ней ухаживает, но которому она никогда не даст / у мамы на худой конец, – и на эти же деньги ест и пьёт в кафе.

Согласен, это отличный вариант. Но я-то, вообще говоря, рассчитывал на всю сумму, причём безо всяких нежностей. Никаких прелюдий, никаких предварительных разговоров – мы встречаемся, делаем всё быстро – и вот я уже иду по проспекту с хрустящими Ярославлями в кошельке и попыхиваю папироской (сейчас я давно бросил) от полученного удовольствия. Теперь скажите мне – ну вот к чему эти встречи, чаепития, просмотры статьи в журнале, который мне пришлось нести через весь город?

Подобные мысли не покидали меня во всю встречу. Но я крепился, улыбался, как законченный светский человек, слушал дифирамбы и был принужден и сам что-то говорить. Еле-еле я дождался, когда принесли счёт. 637 рублей из двух тысяч – да это почти треть, со вздохом сожаления подсчитал я в уме. Представьте, что вы продаёте машину за триста тысяч, а покупательница смотрит вам час в глаза и отдаёт только двести. А вы ещё принуждены улыбаться и поддерживать её сумасбродный смех, от которого на удивление она не начинает биться в конвульсиях.

Неожиданно мы остановились в десяти метрах от остановки. На улице уже стемнело, и нас можно было разглядеть разве что как очертания фигур, силуэты в тени. Она посмотрела на меня отчего-то испуганными глазами, прикрыла их, приблизилась и поцеловала в губы. Уж не знаю, откуда во мне целые залежи деликатности, но я прослушал два часа её истерики, проводил до подъезда, успокоил и, разумеется, пообещал, что всё у неё в жизни наладится, что найдёт она себе парня по себе и тому подобные обороты речи.

Мне казалось, никогда в жизни я не шёл так быстро, как от того подъезда. То ли бы дело мужчина – да он бы мне сам всю сумму ещё до работы привёз, так что нам бы и встречаться не пришлось. Да, озвученной мыслью, я понимаю, отбил я от себя женскую аудиторию. Тем, что попрал их бесценные чувства, выраженные в истовом припадке одной представительницы их неизбывного стана. Но вот такой уж я, как есть, без прикрас.

Да к тому же – говорю же: перестал я работать с девушками. Ну как – было пару исключений, но я всегда о них впоследствии жалел. Это как выбирать консервы в поход: рыбные дешевле тридцати рублей не берите, от них точно ничего хорошего ждать не приходится. Впрочем, милые дамы, вы же меня сейчас осуждаете за бесчувствие, неволью ставя себя на место той девушки. А представьте, что у вас муж с такой позицией по «женскому вопросу» – да вы наверняка будете счастливы, что его работу оплачивают пусть и не подкреплёнными золотом, но всё-таки рублями, а не тет-а-тетами в кафе и потайными поцелуями под шелестящими на ветру липами.

Так что не спешите судить. Тем более что в дальнейшем я избрал многотрудный путь самого изысканного мщения – литературного. Если вы натолкнётесь на объявление о предоставлении услуг изящно-словесной мести –

знайте, что у меня на этом поприще огромный опыт, которому доверяют самые высокопоставленные сановники.

Глава 3 Багровый питон

– Да-да, на следующей неделе к вам обязательно приедут замерщики и всё сделают. – Мужчина в строгом костюме, в очках с золотой оправой и кожаным портфелем в руке говорил по-деловому, но с брезгливостью. – В течение этого месяца вы получите полностью готовый план, оформленный по всем правилам. Так что не переживайте. Только с оплатой не затягивайте, пожалуйста. Когда вы сможете оплатить счёт?

– Так, сегодня среда, – затараторил его собеседник, седой старичок в одежде скаута, – завтра обязательно оплатим, в пятницу – точно, крайний срок! Спасибо вам огромное, Дмитрий Игоревич! Без вас я даже и не знаю, что бы мы делали! Все эти изменения оказались столь внезапными, наш фонд явно не был на них рассчитан...

– Я повторяю, что сделал для вас огромную скидку, меньше не могу – себе в убыток!

– Да, конечно, Дмитрий Игоревич! Я вам очень благодарен! Просто мы совсем не помещаемся в старом помещении, а новое никак не можем ввести в эксплуатацию!

– Я заметил, – саркастически прогнусил тот.

В этот момент мужчины направлялись к выходу из экзотариума. Бизнесмен, к которому так подобострастно обращался старичок, старательно выбирал себе путь, чтобы не запачкать лакированные туфли.

– Так, почему вольер питона открыт? – неожиданно запищал пожилой скаут, являвшийся начальником экзотариума.

– Так переносим же! – ответил один из рабочих, нёсший коробку.

– Дайте я проверю! – столь же пискляво потребовал старичок и потянулся вверх, так что стали видны его напрягшиеся икры в бежевых гетрах. Не успел он приподнять крышку коробки, как крупная, с кулак боксёра, голова питона дёрнулась в сторону бизнесмена и ударила его в лицо. Очки слетели с головы Дмитрия Игоревича, а сам он весь как-то осел и попятился назад. Скаут неистово завопил, раздавая приказания, но все только разбежались кто куда. Питон же успел полностью обвить ошарашенную жертву и потащил её в свой вольер, откуда рептилию вытащили буквально несколько минут назад. Рабочий, который переносил питона, бросился к вольеру и закрыл его.

– Ты что делаешь! – завопил старичок.

– Пусть лучше его одного, чем нас всех задушит!

Начальник вдохнул перегар рабочего и отчасти согласился с его доводами. Затем набрал на телефоне 112 и затараторил, как прежде, пытаясь объяснить, что случилось.

– Ну а теперь-то ты что делаешь! – положив трубку, спросил всё того же рабочего старичок. Молодой человек в это время достал телефон и снимал видео происходящего в вольере.

– Да он его не душит, Василий Степанович! – смеясь, пояснил парень. – Если бы душил, тот бы уже давно посинел. Он его, по ходу, за самку принял и пытается оприходовать!

Рабочий засмеялся самым наивным детским смехом, а Василий Степанович присмотрелся к происходящему в вольере. Питон полностью обвил Дмитрия Игоревича, только теперь головой переместился к ногам, а хвостом тёрся о нос бизнесмена.

– Блин, точно! – подтвердил скаут.

Спустя пять минут рабочий устал смеяться и выложил видео на ю-тьюб. Далее действия развивались стремительно. Запись быстро обнаружили телевизионщики и, смекнув, что к чему, оперативно выехали в экзотариум. Там они обнаружили приехавших спасателей во главе с руководителем пресс-службы ведомства. Корреспондент оперативно включился в работу, и немедленно пристал к старшему.

– Товарищ подполковник, расскажите, пожалуйста, для телезрителей «Первого Тульского», что произошло?

Товарищ подполковник строго и по всей форме отрапортовал о проводимой операции по вызволению пострадавшего, после чего немедленно запретил съёмку. Оператор был вынужден опустить камеру и сделать вид, что выключает её. В это время корреспондент смекнул, что самый слабый рот здесь у старичка в шортах и пробковой шляпе, и атаковал его. Кадры вышли сенсационные:

– Жертвой оказался, – докладывал, как перед президентом, старичок, заглядывая в бумажку, – руководитель архитектурно-проектного бюро, которое согласилось взяться за геодезические изыскания и составление плана нашего нового помещения. Дело в том, что экзотариум вот уже пятый год функционирует без какой-либо государственной или муниципальной поддержки, и...

– Скажите, пожалуйста, как зовут человека, который находится сейчас в плену у питона? – без тени смущения перебил его корреспондент.

– Да, пожалуйста, – интеллигентно подчинился скаут. Для деловитости надел очки и подглядел в бумажку. – Его зовут Багров Дмитрий Игоревич, генеральный директор общества с ограниченной ответственностью «Сплайн», зарегистрированного по адресу: город Киреевск, улица Ленина, дом 18, офис 2.

Парень с микрофоном чуть не рассмеялся, увидев, как серьёзно, как на экзамене, подходит старичок к ответам на его вопросы, задаваемые с официозом разве что для шутки, поскольку материал очевидно выходил из разряда «поржать». Но скаут продолжал:

– Компания осуществляет деятельность в области архитектуры, инженерно-технического проектирования в промышленности и строительстве. ОГРН, – зачитывал начальник экзотариума, – сто пятнадцать, семьсот пятнадцать, четыреста ровно, девяносто шесть, девяносто три. ИНН – семьсот двенадцать, восемьсот ровно, пятьдесят шесть, девяносто три. Компания зарегистрирована межрайонной инспекцией федеральной налоговой службой номер десять третьего апреля две тысячи пятнадцатого года.

– А что сейчас происходит с жертвой питона?

– О-о! – восторженно выдохнул Василий Степанович и приблизился к вольеру, как к святыне. – Сейчас мы наблюдаем удивительный ритуал спаривания. Конечно, вместо самки сейчас названная жертва, но механизм просто потрясающий. Тем, кто никогда не видел, как размножаются змеи, поясню. Самец обвивает самку в столько колец, сколько позволяет его длина. В этом чувстве первобытная и вековая страсть природы по поддержанию жизни. Обратите внимания на хвост нашего красавца-питона. Он сейчас прижат ко рту Дмитрия Игоревича, но в природе здесь должны быть яичники самки. В них самец выпускает семя, из которого впоследствии сформируются яйца. Смотрите, смотрите – семя, семя!

Оператор приблизился вплотную к стеклу, и зрители вечернего выпуска новостей с удивлением узрели крупным планом, как пятиметровый питон в акте любви выбрасывает на очевидную погибель зародыши миллионов питончиков на генерального директора архитектурно-проектного бюро Дмитрия Игоревича Багрова.

Поздно вечером раздался звонок. На экране высветилось имя Якова Борисовича, и сердце моё забило в тревоге в два раза чаще. Я ответил.

– Алло, Миша, привет, дорогой! Решил лично тебе позвонить. Только что прочёл, что ты написал про Багрова, – это просто умора. Я хохотал до слёз, серьёзно тебе говорю! Багрова изнасиловал питон – да ты чёртов гений!

И он залился задорным смехом человека, берущего от жизни всё. В девяностые – по крайней мере, я так слышал – он убил дюжину человек. А сейчас владел крупным бизнесом и весил сто пятьдесят килограммов. Но самое страшное в нём заключилось в том, что он был старообрядцем. Он ходил только в старообрядческую церковь, крестился по поводу и без, в рыбные дни съедал в собственном ресторане по три кило сёмги, а на Пасху раздавал нищим миллион рублей. Целый миллион рублей!

Пока я это вспоминал, он продолжал смеяться в трубку:

– По телевидению вечером показали, ах-ха-ха-ха!

И он снова зашёлся в приступе смеха.

– Слушай, Мишка, ты мне понравился! Ты всё отлично написал, завтра к тебе приедет мой водитель, отдаст деньги! Знаешь, чего бы я хотел? Напиши-ка мне сериал про этого говнюка Багрова!

– Сериал? – переспросил бы я, если бы не поперхнулся.

– Да, сериал! – подтвердил Яков Борисович. – Скажем, каждое воскресенье ты мне присылаешь по новому рассказу, по главке. Чтобы не затягивать, ограничим его злоклучения одним годом. Первую главу ты написал, осталось пятьдесят одну сочинить. Уж больно я хочу этого...

Яков Борисович ругался не просто трёхэтажным матом – из его изречений можно было бы возводить жемчужины матерной архитектуры! Его брань была изысканна и древна. Многие выражения он брал из Писания, которое знал, кажется, наизусть. Отрубая руку укравшему у него, он смешивал постановления Левита с лексиконом одесских жидов, которых ненавидел всех

сердцем, но единственно уважал за красоту изречений. В выражениях он был непредсказуем, ожидать от него можно было чего угодно. В назидание он иногда указывал, что и апостол Павел матерился, если сверяться со славянским переводом его посланий. Всё это я упоминаю, чтобы как-то заполнить то время, пока он изрыгал на Багрова проклятия удивительной по своей красоте срамоты.

– Мудотрясника этого колокольного на место поставить! Понимаешь меня? Ну, значит, договорились! По той же мощне платить тебе буду, а ты каждое воскресенье присылай свои вирши! Что ж ты со мной делаешь, Мишка! – вновь зашёлся он в смехе. – Багрова питон заустил! Ах-ха-ха-ха! Ну давай, пока! Мира твоему дому!

И он повесил трубку прежде, чем я успел возразить. В ужасе я схватился за голову. Яков Борисович считался самым отпетым воротилой среди местных деловых людей. Холодный пот прошибал меня от упоминания одного его имени. Я готов был отдать год жизни, лишь бы он сегодня не звонил. А когда я узнал, что он мне навязал, – готов отдать все десять! Потому что знаю, каких нервов и, в конце концов, какой опасности для жизни мне будет стоить его заказ. В итоге на деньги, полученные за его «багровики», как он сам их назвал, я купил себе дачу. Даже за вычетом всех трат на водку и валидол пятьдесят одно воскресенье подряд. Но каждый раз, когда я вешал для своей Катеньки гамак, меня неизбежно пробивал холодный пот, а в ушах звучал жуткий, хоть и невероятно задорный смех Якова Борисовича.

Конечно, не все заказы были столь опасными для здоровья. История Якова Борисовича для меня даже уникальная. Но случилось разное. И я думаю, вы понимаете, что за заказами, которые требовались мне для обеспечения благополучия моей семьи стоят постоянный стресс, риски, кидалы и много чего ещё. С другой стороны, творческий человек без каких бы то ни было связей с мафией – что увлекательного он напишет...

Глава 4

Свидание в Африке

Впрочем, мы несколько отвлеклись. В начале книги я анонсировал некую американскую линию, в которой всё будет точно так же, как и в нашей жизни, но только по-другому. Даже не знаю, как лучше сказать. Говорят: хорошо там, где нас нет. Вот примерно по такой схеме будет развиваться сюжет и в этой линии. То есть всё то, что я не смог реализовать в жизни, будет перенесено туда, в моё альтер-эго, который весь такой хороший, умный и успешный. Или же совсем нет? Время рассудит.

Но ведь всегда-то мы думаем: вот, и ничто-то ему не мешало в его идеализированной (у меня – американской) жизни достичь небывалых успехов. Другое дело – я. Я ведь даже ещё и лучше него. Да вот мне только сначала мешало то, потом – это. Конечно, всё дело в паршивом невезении. Неужели же я, со своими талантищами, не пробил бы себе дорогу к вершинам? Да конечно, пробил бы! Ух, как пробил бы – мир бы по швам пошёл! Но – это всё обстоятельства мне мешали и продолжают мешать выбиться в жизнь.

Что вы говорите? Воля? Стремление к поставленной цели? Самоконтроль и каторжный труд? Конечно, всё это во мне представлено, и даже в избытке. Мы же обо мне говорим – как может быть иначе. Я же говорю: это всё обстоятельства. А так бы я – обязательно. А так бы я – непременно. Обо мне бы говорили...

Одним словом, думаю, вы поняли: в своего американского коллегу я привнесу всё то, что соответствует представлениям об успехе творческого человека. Я, собственно, для того его в Америку поместил, чтобы более рельефно оттенить одну мысль: что успех *формальный* – деньги, слава, свобода деятельности – не всегда лучше успеха в обретении истинных ценностей – семьи, детей. Даже если ты при этом не очень богат, вынужден трудиться, а творчеству уделять лишь малую толику своего времени, вместо того, чтобы окунуться в него с головой.

Нет, конечно, при всех прочих равных, лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным. Я имею в виду, что, имея возможность заниматься любимым делом, в окружении родных и близких, лучше зарабатывать триста тысяч, чем тридцать. Но вот если выбирать: полная занятость любимым делом, состояние в десятки миллионов, но неудачная личная жизнь – на одной чаше весов, или дом-полная чаша, любимая жена, детки, но при этом откладывать шесть месяцев на пальто и трудиться творчески без сил с половины двенадцатого до часа ночи – на другой. Что бы выбрали вы?

Понятно, вы скажете: зачем такой надрывный выбор? как будто не бывает такого, что и дом-полная чаша, и занимаешься любимым делом всё свободное время, за что и платят достойно. А тут какой-то искусственный выбор: либо с Анжелиной Джоли на зарплату учителя, либо с семипудовой купчихой в золотых палатах. Соглашусь с вами: бывает, что и с Анжелиной Джоли, и в золотых палатах. Но и вы со мной согласитесь: такое же бывает в одном случае из миллиона. А, может, и того реже.

Это всё равно что строить бизнес по книжкам типа «Как я стал миллиардером за четыре месяца». Один-то стал. А сколько тысяч других пытавшихся не стали миллиардерами ни за четыре месяца, ни, извините, за пять? Везение тоже не надо сбрасывать со счетов, это ведь фактор. Да ещё какой!

Впрочем, снова мы не об этом. В конце концов, это ведь не нравоучительная книжка. Скорее, развлекательная. Выводы каждый сможет сделать и сам. А посему предлагаю обратиться к главному персонажу американской линии «кожаевского мира цыган». Для простоты считайте, что это я и есть, только в некой альтернативной реальности. И зовут меня... Нет, как меня зовут – как раз понятно: Майкл. Какую фамилию выбрать? Вот в чём вопрос.

Как по-английски будет «кожа»? Да ладно! Гугл-переводчик, ты что, издеваешься? Это я Скиннер, что ли? Как директор школы в «Симпсонах»? Вот так подстава. С другой стороны, может быть, всё так и должно быть? Ладно, Скиннер так Скиннер.

Итак, прошу любить и жаловать – главный герой современной американской литературы собственной персоной Майкл Скиннер! А чтобы не терять время, отправим его сразу на лекцию, после которой он познакомится со студенткой Кейт Полосян. Да-да, всё верно, в американской линии она ведь тоже армянка!

Одним словом, перенесёмся в Нью-Йорк, прямо в Манхэттен. А ещё точнее – в аудиторию Колумбийского университета, в которой Майкл Скиннер перед двумястами студентами и вольными слушателями читает лекцию о принципах построения сюжета в прозаических произведениях малой формы.

– Кого из мастеров рассказа вы назовёте первым? Фитцджеральд? По? Борхес? Чехов? Можно долго спорить, кто лучший. Но факт остаётся фактом: работа над рассказом – самая сложная для писателя. Роман прощает многие места, написанные в плохом настроении или на скорую руку. Изъяны повести можно оправдать заложенной в ней глубокой идеей. Недочёты рассказа не оправдываются ничем. Любой недочёт в такой короткой форме, как рассказ, превращает надтреснутый бриллиант в ничего не стоящую грудку материала для ювелирии. Как в микроскопе, любая погрешность рассказа оказывается громадным уродством. Вот почему рассказ должен быть огранён, как драгоценный камень. Талант писателя – алмаз. Но чтобы ему стать бриллиантом, ему требуется скрупулёзная огранка.

Точность смыслов, внятность посылки и структуризация содержания в соответствии с формой – вот какие требования предъявляет рассказ к автору. Представьте, что ваша бабушка попала в больницу и пропустила матч любимой футбольной команды.

В аудитории раздался смешок. Лектор сделал паузу, улыбнулся и продолжил:

– И вот она звонит вам и спрашивает: Чарли? Есть здесь Чарли?

Поднялось несколько рук, и вновь раздался смех.

– Или она спрашивает: Лиззи? Есть среди нас Лиззи?

Смущённые Лизы подняли руки.

– Или она, наконец, спрашивает...

Тут Скиннер обратился к девушке в первом ряду, на которую давно поглядывал с особенным интересом, одним только жестом, как её зовут.

– Кейт, – немного вспорхнув ресницами, ответила красавица.

– Да, бабушка спрашивает: Кейт, с каким счётом «Арсенал» обыграл «Астон Виллу»?

Зал вновь взорвался смехом, а лектор пояснил:

– Бабушка недавно переехала из Англии, болеет за «Арсенал», любит «Гиннесс» и концерты Джорджа Карлина, такое бывает. И вот вы отвечаете: «Бабушка, мы победили 3:0! Что говорят врачи о твоём переломе шейки бедра?». «Да к чёрту врачей, Кейт!».

Майкл снова апеллировал к слушательнице в первом ряду.

– «К чёрту этих костоправов, внучка! Расскажи, как это было?». И вот тут есть три варианта развития событий. Если телефон у бабушки заряжен

полностью – это роман. Вы успеете во всех деталях рассказать про каждый угловой, про все замены, про выбежавшего на поле фаната, которого укусила собака, и так далее. Второй вариант – если у бабушки через десять минут обход, это повесть. Вы успеете описать все голы, опасные моменты, жёлтые карточки и даже послематчевое интервью. И, наконец, вариант, что бабушку уже завозят в операционную. Вот это – рассказ.

У вас нет времени размазывать хлеб по маслу! Бабушка! Милая моя бабушка!

Он поднёс ладонь к уху, как будто говорил по телефону.

– Ван Бастен, Гуллит, Батистута. Двадцать седьмая, пятьдесят третья и восемьдесят восьмая минуты. Конечно, данный пример – известное упрощение. Но главный посыл, я думаю, вы уловили: в рассказе вы должны на пяти страницах изложить своего рода концентрат мыслей, идей, образов, красок, событий, намёков, недоговорок – которые в воображении читателя, как вермишель в кипятке, разбухнут до целой повести. Вы являете миру план целого города, снятого с высоты птичьего полёта, а читатель сам наполняет его своими демонами, ангелами, знакомыми или родственниками по собственному усмотрению.

Вот почему так гениален Борхес, всю жизнь писавший только рассказы. Он как огранщик алмазов: еле заметными движениями создаёт целый мир, сияющий в безупречном бриллианте. Один его «Алеф» стоит целого романа. Можете со мной не согласиться, но все гении, тонко чувствующие красоту мира, тяготеют именно к рассказу. Если обратиться к цветочной аллегории, то, скажем, Толстой выстраивает огромные цветочные поляны, у него получается эпическое полотно, мозаика, в которой за всенародным теряется единичное, уникальное. А Чехов восхищается отдельно взятым цветком, чью прелесть он невероятно точно передаёт штрихами, тонкими мазками живописца, которые прячутся в его рассказах между строк.

Лектор застыл в задумчивости, как если бы судьбы мира зависели от его неподвижности. Но уже через секунду от его монументальности не осталось и следа.

– Впрочем, мы начали с рецепта идеального сюжета, – напомнил Майкл. – Я попросил вас написать любое событие, сколь бы фантастическим оно ни казалось, а я постараюсь изобразить чудеса сценарной эквилибристики и изобретательности. Итак, давайте попробуем.

Он взял собранные и переданные ему записки и начал просматривать их.

– Простите, на всё времени не хватит, постараюсь зачитывать и комментировать самое интересное. Так, вот интересное начало: «Человеку предсказали, что он умрёт в катастрофе, в этот день он остался дома, и на него упал самолёт». Видимо, имеется в виду, самолёт упал на дом, в котором остался этот человек. Честно говоря, не вижу в этом особого сюжета. Может быть, тут место для авантюриста, который откроет агентство и будет добиваться от людей требуемых ему действий как раз по предсказаниям. Я имею в виду, специально подстроенным показанием. Но сюжет сам по себе не новый – Эдип,

убивший своего отца и женившийся на своей матери. Неотвратимость судьбы, как бы мы ни хотели её избежать.

Майкл взял следующую бумажку.

– «Мир захватили инопланетяне». Да простят меня любители научной фантастики, но настоящий нерв, настоящая драма и сюжетная новизна кроются не в другом количестве глаз и не в ином устройстве рук, а в эмоциях, переживаниях, необычных мотивах. В план сюжета... Ну, даже не знаю. Если навскидку – мир захватили инопланетяне, которые на поверку оказались республиканцами.

Одна часть аудитории рассмеялась, а другая – недовольно загудела, как будто лектор произнёс шутку фривольного содержания на грани фола.

– Ладно, простите, никого не хотел обидеть! – с улыбкой поспешил откреститься от предложенного варианта сюжета Майкл. – Движемся дальше. «Мужчина забеременел». Это уже старо. Тут можно много фантазировать: в человека пересадили органы рыбы, так что он начал метать икру. Да, кстати, человек-морж, или как этот фильм называется? Человек-апельсин, который роздал себя голодным и стал человеком-целлюлитом. Человек-человек, в конце концов. Вариантов много, в данном случае можно фантазировать до бесконечности. Человек-почка, которого пересаживают обычному человеку, и у них возникает конфликт гражданства. Ну да, тут идеи льются ручьём.

Майкл перелистнул пару бумажек со словами «это было, по-моему, у Кортасара» и «к Сервантесу я отношусь прекрасно». Вдруг глаза его остановились на записке следующего содержания: «Слабо на свидание вслепую?». Молодой человек с достоинством сохранил лицо, но вызов принял:

– Неразборчивый почерк, – нашёлся он, тем самым давая себе время обдумать ответ и попутно щурясь в записку, – «свидания в мире, где все слепые». Тут, наверное, важно, знают ли в этом мире, что зрение существует, или нет. Если знают – это одно. А если никто никогда не слышал о зрении, это совсем другое. Представьте, что есть тип ощущения, которым наделено, скажем, какое-то животное, но ни у кого из людей этого нет. Какая-нибудь, эхолокационная навигация или слышание сверхнизких частот. Все мы этим обделены, поэтому мир, в котором никто не владеет и не подозревает о зрении, будет похожим на наш. А что касается свидания, то лично я назначил бы его где-нибудь в кафе «Африка» часов в восемь вечера. Жаль только, я сегодня улетаю. Так, движемся дальше. Ещё пару идей для построения нетривиального сюжета постараюсь прокомментировать и по возможности развить...

Кейт больше не слушала. Точнее, она старалась слушать дальше, но ничего не слышала. Кровь озорными адреналиновыми вулканами била ей в виски и заглушала всё вокруг громом барабанов. «Африканских барабанов», – поймала она себя на мысли. Только вот как воспринимать слова, что он сегодня улетаёт? Он так сказал, чтобы вдруг не пришла куча девушек, а только она одна? Или он действительно улетаёт и тогда я буду полной дурой? В конце концов, решила Кейт, лучше быть дурой, чем получить шанс и не воспользоваться им по одному лишь неверию.

В восемь ноль пять – опаздывать на много было бы рискованно, а приходить вовремя противоккетливо – Кейт подходила к кафе «Африка». Никаких толп девушек не наблюдалось. Зато у входа стоял Майкл Скиннер с букетом разноцветных гербер.

– Я так и знал, что ту записку написали вы! – улыбнулся он широкой белозубой улыбкой и с лёгким поклоном вручил цветы. – Кейт, если не ошибаюсь?

– Да, Кейт! – подтвердила девушка. Только надо было показать, что она обиделась, поэтому она добавила: – Что, так просто было угадать, кто это написал?

Майкл на секунду задумался.

– Не знаю. Наверное, мне просто хотелось, чтобы это были вы... Впрочем, у нас будет время это обсудить за чашечкой кофе!

И он открыл перед нею дверь. Кейт вдохнула аромат гербер, вспорхнула ресницами и залетела в кафе.

Глава 5 Молоко убежало

Нелли Заслонова ехала в маршрутке в ужасном настроении. К экзамену она не подготовилась. Точнее, подготовилась, но не так хорошо, как могла бы. Не так хорошо, как представляла себе пару дней назад, когда только начинала готовиться. Как ни пыталась заснуть, не выспалась, макияжем осталась недовольна, плюс потянуло вниз живота перед месячными. Ну просто одно к одному. Да ещё папа куда-то отправил водителя с самого утра, так что пришлось ехать на общественном транспорте. Благо время было раннее и не было такой толкотни, как в час-пик, когда все едут на работу.

В салоне автобуса вместе с Нелли ехала древняя старушка, с саженцами растений, вымерших у остального человечества полвека назад. Это в одной сумке. В другой – нехитрые продукты и почему-то много пустых упаковок из-под яиц. Очередная сумасшедшая дачница.

Поодаль сидели два парня. Тоже, видимо, студенты, только совсем зелёные. Наверное, только после школы. За ними, спиной к Нелли, массивный мужчина. Обычно так говорят про мебель: массивный шкаф. Мужчина чем-то очень на него походил. И ещё у окошка беззаветно спала женщина, судя по виду, задремавшая лет эдак двадцать назад.

На остановке в автобус вошёл красивый мужчина, атлетичный, стильный, ухоженный. Лет под тридцать на вид. Оплатил проезд и сел в начале салона лицом к Нелли. Заметив её, деликатно улыбнулся. Впрочем, практически сразу отвёл взгляд в сторону. А ещё через секунду дохнуло знойным ароматом кедра и бергамота. Нелли даже немножко замечталась, глядя на молодого человека.

Маршрутка закрыла двери, тронулась с остановки, и водитель выехал на перекрёсток на загоревшийся зелёный. В эту секунду откуда-то справа раздался и моментально приблизился жуткий пчелиный «ж-ж-ж». После чего в переднюю часть автобуса на полной скорости врезался серебристый спорткар. Напрочь снёс бампер маршрутки, завалился набок и, испуская громкие искры,

врезался в противоположную остановку. Слава Богу, на ней в этот момент никого не было.

Автобус же перевернулся, пробороздил асфальт крышей, завалился набок и вылетел на тротуар. Здесь его протащило несколько метров, прежде чем он врезался в стену магазина, располагавшегося на первом этаже жилого дома. В салон потекла розовая жидкость, пахнуло чем-то техническим. Выходную дверь искорёжило, из водительской торчал кусок перекрытия свода. Сам водитель не подавал признаков жизни. Запасной выход был наглухо заварен, так что выйти оставалось лишь через одно из стёкол.

Через секунду после аварии вокруг закричали, закрихтали, заголосили. Завопил кто-то и снаружи, на улице. На лицах пассажиров Нелли, как в зеркале, разглядела панику вперемижку с болью. У девушки гудело ребро, которым она, видимо, ударилась при падении. Мужчина-шкаф держался за окровавленную голову. Дачница копошилась в саженцах, как на грядке, так что невозможно было разобрать, что с ней. Спящая женщина проснулась и глядела во все стороны непонимающим, искривлённым от страха лицом. В это время спереди повалил дым и запахло палёным.

Единственно зашедший перед аварией парень, казалось, сохранял хладнокровие. Оценив ситуацию, он упёрся в переднее сиденье и ударил ботинком в лобовое стекло. Второй раз, третий. Стекло треснуло, но покидать раму не собиралось. Из моторного отсека показался открытый огонь. Молодой человек пробрался в салон, к месту, где обычно висит молоток. Молотка, разумеется, не было, равно как и буквы «т» в надписи «При аварии разбить стекло моло..ком».

Но оказалось, что красавчик пробирался совсем не сюда: видимо, сразу разглядел, что разбивать стекло нечем. Вместо этого он схватил сумку пенсионерки и достал из неё пакет молока. Вместе с ним вернулся в начало салона, открыл пакет и... вылил содержимое на стекло. То ли от жара, поднимавшегося от горящего в двигателе масла, то ли от непреложности инструкции – но хрупкое стекло разлетелось на куски, освободив путь к спасению.

Красавчик приказал двум студентам выбираться самостоятельно, а сам направился сперва к заистерившей женщине, затем к дачнице, начавшей приходить в себя. После них взял на руки Нелли, которую охватил непонятный столбняк. Осторожно вынес, унёс подальше от автобуса, прислонил к подоконнику. Снова улыбнулся своей обворожительной и какой-то интеллигентной улыбкой. И побежал вызволять из плена грузного мужчину, полголовы которого залило красным.

Буквально спустя пару секунд после того, как все были спасены, автобус с громоподобным хлопком взорвался, отчего дюжина припаркованных рядом машин дружно загудела сигнализациями. Спаситель же поступил совсем необычно: как только рвануло, поднял воротник и спешно зашагал прочь в подворотню.

Дальше всё было, как в настоящем фильме. Приехали пожарные, скорая, полицейские. Прибыла машина МЧС, за ней – следственный комитет. Едва ли

не раньше всех на месте происшествия работали журналисты. Впрочем, совсем скоро лавочку быстро прикрыли. Потому что к злополучному перекрёстку в сопровождении кортежа ДПС прибыл единственный в регионе автомобиль с мигалкой. Это был не кто иной, как губернатор. Ах, да, мы совсем забыли сказать: Нелли Заслонова была губернаторской дочкой.

Из салона чуть ли не на ходу выскочил Дмитрий Сергеевич Заслонов и бросился к дочери.

– Нелечка, Неля, милая, как ты? Он осторожно обнял её руками, осматривая и прислушиваясь к её ответу.

– Всё в порядке, папа! – ответила та. – Только на экзамен теперь опоздаю, наверно.

– Какой экзамен, дочка, ты что! – губернатор удостоверился, что с Нелли всё в порядке, и обнял её крепче, стал целовать в макушку. – Главное, что ты жива, здорова! Ничего не болит?

– Нет-нет, всё в порядке!

– В рубашке родилась! – раздался рядом голос медсестры из кареты скорой помощи. – Пара ушибов и ни одной ссадины. Можем её госпитализировать, но необходимости в этом нет, днём выписывать можно будет. Единственное, что ей сейчас нужно, – покой. Пусть полежит дома денёк-другой, от шока успокоится.

– Спасибо! – с чувством произнёс Дмитрий Сергеевич и вспомнил о своих губернаторских обязанностях. – Нужны ли ещё машины? Сопровождение в больницу организовать?

– Да вот до больницы-то пятьсот метров! – ответила та же женщина. – Всех сейчас на одной машине и отвезём. Серьёзно пострадавших нет, только у мужчины подозрение на сотрясение мозга и порезы кожных покровов черепа. Но ничего страшного, вот уже отъезжаем!

– Так, майор! – губернатор подозвал полицейского из кортежа сопровождения. – Заряди сейчас ДПС, чтобы довезли скорую помощь до Ваныкинской больницы.

Майор схватился за фуражку и побежал выполнять поручение. Секунду спустя проспект огласила сирена, и состав из полицейской и медицинской машин отправился в беспрепятственный путь.

– Папа, только *его* найти надо! – вдруг заявила Нелли.

– Кого? – удивился отец.

– Парня, который меня спас! Который всех нас спас! Как только автобус опрокинулся, он бросился разбить стекло и всех нас через него и вытащил. А потом повернулся резко и пошёл прочь.

– Описать его сможешь?

– Смогу, наверно.

Губернатор призвал другого полицейского.

– Так, объявить в розыск молодого человека. Нелли сейчас даст его словесный портрет. Сразу же передать всем постам, патрулям, на вокзалы, линейным. Составите фоторобот – сразу же на все региональные телеканалы.

– Папа, так он же не преступник! Он меня спас!

– Да, – согласился Дмитрий Сергеевич и смягчил тон: – при задержании силу не применять, доставить сразу ко мне, Макашову я позвоню, он подготовит грамоту от МВД. Это на первое время. А там разберёмся, как его наградить. Доставить в целости и сохранности! Выполнять.

Полицейский отскочил, как каучуковый шарик от стенки, и полетел исполнять поручение. Дмитрий Сергеевич усадил дочку в свой автомобиль и повёз её домой, отпаивать чаем с мёдом или вареньем, или всем, чем ей только заблагорассудится после этого ужасного происшествия.

Глава 6

Честь канонира

– Так, Кожаев, ты почему ещё здесь?

– Всё, уезжаю на интервью!

– Ты уже полчаса, как должен там быть! Ты что! Давай – ноги в руки, и в филармонию! Иван Фрост раз в год у нас бывает! Мы его на обложку планируем, а ты до сих пор здесь трёшься!

– Виктор Васильевич, да какой Фрост на обложку! Это же выскочка, которого в интернете раскрутили! Что он из себя представляет? Два куплета, три прихлопа – не музыка, а ай-на-нэ! Что вы все из него Магомаева делаете?

– Кожаев, ты совсем охренел, что ли? Это в твоём мире Магомаев – это звезда! Кому он нужен сегодня? Ты ещё Шаляпина вспомни! Фрост – это звезда первой величины! Он стадионы собирает! Девочки от него писаются, так что потом уборщицы тряпками полы выжимают! Дуй давай в филармонию! Чтобы больше всех вопросов задал, понял? Чтобы он наш журнал запомнил, как свои пять нот! Как до-ре-ми-фа-соль!

– А ля-си?

– Давай не ля-си мне тут! Собрался и поехал! Материал на разворот должен быть! Безо всяких твоих выдумок, что он в нашем городе нашёл первую любовь и потерял девственность... Всё потом со «Слободой» сравню – если хоть предложение от себя выдумаешь – премии лишу!

Кому хочется лишаться премии! Разумеется, я побурчал немного и стал собираться. Хорошо ещё, что начальник застал меня, когда я уже в целом закончил главу моей повести. Ну вы поняли – дочка губернатора и спасший её парень, которого объявили в розыск, – это персонажи моей повести, которую я пишу на досуге. В смысле – на работе, пока никто не видит. Делаю вид, что редактирую интервью или пишу вступление для очередной статьи из какого-либо нашего цикла, – но на самом деле я сочиняю. Потому что некогда больше. Нет, я и на выходных пишу, и в будни, в свободное время. Только вот времени этого совсем не хватает!

В студенчестве было хорошо – сочиняй, сколько душе угодно! Впрочем, я этим и занимался. Только получалась либо белиберда, либо заумь. Хотя иногда это одно и то же. А теперь времени нет. В семь встаёшь, в семь освобождаешься. А иногда и позже, как, например, сегодня, из-за этого дурацкого интервью. Вот и когда писать? Приходится выкручиваться. Пусть и против собственного имиджа: приходится делать вид, что долго размышляешь

над статьёй, что муки творчества или что просто туповат от природы. Думают о тебе не очень, да мне их мысли – как кошке по шерсти.

Зато я уже третью повесть без отрыва от производства пишу! Только сочинения мои тоже не очень – ни одно издательство не берётся пока их печатать. Я иногда рефлексирую по этому поводу: вот, и на работе меня считают тугодумом, и в издательствах от ворот поворот. Но я на эти вещи смотрю стоически. Мало ли примеров, когда люди становились известными и в пятьдесят, и старше! Да и не из-за славы же всё это! Признание – это важно. Но важнее – получать удовольствие от творчества и не останавливаться, никогда не прекращать работать над собой и делать продукт ещё лучше. Даже если оценят спустя четверть века дюжина любителей региональной словесности в твидовых пиджаках, которые будут собираться в гостиных и пить чай вприкуску с глубокомысленными замечаниями с малиной.

Короче, вы и сами прекрасно знаете эти схемы. Художники: предпочитают самоизоляцию, экзальтацию и беспорядочные половые связи, приводящие к нарушениям когнитивной деятельности, что им только на руку. Музыканты: заостряются на поиске собственного звучания, плывут по волнам еженощных тусовок и коллекционируют забавные случаи, произошедшие вследствие их неадекватного поведения. Писатели: склонны винить всё окружающее в том, что они до сих пор непризнанны, а свои более чем скромные достижения любят пропускать через стократную лупу самолюбования.

Вот именно к последним, пожалуй, отношусь и я. Даже сейчас, пока я собираюсь на интервью, я подспудно ругаю своего начальника на чём свет. А в чём он, собственно, виноват? В том, что имеет самодисциплину и умеет организовывать подчинённых, вследствие чего зарабатывает больше нас? Да, именно в этом его ужасное и гнусное преступление! В глубине души я смотрю на него немного свысока, потому что, говоря откровенно, он не очень хорошо владеет письменной речью, да и другими талантами не блещет. Но если порыться в душе ещё глубже, то на поверку ты начинаешь его уважать. Потому что несмотря на всё сказанное, он умеет извлекать выгоду практически из воздуха. И тогда я начинаю презирать *себя*, потому что – что же я такой бедный, если я такой талантливый?

Но я отвлёкся. Та повесть, о которой я начал рассказывать. В ней тот самый парень, который всех спас, на самом деле беглый преступник. Он и так в розыске, поэтому и не захотел славы и предпочёл скрыться. Да, я предпочитаю раскрывать все карты сразу. Потому что выходит у кого-нибудь книга, и ты спрашиваешь: о чём она? И автор не может ответить! Вместо этого он начинает пересказывать древнеиндийский эпос, от которого ты лишаешься чувств и просыпаешься в плену у талибов.

Я давно это понял: лучшее произведение – это то, про которое ты можешь рассказать в одном предложении! Я и сам стал практиковать такие сочинения. И всегда могу рассказать о них предельно кратко. Например: роман о том, как парень научился умирать смертью других людей и оставаться при этом в живых. Если вы спросите меня, о чём повесть, которую я сейчас пишу, я

ответу: об офисной магии. Своего рода прикладное, практическое применение магии в быту.

Согласен, звучит несколько странно. Но ведь нас не удивляют народные поверья типа присесть на дорожку, или посмотреться в зеркало, вернувшись за забытой вещью, или подложить под пятку пятак. Примерно ту же систему мышления, чисто магического, я перенёс в нашу современную жизнь, где люди полжизни проводят в офисах. Соответственно, благополучие теперь зависит не от урожая и здоровья скота, а от выполнения плана и методичного просиживания стульев. А благоволение богов и духов сменилось расположением начальства и ритуализированными отношениями с клиентами.

Но всё это ещё впереди. Понимаю, пока спасение девушки никак не связывается у вас с офисным знахарством, но вскоре вы поймёте, что к чему. Я даже хотел отмечать главы моей повести каким-нибудь иным шрифтом, чтобы вы сразу переносились в её среду. Например, вот таким. Солнечным утром Нелли вышла из дома без нижнего белья. Шучу, шучу. ...вышла из дома в лёгком платице с узорами в японском стиле. Лёгкий ветерок...

Не знаю, уместна ли такая разношрифтица в едином тексте? К тому же придётся придумывать отдельный шрифт для американской линии. Майкл Скиннер увидел Кейт в свете софитов. Она была в лёгком платице с треугольными принтами. Хотя какой ещё Майкл Скиннер! Я же всего лишь лирический герой, который работает в журнале и попутно пишет повесть! Откуда я могу знать про какую-то американскую линию? Об этом ведаёт только я-автор. А я-лирический-герой, конечно, даже и догадываться не может ни о чём таком. Иначе бы пришлось и для моей истории придумывать отдельный шрифт.

- Кожаев, ты опять упустил дэдлайн!
- Какой лайн? Нет, я сегодня на машине!
- Тупица!

Боже, какой же я рассеянный! Я же просто хотел рассказать немного о себе и о повести, которую пишу. Какая же это сложная штука – дисциплина ума. Иной раз диву даёшься: начинаешь думать о чём-то, пытаешься сосредоточиться, и вдруг понимаешь, что за минуту перескочил через десяток посторонних мыслей, воспоминаний и ассоциаций. Ладно, расскажу обо всём чуть позже, потому что в данный момент я уже показываю служебное удостоверение и вхожу в филармонию, чтобы взять интервью у Ивана Фроста.

Он уже, кстати, пришёл к журналистам, так что я опоздал. Но ничего страшного, у меня всегда наготове десяток вопросов, которые любого поставят в тупик. Надо только тихонько протиснуться поближе, покивать пару минут, после чего можно вступать в бой.

– ...мы познакомились с ней на съёмках моего последнего клипа, «Любовь на расстоянии». Ангелина просто прекрасна! Она так плавно двигалась в кадре. Ещё бы, ведь она профессиональная танцовщица. Именно благодаря ей я полюбил балет. С Линой вместе мы были на вручении премии MTV-Russia, но

между нами ничего нет, как об этом писала пресса. Мы просто большие друзья...

Я покивал ещё с минуту, после чего поднял руку, чтобы задать свой вопрос:

– Добрый вечер, Иван! Журнал «Канонир». Спасибо, что приехали в наш город! Вопрос следующий. Сегодня многие звёзды активно участвуют в благотворительности. Скажите, пожалуйста, в какой фонд и на какие нужды пойдут средства от сегодняшнего концерта?

Фрост заметно стусевался. Он по привычке обернулся в сторону, но продюсера рядом не оказалось, так что пришлось выкручиваться самому.

– Ммм, боюсь, я не в курсе, на что именно пойдут средства от сегодняшнего концерта... К благотворительности я отношусь замечательно... Фонды – это очень правильно...

Я дал артисту немного передохнуть. Другие журналисты спросили у него про какую-то актрису и про какой-то его альбом. Честно говоря, я даже не знал, что у него альбомы есть. Или один – альбом. Поэтому я задал вопрос по делу.

– Иван, ещё вопрос от журнала «Канонир». Величайший вокальный педагог современности Сергей Викторович Игнатов, которого вы наверняка знаете по университету культуры и искусства, в деле воспитания мужских голосов особую роль отводил освоению верхнего участка диапазона голоса и достижению ровности звучания на всём его протяжении. – Да, я всё-таки подготовился к интервью и заучил несколько вроде бы умных фраз. Сергея Викторовича Игнатова я выдумал от начала и до конца, а университет Фроста упомянул для того, чтобы он попал в мою ловушку. – В этой связи вопрос, как вы осваиваете верхний регистр диапазона? И насколько важно для вас академическое освоение вокала?

Вот уж не знаю, как можно ничего не заподозрить в моём вопросе? На месте Фроста я бы начал смеяться уже на втором предложении. Но наша звезда подвоха не почуяла, напротив – съёжилась и начала нести.

– Да, это очень важный компонент певческого мастерства! И я с большим уважением отношусь к... маэстро Игнатову!

Отлично! Не только его упомянул, но и имя-фамилию не запомнил, а вместо этого назвал его «маэстро»! Остальную часть ответа я предоставил диктофону. А сам уже представлял разгромную статью на разворот, о которой никто даже не догадается, что она разгромная, а это изысканнее всего! Спасибо, судьба, что одариваешь популярностью тех, кто готов отвечать всё что угодно, лишь бы не показать виду, что он чего-то не знает.

В дальнейшем я стал напирать, задавать вопросы, призванные ещё больше озадачить и поставить Фроста в тупик. Спросил пару апорий типа «Вы уже перестали испытывать недовольство властью?». Под конец артист смотрел на меня с плохо скрываемой ненавистью. Вдруг, когда я спросил его о выборах в США, Иван вспыхнул и начал меня оскорблять:

– Послушайте, почему вы задаёте такие вопросы?

– Что вы имеете в виду? О выборах президента? – я сделал интеллигентное лицо, как будто не понимал причины негодования артиста. – У нас свободная

страна, мы можем открыто критиковать и даже осуждать президентов! Американских, конечно же.

Пишущая братия в основной своей массе рассмеялась, но некоторые заметно напряглись от ощущения неминуемого скандала, если я не остановлюсь. Но останавливаться я решительно не собирался.

– Причём здесь вообще выборы в США! – вспыхнул Фрост. – Идёт интервью у крупного артиста, а вы спрашиваете о чём угодно, только не о моём творчестве! Да ещё скрываетесь ото всех! Что это за название журнала – «Аноним»? Вы скажите чётко, кто вы!

Вышеуказанный «аноним» настолько меня сразил, что я на время оставил в стороне вырвавшуюся у Ивана фразу о «крупном артисте», которым он, по видимому, считал себя безо всяких сомнений. Но оказалось, что он не расслышал название журнала, которое я упоминал в каждом вопросе. Мне казалось, весьма внятно...

– Журнал «Ка-но-нир», – по слогам объявил я. – Не аноним, а канонир. Это пушкарь, если вы не знаете. У нас оружейный город...

– Да плевать я хотел на ваш город! – перебил меня Иван. – Что вы меня учить вздумали! Думаете, я не знаю, кто такой этот ваш канонир? Я получаю второе высшее образование, у меня диплом, а вы мелете какую-то чушь и думаете меня учить?

– Простите, пожалуйста, но я выполняю свою работу... – я начал деланно оправдываться, зная по опыту, что лучший способ вывести собеседника из себя – быть подчёркнуто вежливым.

– Какую на хрен работу! – разъярился ещё больше Фрост. – Я приехал к вам в город, это уже для вас праздник! Вы должны прийти, выслушать, что я вам хочу сказать, и напечатать об этом в своих провинциальных газетёнках.

Тут уже большая часть аудитории вознегодовала гневом праведным.

– А вместо этого, – брызгал слюной Иван, – вы творите скандал!

Неожиданно он встал, так что пошатнулся журнальный столик, стоявший рядом, и объявил:

– Я хочу, чтобы все знали: я отменяю концерт в вашем городе из-за журнала «Канонист»!

И он во всеувидение указал на меня пальцем.

– Вообще-то «Канонир»! – как ни в чём не бывало поправил его я. – А «канонист»... это вы лучше в гримёрке у себя... раз девушки нет...

Иван Фрост чуть не бросился на меня с кулаками.

– Да пошёл ты на хрен, урод! Ты на кого прёшь?

Соня, наш фотограф, едва успела отскочить, потому что Фрост приблизился ко мне, что называется, лицом к лицу. Так обычно упираются лбами друг в друга боксёры перед боем. Только я не упирался – напротив, даже поднял руки, мол, бей, если хочешь! В этот момент подоспел менеджер певца, ухватил за локоть и потащил прочь, пока тот изрыгал проклятия в мой адрес. Но он и так наговорил много лишнего, за что его определённо невзлюбят в нашем городе. Да и материал получился бы прекрасный – жаль, что меня наверняка уволят ещё до захода солнца...

Гул негодования поднялся в помещении, где проходила пресс-конференция. Всем стало ясно, что концерт, скорее всего, будет отменён, что последует официальная реакция продюсеров Фроста – одним словом, скандал. Самые сообразительные уже названивали в свои редакции. На меня все посматривали со смесью удивления, негодования, сочувствия и сожаления. Я подошёл к Соне и предложил ей сходить выпить. Разумеется, после того, как она отправит фотографии Виктору Васильевичу.

К моему удивлению, она согласилась. Соня была из разряда независимых альфа-самок, если можно так выразиться. Длинные волосы с одной стороны, короткая стрижка с другой, татуировки по локти, агрессивный макияж и праворульная двухместная «Тойота», на которой она летала, как ведьма на шабаше.

– Мы с тобой вряд ли будем общаться в дальнейшем, – я начал откровенно.
– Но я хочу, чтобы ты знала: ты мне нравишься! В смысле, ты очень красивая, стильная и всё такое, но не совсем в моём вкусе, извини.

Соня посмотрела на меня с удивлением.

– Я имею в виду, ты мне нравишься как человек! Я бы хотел с тобой дружить, скажем, в формате вечерних встреч дважды в неделю. Хотел бы – потому что я понимаю, что мы из разных кругов, так что этого, наверно, не будет. Но я тебе просто об этом говорю.

Мы подошли к бару в квартале от филармонии.

– Да ладно, не переживай ты так! – она попыталась меня успокоить.

– Нет, я не переживаю! – с оживлением запротестовал я. – Чего волноваться? Я знаю, скоро мне позвонит Смирнов, будет орать и объявит, что увольняет меня. Завтра я приеду забрать вещи и получить расчёт. После этого неделю буду кататься на велосипеде, найду себе новую работу и продолжу заниматься всей этой хренью. Так что я совсем не переживаю. Ты не подумай, я просто тебе говорю то, что есть. Ну, и я угощаю...

Казалось, Соня удивилась ещё больше.

– Ладно, – кивнула, наконец, она. – В смысле не потому, что ты угощаешь. А вообще, из-за всего, что ты сказал.

Я открыл перед девушкой дверь, и мы вошли внутрь.

– Слушай, давай сядем у барной стойки! – вдруг предложил я. – Что-то у меня такое настроение, что домой меня сегодня отнесёт моя стража.

– Твоя стража? – рассмеялась Соня.

– Не обращай внимания, – я махнул рукой. – Я так называю «телепорт». Это когда ты прощаешься со всеми, бахаешь абсент и через секунду открываешь глаза уже утром, дома. Обычно я так и говорю: меня вчера отнесли домой охранники, или крепостные, или сельская интеллигенция – что в голову взбредёт. Ты что будешь?

– «Лонг айленд», пожалуй! – бармен утвердительно кивнул ей. – Ты странный...

– А мне десятилетний «Лафройг», если есть! – не обращая внимания на последнюю реплику, сделал заказ я.

– «Лафройга» у нас не бывает, – извиняющимся тоном объявил бармен.

– По всей смоленщине нет кокаина? – процитировал я в воздух. – Тогда давайте для начала, скажем, «Бэллентайнс» со льдом. Спасибо!

Пока бармен занялся напитками, Соня поинтересовалась, что это за «Лафройг».

– Шотландский виски, солод для которого обжигают на торфе, из-за чего аромат у него такой, будто поместье сгорело, а вкус – словно йод выдержали на углях. Правда, я его ещё ни разу не пробовал, это произойдёт только спустя четыре года, если верить книге судьбы.

Соня дипломатично сжала губы, словно была готова принять сказанное, но в итоге не выдержала и спросила:

– Вот именно поэтому тебя и считают странным! Что значит: я попробую только через четыре года? Это что, игра какая-то?

– Гм, как бы тебе объяснить, Сонь? Вот смотри, у тебя было такое, что ты встречаешь парня, жутко в него влюбляешься, а потом он разбивает тебе сердце, так что ты считаешь, что жизнь разрушена? А потом проходит время, много времени, ты встречаешься с другим человеком, с которым действительно счастлива. И ты смотришь в прошлое и думаешь: со мной ли это было? Неужели я хотела наложить на себя руки из-за того придурка?

– Прямо вот так со мной не было, но твой сценарий я представила. И что?

– Теперь представь, что твоя жизнь – это большущий фильм. И зритель может его перемотать на тот момент, когда ты встречалась с тем, первым парнем. Мы уже знаем, что ты будешь счастлива с другим, родишь от него двух дочек, у вас будет собственная студия. Мы всё это уже знаем! Но в тот момент для тебя самой это неизвестно – по одной простой причине: ты не хочешь узнать собственное будущее, считая это невозможным...

– Стало быть, ты своё будущее знаешь? – мы чокнулись принесёнными напитками. – У тебя будет двое сыновей, дача в шесть соток, пикап, а тот виски ты попробуешь через четыре года, верно?

– Не совсем, – я пригубил вслед за Соней. – У меня будут две дочки – Лиза и Аня, сын Алексей, дом в Крыму, старый «Ленд Ровер», а «Лафройг» – да, я попробую его через четыре года. Меня угостит им моя будущая супруга на мой день рождения.

Соня закивала с видом психиатра, слушающего нового пациента.

– Аминь! – с улыбкой заключила она. – Я, конечно, не испытываю радости, что тебя уволят. Честно говоря, мы с тобой как-то и не общались, так что, извини, я несколько безразлична на этот счёт. Зато я точно знаю, что одним психом в нашей конторе станет меньше!

– Аминь! – согласился я, и мы вновь чокнулись.

В этот момент раздался звонок. Звонил Виктор Васильевич. Я показал его имя на дисплее, и Соня мимикой пожелала мне терпения.

– Да, Виктор Васильевич!

В ответ посыпалась матерная тирада, перемежаемая словами «какого», «твою» и «малолетний».

– Ты телевизор включал? Там уже во всю этот скандал мусолят! Ты сорвал концерт Фроста! Ты вообще понимаешь, что я говорю? Ты – сорвал – концерт – Фроста!!! Меня за это...

Далее продолжился карнавал мата с упоминанием физиологических пунктов, процессов, подробностей и прочих слов на букву «п». Мне сразу вспомнилась статья из журнала про бизнес про использование начальством обценной лексики.

«Обращали внимание, как часто в деловом обиходе используется сексуально окрашенная лексика – вплоть до непечатной? – кажется, так начиналось введение к той статье. – Послушать эмоциональные высказывания менеджеров по офисам и цехам – так почти все они на словах состоят в причудливых сексуальных отношениях со своей работой, отчётами, производственными линиями и целыми заводами».

Припоминание статьи отвлекло меня от неминуемой кары, пока Виктор Васильевич брызгал кипящей слюной, обжигавшей мне ухо. Затем посыпались угрозы и проклятия, иногда смягчавшиеся описаниями ожидавшей меня физической расправы. Некоторые части моего тела, казалось, уже подвергались тем изменениям, разрывам и деформациям, которые столь щедро обещались мне при личной встрече.

Странно, но в тот момент я вдруг поймал себя на мысли, что проявлением настоящей мужской стойкости будет просидеть на барном стуле и не поддаться искушению вскочить и убежать дослушивать приговор где-нибудь в коридоре. Не то чтобы я выпендривался перед Соней, но её присутствие, скажем откровенно, значительно упрощало мне задачу неразрывно держать свою задницу в союзе со стулом до самого конца испытания.

Спустя несколько кругов ада Виктор Васильевич стал уставать. В какой-то момент он просто послал меня в самое многоэтажное здание, которое только мог выстроить из своего мата, вылил помой проклятий единым ведром мне на голову и положил трубку. Естественно, приказав прийти завтра за расчётом. Думаю, он сегодня всю ночь будет репетировать мои египетские казни. Я убрал телефон от дымящегося уха и с неподдельной искренностью признался:

– Не очень приятно...

– Ладно, не парься! – тирада начальника заставила Соню смягчиться по отношению ко мне. – А вообще, знаешь, круто ты его уделал.

То ли коктейль ударил ей в голову, то ли она говорила честно, но в любом случае мне стало легче. Я даже проникся масштабностью своей глупости, которая, как известно, иногда незаметно перетекает в мнимую мудрость. Я хотел было что-то ответить, но в этот момент бармен прибавил громкость транслируемого по телевизору музыкального канала, и мы с Соней услышали следующее:

– Скандалом закончилась сегодняшняя пресс-конференция Ивана Фроста, – вещал диктор с очками в пол-экрана. – На вопрос журналиста о вокальном мастерстве Фрост забыл, как зовут величайшего педагога Сергея Викторовича Игнатова, и назвал его просто «маэстро»...

– Господи, и они, что ли, ничего не поняли!? – у меня с уст слетело все имя Господне.

Соня не успела ничего спросить и поэтому продолжила смотреть репортаж.

– ...а когда Ивану задал вопрос представитель журнала «Канонир», Фрост назвал издание сначала «Аноним», а затем – «Канонист». Журналист нашёлся, что ответить звезде.

На экране появилось моё лицо крупным планом, и я непохожим на мой голосом произнёс:

– Вообще-то «Канонир»! А «канонист» – это вы лучше в гримёрке у себя, раз девушки нет.

– В ответ, – сообщил назойливый ведущий, – Фрост бросился на журналиста с кулаками и заявил, что не будет выступать в городе, цитирую артиста: «для которого мой приезд уже должен быть праздник». По слухам, юристы певца уже готовят иск к местному изданию...

– Вот ещё новости! – не удержался я от восклицания. – Мало того, что увольняют с позором, так ещё и дело шьют!

В тот момент я даже испугался, как бы вся эта история не выросла в нечто гораздо большее.

– Да ладно, ты первый день в этой кухне варишься? – Соня махнула ладонью. – Тем более он сказал «по слухам». Но даже если это правда, то иск всегда предъявляют изданию, а не журналисту. Если он только сам не какая-нибудь звезда. Но это, извини, не твой случай. К тому же что с тебя взять! Опять извини!

Она улыбнулась, заметно смущённая откровенностью своих рассуждений.

– Но я думаю, дальше этого скандала дело не пойдёт. Фрост ведь тоже себе репутацию подмочил. Да и сам на сколько денег попал! Концерт сорвать – это не в ресторан не выйти! Сейчас тысяча гневных зрителей осадит кассы, так что как бы тем же юристам не пришлось самим иски разгребать.

Соня сделала пару глотков коктейля и призналась:

– А вообще ты правильно сделал, что осадил его! Задрали уже эти «звёзды»! – кавычками она обернула слово с помощью интонации и продублировала согнутыми пальцами. – От горшка три вершка, а уже взрослые, что Толстой. Попробуй не восхититься их достоинствами, и ты сразу дикарь. Правильно ты его! Я даже рада, что его концерт не состоится у нас! Так и город чище станет, если мусорить меньше начнут...

Девушка задумалась над сказанными ею же словами, но, впрочем, быстро вернулась к реальности.

– Ладно, Кожаев! С тобой было приятно работать! Удачи тебе, а мне пора!

– Давай, Сонь! Спасибо!

Мы обнялись и поцеловались, как это умеют делать девушки друг с другом – едва соприкоснувшись челюстями и направив чмоки в противоположные галактики. После этого не иначе, как космос случился со мной, поскольку в следующее мгновение я открыл глаза в незнакомой комнате и частично в чужой одежде.

Глава 7

Магия своего рода

– Нелли, остановись, пожалуйста, мне нужно с тобой поговорить!

Мальков был весьма некрасивым рыжим юношей, которому постоянно отказывали девушки, что не мешало ему постоянно их домогаться. Несмотря на чудовищно низкий процент удач на данном поприще, количество попыток у него было столь ошеломительно велико, что в итоге он не имел никакого морального основания жаловаться на судьбу. Но сегодня Мальков был отвратительно назойливым, что буквально выбешивало Нелли.

– Сколько раз тебе повторять – отвали от меня! – она толкнула его в грудь и пошла прочь сквозь расступившуюся толпу студентов.

Мальков не сдался, нагнал её и зашагал рядом стремительно и зло.

– Послушай, Нелли, – начал он на удивление спокойно. – Я весьма адекватен и с первого дня мог понять, что с тобой мне ничего не светит. Неужели ты думаешь, что я насколько глуп, что пытаюсь добиться тебя спустя полгода после твоего прямого отказа. Но я уверен, что ты так не думаешь. В таком случае твои грубость и презрение я могу объяснить только неуважением ко мне, что обидно. И я бы сказал, что ты дрянная, избалованная и изнеженная девчонка, и давно сплюнул в твою сторону, если бы меня не просил передать тебе сообщение тот, кого ты ищешь!

Нелли растерялась и, кажется, даже споткнулась.

– От кого это сообщение?

– Да от него, от него, от кого же ещё! – развёл руками Мальков. – Ты думаешь, у меня есть время бегать за губернаторскими дочками, когда тут день открытых дверей?

Девушка остановилась и побелела.

– От кого? – шёпотом взмолилась она.

Мальков взял её за локоть и повёл дальше.

– Послушай меня. Тут дело своего рода даже мистическое. Хотя и вполне реальное. Не подумай ничего плохого, но тот, кого ты ищешь, пока не может появиться в городе. Ты ему тоже очень понравилась, но он появится не раньше, чем в следующем месяце.

– Почему? – ничего не соображая, спросила Нелли.

– В том числе потому, что твой папа поставил на уши весь город. Он не может без страха из форштадта на улицу днём выйти!

– Из форштадта? – понимая ещё меньше, повторила Нелли.

– Тут всё очень непросто, – признал Мальков. – Ты можешь сразу не поверить в это, но ты столкнулась с магией своего рода.

– Что ты заладил про свою магию! – взъярилась Нелли. – Ты можешь сказать прямо?

– Не могу, – честно признался парень. – Это как мнимые числа в математике: сначала нужно просто довериться...

– Да ну тебя!

– Нелли, – увился за ней Мальков, когда увидел, что она отвернулась и пошла от него прочь. – Да что ж ты вздорная баба!

Последнюю фразу он произнёс в полный голос, так что окружающие даже обернулись на них. Нелли не привыкла слышать подобного в свой адрес, поэтому остановилась от удивления как вкопанная и уставилась на молодого человека во все глаза. Тот, в свою очередь, на секунду застыл, внимательно обозревая окружающие предметы, затем неожиданно содрал с ближайшей стены постер и потёр его о пустую пивную бутылку, извлечённую прямо из мусорки. Что-то шепнул, округлив глаза, и в следующую секунду Нелли обнаружила себя голой, в постели, в неизвестной квартире, рядом с сидящим на краю Мальковым.

Девушка вскрикнула и быстро прикрылась одеялом.

– Что за чёрт! – завопила она.

– Я же говорю, – Мальков начал объяснять совершенно спокойным тоном, попутно передавая Нелли её вещи и деликатно отвернувшись к стене, – магия-своего-рода. И ещё говорю: ты вряд ли во всё это поверишь на слово. Но и Копернику не верили, а он оказался прав.

– Да как я вообще здесь оказалась!?! – вопрошала Нелли, наспех натягивая на себя вещи.

– Всё очень просто, – методично продолжил объяснения Мальков. – Я содрал со стены постер, это слово один. Затем я достал из мусорки бутылку, на этикетке которой написано «хмель», это слово два. Мысленно я соединил постер и хмель, так что получилась постель – та самая, в которой ты сейчас оказалась. И та самая, которую я представлял во время заклинания. А голая ты потому, что бутылка была пустой, то есть «полая». Достаточно поменять одну букву, и меняется суть вещей! Понимаешь? И мне доступны эти преобразования. Равно как и тому, – Мальков на миг обернулся и поднял вверх палец в знак того, что говорит правду, – кого ты ищешь.

– Это неправда! – запротестовала Нелли. – Ты меня чем-то опоил! Силой сюда затащил!

– Силой? – полный самообладания, уточнил Мальков. – Или пилой?

В этот момент у него в руках оказалась огромная бензопила. Не успела пленница испугаться, как Мальков переспросил:

– Затащил или затáрил?

И в руках у Нелли обнаружилась первая полудюжина пакетов с модной одеждой, а у Малькова – вторая.

– Опоил или одоил? – и всё Неллино платье ниже груди оказалось в грудном молоке.

– Это что вообще такое!?! – в ужасе вскрикнула девушка и стала изучать, как из её груди могло потечь молоко.

Мальков хлопнул в ладоши, и они вновь оказались возле университета, где парень упрашивал её пойти с ним.

– Теперь ты мне веришь! – победоносно объявил он, взял Нелли за локоть и повёл её в сторону стоянки. И теперь ты должна понять, что имеешь дело с настоящей *магией!* Не иллюзией, не обманом, не фокусом и не инсценировкой

– а с реально действующей и продуктивной магией! Слышала про силу слова, визуализацию и прочее такое? Так вот теперь припомни-ка хорошенько, что случилось в опрокинувшемся автобусе. На стене было написано «разбить стекло молоком» – вот он молоком его и разбил! Да, я знаю, во всё это сложно поверить! Равно как и в потусторонний мир, и в видения, и в галлюцинации, наконец, пока не пыхнешь шалфея двадцаточку, вот тут-то и поймёшь, насколько узкий у тебя мозг... Но да ладно, речь не об этом.

Они уже подходили к машине Малькова.

– В какой поедем?

– В смысле: в какой поедем? – не поняла Нелли.

– Покажи мне пальцем на машину, на которой мы сейчас поедем.

– Ты что, Булгаков, что ли? – вновь закричала спутница Малькова. – Очередной фокус в духе: «сигареты какой марки вы предпочитаете в это время суток?» – «а у вас, что, всякие есть?»?

– Ну, про время суток Воланд спрашивал, по-моему, у Варенухи, а про сигареты – у Бездомного с профессором. Но согласен, нечто общее в этих двух ситуациях есть. Тогда, чтобы превзойти властелина тьмы, давай я усложню задачу.

Мальков снял с плеча кожаную сумку и протянул её Нелли.

– Вытяни отсюда любой ключ и открой им любую дверь на свой вкус!

Нелли настороженно посмотрела на собеседника, запустила руку в сумку и обнаружила там целый ворох брелоков.

– Воланду было легко предъявить сигареты уже названной марки, а ты – сама вытянешь ключ и сама откроешь им дверь.

В предвкушении чуда девушка вытащила на свет брелок с эмблемой «Мерседеса», огляделась вокруг и выбрала старую вишнёвую «девятку». Нажала на кнопку, и «девятка» дружелюбно пикнула, подмигнула и открылась. С секунду Нелли простояла ошарашенная.

– Это что, фокус какой-то опять? – без гнева потребовала она отчёта. – Или что, я этим ключом могу все машины на этой стоянке открыть.

Она вновь нажала кнопку брелока, и девятка закрылась.

– Нет, конечно, Нелли! – отнял у неё брелок Мальков. – Как только ты достала брелок и выбрала машину – они образовали единство, вроде как квантовые эти штуки, которые... ну, я плохо физику знаю. Короче, если хочешь открыть любую другую машину – нужно взять другой брелок.

Сказав это, он забрал у неё извлечённый ею только что брелок и положил его в карман. Нелли запустила руку в сумку и достала новый, с протёртой резиновой накладкой «Коктебель». Подошла к роскошному внедорожнику БМВ и нажала кнопку – машина послушно открылась. И вновь девушка секунду стояла, как вкопанная, а затем вновь затараторила:

– Нет, я всё-таки решительно не пойму, как ты это делаешь! Дай я вытяну другой, и тогда...

– Хватит! – Мальков даже шлёпнул её по протянутой руке. – Садись давай и поехали!

«Вот бы так мне приказывали все парни, которые мне нравятся!» – промелькнуло в голове у Нелли. Она молча повиновалась и заняла место рядом с Мальковым, который сел за руль. Некоторое время так и ехали, не говоря ни слова. Наконец, когда свернули на узкую улочку и попали в небольшой затор, Мальков приступил к изложению.

– В первую очередь ты уговоришь отца отменить розыск, – начал он. – Без этого ваша встреча не состоится. Никогда. Понимаешь?

Нелли не поняла, почему их встрече не суждено состояться, но с готовностью кивнула.

– Теперь второе. – Мальков постарался сосредоточиться, чтобы изложить всё как можно яснее. В это время ехавший впереди седан с номером 777, который должен был уступить проезд, выехал прямо на загруженный перекрёсток, перекрыв путь автомобилям, двигавшимся по главной дороге. И ехавшая по этой главной дороге старая ржавая «Волга», вместо того, чтобы остановиться и пропустить наглеца, – наоборот, добавила газу и со всей силы ударила препятствие прямо в водительскую дверь. От удара иномарку протасило боком несколько метров, после чего она перевернулась, развернулась вокруг собственной оси, врезалась в столб и задымилась.

Мальков с Нелли успели только вскрикнуть. Плюс девушка обхватила ладонями лицо, как если бы хотела сдержать чих. На самом деле от увиденной картины она буквально побелела от страха. Да и Мальков с ужасом взирал на результаты аварии. Перевернутая иномарка, искажённая, с разбитыми стёклами и мятыми дверями, стойками и крышей, дымилась на обочине. Хотя ещё секунду назад стояла прямо перед ними, точнее – выехала на перекрёсток вопреки знакам. И теперь, видимо, водитель погиб или получил серьёзные травмы: увидеть что-либо в салоне не представлялось возможным. Нелли и Мальков по непонятному зову вышли наружу.

Из салона «Волги», у которой смяло всю переднюю часть до лобового стекла, кое-как вылез мужчина лет пятидесяти. На лбу у него виднелась кровь, но держался он крепко.

– Понакупают себе «бэx», а потом выезжают из-под «уступи дорогу», как к себе домой! – всё это он почему-то адресовал Малькову. Но самое странное заключалось в полном отсутствии интереса к судьбе другого водителя, пострадавшего, без всяких сомнений, гораздо больше.

Неожиданно Мальков почувствовал головокружение. В глазах у него на секунду почернело, а затем прямо под черепом похолодело и онемело, но быстро прошло. Вместо этого возникла странная головная боль.

– Послушай, послушай, Нелли, садись в машину! – затараторил он и сам вернулся на место водителя. – Давай, давай!

Девушка послушно села в салон.

– Что случилось? – с заметным испугом спросила она.

– Долго объяснять, – признался Мальков, растирая виски. – Такая головная боль, будто бы всё это неправда! Будто сейчас мы в *его* воображении, как если бы играли роль в чужом сне.

– В чьём: в его? – не поняла Нелли.

Мальков проехал чуть вперёд, сдал назад, развернулся на месте и поехал в обратную сторону, прочь от аварии.

– Вполне возможно, что ничего это нет в действительности. Что всё это – плод чужого воображения. Поверь, это возможно! – в его словах прозвучала нотка просьбы. – Со временем ты всё поймёшь! Если захочешь. Пока что просто прими, что всё, что ты увидела, может оказаться иллюзорным. Что ничего этого не было. Просто допусти саму мысль этого!

Несколько светофоров они проехали молча.

– Слушай, сегодня вряд ли получится обо всём рассказать, – признался Мальков, – не обижайся! Но я прошу только об одном: уговори отца не разыскивать твоего армянина, потому что если его найдут, то начнётся такое, что...

– Армянина? – перебила его Нелли. – Так значит, он армянин?

Мальков вздохнул.

– Допустим, армянин, – сдался он. – Теперь я точно чувствую себя Азazelло, уламывающим Маргариту... Короче, послушай! Если ты хочешь с ним встретиться – тебе однозначно придётся уговорить отца больше его не разыскивать! Или скажу по-другому, что тебе было понятнее: если ты не убедишь в этом отца сегодня – ты никогда, слышишь? никогда больше не увидишь своего принца!

Нелли молча кивнула, и Мальков повернул на улицу, ведущую к её дому.

Глава 8

Курсы изучения Беларуси

– Майкл Скиннер?

– Н-нда, а в чём, собственно, дело?

– Разрешите пройти в дом?

– М-м, нет, не разрешаю. Пока вы не представитесь, по крайней мере...

Мужчина на крыльце протянул свою визитку, на которой было написано «Борис Жук, Общество по распространению и популяризации белорусской культуры».

– Что? – лицо Майкла Скиннера свело в конвульсии. – О, нет, я занимаю нейтральную позицию в отношении религиозных культов, спасибо!

И он хотел было закрыть дверь, но каблук человека по имени Борис Жук преградил казавшийся столь быстрым путь.

– Это не религиозная организация! – улыбнулся незваный гость. – Если вы меня впустите, я обо всём расскажу. И обещаю, что не потрачу больше трёх минут вашего драгоценного времени.

– Так, уважаемый, я вынужден вызвать полицию!

– Мы как раз и призваны решить ваши проблемы с полицией! – добродушно парировал наглый пришелец. – Вы просто ещё не знаете, что они у вас есть.

Хозяин дома нахмурился.

– Вы мне угрожаете?

– Напротив, мы решаем проблемы.

Возникла неловкая пауза.

– Послушайте, молодой человек, – деланно смягчился назойливый визитёр.
– Ваша соседка напротив вызовет полицию, если вы ещё хотя бы пятнадцать секунд будете держать меня на пороге. Я гарантирую, что ничего не угрожает вашей безопасности. И повторю, что займу не более трёх минут вашего времени. Впустите меня внутрь, и всё быстро прояснится!

Скиннер пригласил пришедшего пройти в гостиную.

– Спасибо! – поблагодарил тот. – Буду краток. Я предлагаю вам пройти курсы изучения Беларуси – удивительного государства в восточной части Европы, которое сегодня привлекает к себе всё больше свободных и здравомыслящих людей. Полный курс стоит двести тысяч долларов сейчас или два миллиона после.

На этом месте оратор остановился, и Майкл был вынужден проложить мостик к последующему его повествованию:

– После чего?

– После того, как у вас возникнут непреодолимые проблемы, – пояснил гость. С секунду он смотрел в упор на хозяина дома, а затем продолжил:

– Позвольте привести один пример. Вы в курсе, что в штате Алабама действует налог на наркотики? Нет? Тогда я вам расскажу суть. Если вы наркоторговец, то государство говорит вам: мы тебя всё равно найдём. Но только если ты при этом ещё и не платил налоги – сядешь на двадцать лет. А если платил – на пять. А чтобы ты чувствовал себя в безопасности, налог на нелегальный продукт ты можешь платить анонимно, только чеки сохраняй, мы потом прикрепим их к твоему делу. Верх демократии, не правда ли?

Гость прошёлся в противоположный угол и потеревил в руках статуэтку.

– Приходите к нам на курсы изучения Беларуси – и мы поможем вам спастись от правосудия за двести тысяч долларов. Выпишите мне чек сейчас, и я оставлю вам расписание занятий. Или...

Тут странный гость взял паузу, чтобы поставить статуэтку на место.

– ...свяжитесь со мной по номеру, указанному на визитке. И тогда стоимость наших курсов составит два миллиона.

И он ещё помолчал, любуясь производимым эффектом.

– Жду вашего решения сейчас. Итак?

– Убирайтесь вон! – прошипел Майкл.

– Как прикажете! – поторопился ответить гость, почти что не дав даже договорить хозяину, и развёл руками. – Только учтите – экзамен на знание Беларуси сдать определённо придётся! Какие бы проблемы вас ни тяготили в тот момент – без успешной сдачи мы вам никак не поможем.

– Мне вызвать полицию?

– Не стоит! – опередил его Борис Жук. – Мои три минуты истекли. До встречи!

И он галантно кивнул в знак прощания. В задумчивой нерешительности Майкл повертел в руке визитку неадекватного гостя, хотел было выбросить в камин, но всё же решил оставить. Мало ли – придётся предъявить доказательство в полиции или ещё что. Однако осадок остался прескверный,

как будто ты поругался с кем-то на улице, тебя обозвали и плюнули в твою сторону. Но такова, видимо, доля мужчины – стойко переносить все удары судьбы, какими бы нелепыми они ни являлись.

Неожиданно в дверь позвонили. Скиннер даже обернулся вокруг оси в поисках шляпы, которую оставил гость, – как ещё можно было объяснить этот звонок. Но шляпы не оказалось, и хозяин пошёл открывать.

– Вы что-то забыли? – бросил он через порог, но вдруг осёкся. Перед дверью стояли двое офицеров, а на шаг позади них – галантный мужчина в роскошном чёрном костюме с синим отливом. Его шляпа была у него в руках.

– Майкл Скиннер, суд штата Нью-Йорк обвиняет вас в сексуальном растлении подчинённой, – громко и чётко заявил один из полицейских. – Мы должны арестовать вас и препроводить в участок.

При этом он достал наручники и оперативно застегнул их на запястьях ошалевшего хозяина.

– А меня зовут Филипп Патек, – с фальшивой улыбкой вклинился мужчина в костюме, – как марка часов, только наоборот. Я представляю интересы своей подзащитной, мисс Кейт Полосян.

– Что?! – удивлялся и вопил Скиннер, пока его усаживали в полицейский автомобиль. – Нет, это какая-то ошибка! Что происходит? Не надо меня никуда везти, послушайте...

Но слушать его до участка никто не пожелал. Только на месте, предварительно дав покипеть четверть часа в одиночестве, офицер вызвал Скиннера, дал ему вволю выговориться, а затем передал слово адвокату потерпевшей.

– Итак, – начал Филипп Патек и стал выкладывать из портфеля на стол кипу бумагу. – Согласно трудовому договору за номером шесть-шесть-девять, вы являетесь внештатным лектором Колумбийского университета, начиная с января прошлого года. Начиная же с ноября прошлого года, вы, согласно протоколированным показаниям потерпевшей, домогались студентку этого же университета Кейт Полосян и вступили с ней в интимную связь против её воли. О чём также сообщается в этом заявлении. По законодательству штата, сексуальные отношения между преподавателями и студентами запрещены. Распоряжением университета за номер тысяча двести сорок один вы уволены с должности преподавателя. Также суд города Нью-Йорк уже рассмотрел ваше дело и приговорил к штрафу в размере ста тысяч долларов, о чём я извещаю вас вот этим документом.

Адвокат протянул Майклу постановление суда.

– Однако потерпевшая сторона выдвигает против вас иск о насильственном характере связи, произошедшей между вами. В то же время моя клиентка готова пойти вам навстречу по личным мотивам и отзовёт иск, если дело будет разрешено полюбовно. Однако если этого не произойдёт, данный иск будет направлен на рассмотрение по существу. По инкриминируемой статье вам грозит от четырёх до семи лет лишения свободы.

Майкл, кажется, только что понял суть происходящего с ним. Нет, не возможные репрессии, а факт случившегося предательства. Но в чехарде

обвинений он никак не мог уловить главного: кто и как мог заставить Кейт так поступить с ним?

– И сколько же хочет ваша подзащитная, чтобы дело было решено «полюбовно»?

– Восемь миллионов сто тысяч долларов, – без запинки произнёс Патек.

– Сколько? – от неожиданности Скиннер даже поперхнулся. – Вы что, рехнулись? Откуда такие суммы? Поумерьте аппетит! Я в жизни не видал таких денег!

– Прилюдное оскорбление может стать самостоятельным иском против вас. Что же касается аппетита, то моя подзащитная не требует больше, чем у вас есть.

Он извлёк на свет Божий очередную бумагу.

– Согласно описи, ваше состояние оценивается в восемь миллионов двести тысяч долларов, из которых:

- частное домовладение, кадастровая стоимость 1 миллион 200 тысяч,

- личные апартаменты, 700 тысяч,

- вилла в Сан-Диего, 800 тысяч,

- спортивный автомобиль класса люкс, 300 тысяч,

- гонорары за ваши книги на общую сумму 4 миллиона 800 тысяч, хранящиеся на четырёх банковских счетах и доступные для ареста по решению суда,

- а также целый ряд личных вещей на общую сумму более 400 тысяч долларов, завизированных в налоговой декларации за прошлый год и два квартала текущего.

– Таким образом, – резюмировал адвокат, – у вас даже остаётся сто тысяч долларов, к которым, разумеется, добавятся новые гонорары за ваши будущие произведения!

– Что в переводе с юридического на человеческий язык означает, что меня выселяют из дома, – грустно съязвил Майкл.

– Да, – с циничной готовностью подтвердил адвокат. – Срок рассмотрения досудебного решения составляет одну неделю. После это дело будет передано в суд. В любом случае вы находитесь под подпиской о невыезде до конца судопроизводства.

– Я хочу с ней увидеться! – потребовал Скиннер.

– Это исключено! – повысил голос Филипп Патек и даже встал. – Моя подзащитная категорически не желает с вами встречаться ни под каким предлогом. Любые попытки контакта с вашей стороны будут расценены как домогательства, и вашу статью переквалифицируют в изнасилование, от двенадцати до пятнадцати лет.

Майкл помолчал. Помолчал ещё. Пару минут он находился в глубокой задумчивости, а затем объявил:

– Вот моё последнее слово. Я согласен уладить «конфликт» в размере названной суммы, но при одном условии – я встречу лично и поговорю с Кейт. Если этого не произойдёт – открывайте делопроизводство, я готов к суду. Возможно, моей писательской карьере это даже пойдёт на пользу.

– Молодой человек, – начал было адвокат, – вы что, не понимаете...

– Баста! – твёрдо и решительно прервал его Майкл. Даже ладонью воздух прорезал. – Я изрёк последнее слово. Свидание с Кейт – или соглашения не будет.

Дальше он не стал слушать лепетанье адвоката, расписался во всех нужных документах и покинул участок.

Каждый день Филипп Патек ждал звонка от Майкла, и каждый день был вынужден терпеть поражение. На шестой день он не выдержал и позвонил Кейт, чтобы убедить её встретиться со Скиннером, иначе ожидаемого куша ей не светит. На седьмой день назначили свидание в том же полицейском участке в присутствии офицеров, адвокатов обеих сторон и самих участников конфликта.

Майкл долго репетировал театральные фразы типа «Как ты могла!» и «Я ведь по-настоящему влюбился в тебя!». Тем сильнее оказалось его удивление, когда Кейт с порога заявила:

– Как ты мог! – она приблизилась к Майклу с агрессивностью фурии и влепила ему пощёчину. От произошедшего растерялись даже адвокаты. – И ты это выносишь на всеобщее обозрение? Пишешь об этом в открытую? На-те, читайте!

– Что? Я не понимаю. О чём ты?

– Как тебе вообще это в голову пришло! – Кейт усилила наступление. – Ты совсем, что ли, укуренный был, когда это писал? Что теперь обо мне подумают мои подруги, знакомые, мама, наконец! Ради денег я способна предать тебя!

Она всплеснула руками.

– Это же каким конченным дебилом нужно быть, чтобы такое придумать! И тебе, я смотрю, ни капельки не стыдно. Зачем ты меня так подставил? У нас же идеальная love story, а ты её портишь всеми этими инсинуациями. Ну что ты молчишь! Ты мужик вообще, или что?

– Кейт, Кейт, успокойся! – ошарашенный, затараторил Майкл. – Это же американская линия. В США запрещены отношения между преподавателем и студенткой. И я хотел показать, к каким проблемам это может привести. А в России мы уже женаты давно, у нас самый замечательный малыш в мире, и все уже забыли давно, что когда-то мы тоже были преподавателем и студенткой. Я уже не преподаю, и ты закончила. Теперь мы счастливы, счастливы, слышишь!? А здесь всё не по-настоящему. Это просто социальная, моральная и немного криминальная драма. Понимаешь?

– Ты чокнутый! – вновь разразилась Кейт. – Ты только посмотри, в кого ты меня превратил! Я кричу на тебя в полицейском участке в присутствии десятка посторонних. Это ты меня до этого довёл!

Предательская слеза скатилась по её щеке.

– Так, – вмешался в дело Филипп Патек, для чего вышел на шаг вперёд и высоко поднял руки, – моя подзащитная в расстроенных чувствах, она не хотела встречаться с обвиняемым. И вот старые раны напомнили о себе, и она немножко переволновалась, отчего наговорила непонятных вещей. Это стресс, большой стресс! Надеюсь, я выражу общее мнение, если скажу, что свидание

состоялось, как того и желал обвиняемый. Теперь мы можем немножко, так сказать, рассредоточиться и перейти к подписанию соглашения о досудебном решении конфликта.

И, заручившись визуально-ментальным согласием присутствующих, проворно вывел свою клиентку, чтобы вернуться к Скиннеру и подписать документы о передаче движимого и недвижимого имущества, финансовых активов, счетов и вкладов в пользу потерпевшей стороны. Из полицейского участка Майкл Скиннер вышел бездомным.

Глава 9 Игрословы

Нелли вышла на балкон и плотно закрыла за собой дверь, чтобы её не могли услышать из комнаты.

– Я же тебе говорю, отец ни в какую не хочет отзывать розыск! Он говорит, что это дело его личного престижа и авторитета! Как я ещё могу на него повлиять?

– Ладно, ладно, хорошо! – затараторил на другом конце Мальков. – Хорошо, давай попробуем иначе. Послушай, ты умеешь правдоподобно врать? Так чтобы никто не подкопался? Ну вот просто чтобы от зубов отлетало, как будто ты действительно была в другом месте и встречалась с другим человеком?

– Ты за кого меня считаешь? – возмутилась Нелли.

– Это нужно для дела, пойми! – Мальков стал уговаривать её с удвоенной энергией. – Послушай меня, ты должна спрятать наушник в ухо, так чтобы отец не видел. Я тебе буду диктовать и подсказывать. Но если не будет получаться, тебе придётся врать напрапалу, не останавливаясь! Промедление тут смерти подобно, понимаешь? А ещё у нас почти не осталось времени, нам нужно торопиться! Вставляй наушник в ухо, прикрой волосами и иди к отцу!

– А что говорить-то? – вдруг зашептала девушка.

Мальков на секунду задумался.

– Начни с того, что папа такой умный, он знает много такого, чему научат в вузах. Только произнеси это именно так – «в вузах». Всё, давай, иди!

Нелли растерянно поморгала, но делать было нечего, она открыла балконную дверь и вернулась в комнату. Папа сидел за столом перед ноутбуком и что-то читал.

– Что читаешь? – спросила дочка.

Папа поднял глаза, улыбнулся и вновь уставился в монитор.

– Проект дорожной развязки для нового микрорайона.

Мальков зашипел в наушник:

– Давай, давай: папа, ты такой умный и так далее!

– Папа, ты такой умный. Ты знаешь много такого, чему не научат в вузах!

– В вузах! – удивился губернатор. – Да я вроде бы суворовскую академию заканчивал. Но всё равно спасибо!

– Твою мать! – в полный голос выругалась Нелли.

– Что-о!? – как медведь, взревел Дмитрий Сергеевич, но вскоре выругался и сам, причём куда более грозно.

Нелли и папа оказались запертыми за решёткой какого-то неизвестного изолятора. Вокруг было ни души, а спёртые сумерки мешали дышать.

– Пусть он позвонит полковнику! – приказал в наушник Мальков.

– Папочка, где мы? – прижалась Нелли к отцу.

– Пусть звонит полковнику!! – завопил тайный наставник.

– Ты можешь позвонить полковнику Ярцеву?

– Да, сейчас! – взял себя в руки губернатор и начал набирать номер. После пятисекундного ора в трубку на пол камеры неизвестно откуда свалился половник.

– Понял, папаша, с кем связался! – задышал в наушник Мальков. – Повторяй, повторяй!

– Понял, папаша, с кем связался! – объявила Нелли отцу, отчего тот отшатнулся от неё к дальней стене. – Твоя дочь ведьма! Звони префекту!

Дмитрий Сергеевич, показалось, потерял разум, потому что действительно стал звонить префекту. Но вместо него в трубке зазвучала немецкая речь:

– Gelernt, gekauft!

– Понял, папа? Ты звонил *префекту*, а получился – *перфект*. Я все твои слова против тебя использую! Прикроешься *сержантом*, а тебя накроет *сервантом*! Из уголовного кодекса подберёшь *статью*, а я тебе на голову подберу *статую*! Ты позвонишь *чиновнику*, а он окажется *виновником*!

Мальков методично зачитывал заранее заготовленный текст, а Нелли его вдохновенно повторяла. Губернатор бледнел на глазах и всё больше вжимался в стену.

– Ты думал, *прокурор ты*, а я тебе расскажу *про курорты*. Ты думал, ты богат, ты *полный банкнот*, а ты – *полный банкрот*! Ты думал, ты проживёшь до ста лет? – продолжал изводить отца Нелли, будто действительно по неведомому наваждению обретшую дар умерщвляющего слова. – А ударит *гром*...

Она жестом перевернула слово с конца на начало.

– ...вот и *морг*, только глазками морг. Улететь захочешь? Куда, в *Казань*? А там *казнь*! Уехать пожелаешь? Ждёшь поезда *отправления*, а тут тебе *отравление*. Пожалуешься *Путину*? Попадёшь в *паутину*! Ты думаешь, ты кому-то наказание *ужесточил*, а ты себе зубы *уже сточил*! *Ручательства* чьего-то ждёшь, а вместо этого посыплются *ругательства*!

Дмитрий Сергеевич вжался в холодную стену и сполз по ней на пол. Руки его дрожали от страха, чего не было даже во время военной кампании в Анголе.

– Дочка, милая моя, что с тобой? – выдавил он из себя сдавленно.

– Ты немедленно прикажешь всем своим подчинённым прекратить поиски того человека! Отменишь розыск и забудешь о нём навсегда! Понятно?

Нелли даже прикрикнула в конце, так что губернатор поверил в то, что она может ударить его сейчас и сломать челюсть.

– Да, да, хорошо! – закивал Дмитрий Сергеевич. – Я всё понял, милая! Всё будет, как ты хочешь!

Нелли и сама не знала, что с ней происходит. Она была как в горячке. В висках судорожно пульсировала кровь, а конец языка немел.

Вдруг Мальков приказал по телефону:

– Протяни руку под нары!

На что уже Нелли перестала удивляться чему угодно, но на этот раз она даже вскрикнула. Под нарами лежала два черепа животных и дубинка. Губернатор обнял дочку и машинально признал:

– Это череп овец и дубинка!

– Отлично! – восторжествовал в наушник Мальков. – Прикажи отцу закрыть глаза.

– Папа, закрой, пожалуйста, глаза! – покаянным тоном попросила Нелли.

Дмитрий Сергеевич удивился, но глаза закрыл. Его примеру последовала и девушка. Через секунду их поразил грохот музыки и женские визги. Нелли обнаружила себя на входе в гостиничный номер, в котором её отец, пьяный вдугаря, развлекался с полуголыми девицами. Кто-то подтолкнул губернаторскую дочку в спину и вошёл следом.

– Господин Заслонов, как представитель посольства Ирландии, я требую немедленно выпустить из номера жительницу Дублина и покинуть Череповец!

Папа Нелли был пьян в стельку. Дочка не видела его таким ни разу в жизни. Однако она сразу поняла, что здесь замешаны выкрутасы этого уroda Малькова: *черепа овец* превратился в Череповец, а дубинка стала *дублинкой*. Наверняка и отец оказался невменяемым, потому что в поисках её спасителя был слишком *рьяный*, а оказался пьяный. Все эти словопревращения осточертели Нелли до тошноты. Вместе с водителем она подняла отца на ноги и проводила до служебного «Мерседеса». Наверняка Мальков опять сыграет словами, и в следующую секунду они окажутся дома, где папа будет отпаиваться таблетками, но розыск снимет. Но вот какой ужасной ценой всё происходит – Нелли это попросту ужасало!

Воспользовавшись тем, что папа бормотал нечленораздельные звуки, развалившись на заднем диване и почти съехав на пол салона, Нелли без купюр объявила Малькову о разрыве:

– Я больше не хочу участвовать во всём это дерьме! Ты меня понял!?

И положила трубку, не дав собеседнику пожаловаться в духе «вот и делай людям добро». Мальков перезвонил, но Нелли трижды скинула, прежде чем ответила.

– Ты об отце-то подумай хоть! – игрослов начал с главного. – Или вы так и собираетесь тащиться из Череповца, притом что отцу потребуется капельница, в его-то состоянии? Давай-ка предложи ему конфету из бара. Давай ему конфету, я тебе говорю!

Мальков перебил Нелли, которая хотела было возразить ему пространной тирадой.

– Съел? Итак, это было не *вкушение*, а *внушение*...

В следующую секунду всё вернулось на четверть часа назад, когда Нелли пила с отцом кофе на кухне. Не было ни камеры, ни черепов, ни голых девиц – только Дмитрий Сергеевич вскочил со стула и зашагал по комнате.

– Тьфу ты, Неля! – с жаром воскликнул он. – И этому вас учат в институте? Ужас какой! Так что, серьёзно – второкурсник психологии может вот так запросто вводить в гипноз любого человека? Даже такого... гм, подготовленного, как я?

– А вот теперь ври напропалую! – с энтузиазмом потребовал Мальков. – Ври как можешь! Ври, как Марадона в футбол играет! Иначе он не поверит, что всё это было не наваждение, а практическая магия! Ври давай!

И Нелли начала врать. Напропалую, ва-банк, хитро и безыскусно одновременно, в деталях и в целом. Это был самый настоящий стресс. Но игра, оказалось, стоила свеч. Заслонов отменил розыск неллиного спасителя. Зато такой ценой, что сама Нелли послала Малькова ко всем чертям настолько плотным матом, что тот дал себе зарок в целях сохранения здоровья не звонить больше первым. Нелли же пообещала себе и думать забыть про мимолётное видение, которое, может статься, было обманом зрения, а не атлетичным парнем с белоснежной улыбкой и загадочной судьбой. Так что нейронам и синапсам, отвечавшим за память о случившемся наваждении, было сказано твёрдое «прощай».

Глава 10

Одна жизнь – тысяча возможностей

Довлатов описывал похмелье, употребляя выражение «как будто заячью шапку» съел. Не знаю, что и сколько пил Довлатов, но, набравшись ночью вискаря по самые уши и доплыв в таком уровне до дома в обычном телепортационном беспамятстве, я, тем не менее, чувствовал себя просто восхитительно. Проснувшись, я воспринял неизбежное увольнение отнюдь не как трагедию, а как освобождение и даже – дар. Дар новой жизни, новой судьбы и новых возможностей. Однако одна позорная мысль мешала моему утреннему блаженству.

Я понимал, что своими действиями вызвал скандал, который в конце концов обернулся позором известного человека, звезды. Стало быть, сам я из изгоя перешёл в разряд героя. В то же время Виктор Васильевич твёрдо объявил о своём решении уволить меня с побиванием тряпками, которыми тёрли пол в мужском туалете. После его тирады, однако, ситуация изменилась. И, по-хорошему, нормальный редактор должен ударить меня по голове и выписать премию вместо того, чтобы увольнять.

Только вот Виктор Васильевич не был нормальным редактором. К тому же он наверняка кричал на меня по телефону в присутствии целой толпы подчинённых или зевак. Или если не целой, то в присутствии полутолпы. Или четвертьтолпы на худой конец. Так что взять свои слова обратно и оставить меня в рядах доблестного «Канонира» вряд ли он сможет. Если только за ночь не принял обет всепрощения, что маловероятно даже для такого умельца находить приключения, как я.

Вопрос же, который мешал моему утреннему блаженству, заключался в следующем:

– А что, если (гипотетически) Виктор Васильевич взвесил все «за» и «против», оценил мои качества как работника и пришёл к выводу, что в сложившихся обстоятельствах меня выгоднее оставить на месте ввиду политических, инфраструктурных и стратегических доводов, – что мне ответить, если он предложит мне остаться?

Дверь моей спальни растворилась, и внутрь вошёл представительный прокурор в роскошно сидящей форме тёмно-голубого цвета, со знаками отличия, и при погонах полковника.

– Ты должен порвать с «Канониром», даже если он будет тебя упрашивать остаться! – твёрдо заявил прокурор.

На секунду я потерялся в смятении, но затем резко вскочил и, как был, в трусах, вывел его назад, прочь из комнаты. Здесь я должен сделать некоторые пояснения. Дело в том, что это был мой личный *внутренний прокурор*. Бывает же внутренняя Монголия, почему бы не быть и внутреннему прокурору. Платона консультировал личный даймон, стало быть, и у меня может быть его аналог. В моём случае он оберегает меня от поступков, за которые мне будет стыдно, или плохо, или больно. Он ни к чему не призывает – ни спасать китов в северном море, ни собирать петиции за отдельный сбор мусора, ни заниматься гимнастикой сорок минут каждое утро. В этом плане он «негативный» даймон: ни к чему не мотивирует, зато оберегает от необдуманных поступков. Поэтому я и назвал его прокурором, ведь он осуждает за потенциальные проступки.

Теперь, когда вы познакомились с моим внутренним прокурором, его появление минуту назад не покажется вам столь необычным. Правда, теперь он куда-то запропастился, и вы его можете ещё долго не увидеть. Но ведь он и сообщил, что хотел: чтобы я ни в коем случае не оставался работать у Виктора Васильевича. Теперь, когда вы поняли и это, отвернитесь, пожалуйста, пока я оденусь и соберусь получать расчёт.

Что? Страницей выше я сказал, что проснулся в трусах? Блин, ну значит, я сейчас надену вторые! Люблю, знаете, походить в двух трусах, трюки с раздеванием получаются эффектные! Да и вообще: кого волнует, что я сплю голый? Какое это имеет значение в деле нашего повествования? Вот так живёшь, растёшь внутренне, пересаживаешься с машины на велосипед, а сэкономленные деньги направляешь на благотворительность – а знакомые всё равно вспоминают, что Кожаев голый бегал от фонтана к фонтану! Тогда я ещё не познакомился с внутренним прокурором, иначе бы ничего этого не случилось. Но знаете, что я скажу? Я счастлив, что в моей юности всё произошло так, как произошло! И пускай люди вспоминают всякие скабрёзные истории. Я же буду создавать, воплощать в жизнь новые истории – ещё лучше и ещё более запоминающиеся! Ну а пока вы потенциально завидуете моим свершениям в будущем, я уже почистил зубы и выхожу на улицу, чтобы последний раз посетить родимый террариум.

На улице мне кто-то посигналил. К моему удивлению, за рулём проезжавшей мимо машины сидел Паша Картавых, мой одноклассник. Его улыбка размером с решётку радиатора блистала на солнце, а сам он смеялся, как после первого выдоха. Если вы понимаете, о чём я.

– Мишаня, привет! – он замахал рукой сквозь опущенное стекло. – Садись ко мне!

Я с удовольствием запрыгнул на пассажирское сиденье, мы обнялись.

– Привет, дружище!

– Привет, дорогой!

Паша тронулся с места, и мы понеслись, обдуваемые деревьями, разгоняемыми ветром своей листвой, как аэровеником.

– Ну что, как поживаешь?

– Это кто спросил?

– Гм, что? В каком смысле?

– Ну, кто это спросил – ты или я? В нашем диалоге не поясняется, кто говорит «дружище», кто «дорогой». Вот и вопрос «как поживаешь» непонятно, кто задаёт.

– Блин, чувак, ну ты вообще двинутый! – заметил, наконец, Паша. – Ты же понимаешь, что это только в тексте непонятно, кто что говорит. А если бы это была экранизация, например, то как можно не понять, кто говорит одно, а кто – другое?

– Да, ты прав, – согласился я. – Пожалуй, я в последнее время слишком заиклен на том, чтобы убедить себя, что литература круче кинематографа...

– Что, ни одного сценария не купили?

– Ни одного, – признал я. – Так что приходится писать в стол.

– Да? И над чем ты сейчас работаешь?

– Над повестью про офисную магию.

– Это как? – удивился Паша.

– Один парень узнал, что действительность можно менять, искажая слова. Ну вот, например, он принёс домой опилки, произнёс заклинание, и они превратились в копилки, где много-много денег. На них он купил кабриолет и уехал в Барселону.

– Ну ты укурок! – засмеялся Паша.

Я выдержал паузу и спросил:

– А это кто говорит?

– Да я это говорю! Или ты что, у себя в голове перевёл мой голос в текст, так что опять стало непонятно, чья реплика. Нет, Миша, это говорю тебе я, что ты полный укурок!

– Нет, ты! – попытался я защититься, но получилось слабо.

– И я тоже. Но ты со своей заумью вообще едешь. У тебя девушка есть?

– Есть!

– Что ты врёшь?

– Что есть.

– Ах-ха-хах, Кожаев! Тебе бы вот написать что-нибудь такое, получить кучу денег и самому уехать в Барселону! Ну, не в Барселону, так куда-нибудь в Саки или в Алупку. Жил бы там, открыл хиппарскую деревню, проповедовал бы своё учение...

В этот момент мы встали на светофоре, и по переходу зашагали люди. Один из них подошёл ко мне и сквозь открытое стекло произнёс:

– Только не спрашивай, есть ли у него с собой трава!

И прошёл мимо. Я ещё поймал себя на мысли: неужели нельзя было как-то замаскировать? например: не спрашивай, есть ли у него зелёный чай?

– Ты видел? Ты видел? – заверещал Паша. – Это же Земцов! Я не расслышал, что он тебе сказал?

– Езжай, зелёный загорелся. Это не Земцов.

– Как не Земцов! Да вот же он в метре от нас прошёл! Я так и не понял, что он тебе сказал?

– Это не Земцов, это мой внутренний прокурор, – признался я.

– Кто? – переспросил Паша. – Внутренний прокурор?

– Да. Как бы тебе объяснить... – Я собрался с мыслями. – Несколько лет назад я выдумал этого персонажа. Он предостерегает меня от необдуманных поступков. Это как бы персонифицированная совесть, предупреждающая: не делай этого, или того! Я обозначил всё это как прокурора. И хотел уйти от абстракции, поэтому наделил чертами реального человека – Юрия Викторовича. По этой причине тебе и показалось, что это Земцов, но это не он. К тому же у него были погоны полковника! Как ты мог этого не заметить?

Я всплеснул руками. Паша на пару секунд задумался.

– Э, нет, брат! – прозрел он. – Всё не так! Потому что если бы всё было так, как ты говоришь, то получилось бы, что этот твой прокурор – плод твоей фантазии, и только! Вот ты задумался на минутку, и тебе явился выдуманный тобою же тип, который что-то тебе вещает! Опять получается литературщина, в которой я всего лишь статист! Как будто и я тоже плод твоего воображения или герой ещё не написанной тобой книги. Но я-то видел, что это никакой не прокурор, что не было на нём погонов полковника и что это был самый настоящий Земцов.

Паша со всей силы ударил меня в плечо, продемонстрировав тем самым, что разгадал мой ребус.

– Ладно, твоя взяла! – я поспешил сдаться. – Это был Земцов, и он сказал, что у него для меня есть заказ.

– Я так и понял! – смешно засмеялся Паша и вторично ударил меня в плечо. – Потому что иначе это получается... какой-то...

– Кожаевский мир цыган? – подсказал ему я, а про себя подумал: «синяк будет». И потом ещё: «странно, ведь это выражение Дионисий мне ещё не подсказал...».

– Да, точно! – с энтузиазмом согласился приятель. – Точно, особый кожаевский мир. Только почему цыган?

– Потому что в этом мире страшнее всего приходится детям.

– Детям? Почему? – не понял Паша.

– Потому что их всех из школы забирают цыгане!

– Ах-ха-ха! – засмеялся Паша и достал из-за левого уха скрученный зелёный чай. – Будешь?

– Нет, спасибо.

– Да это обычный чай, не зелёный! – поторопился объясниться Паша.

– Да я понял, только я не курю уже давно.

– Правда? Молодец! – одобрил приятель. – Тебя, кстати, куда подвезти, в издательство?

– Ага, будь добр! Меня сегодня увольняют.

– Что? Как так? – удивился Паша.

– Да вот так. Я вчера немного поцапался с Фростом. Точнее, это он так заявил. А я просто задавал вопросы, но он оказался настолько глуп, что перепутал стрельбу из пушек с мастурбацией и обиделся за меня на это. Меня вчера отчитали по телефону, а сегодня будут распинать прилюдно.

– Ты что, для «Пентхауса» интервью брал? Как можно перепутать стрельбу из пушек с... Впрочем, если он может такие вещи путать, то, вероятно, ему стоит позавидовать... – философски добавил Павел.

– «Добавил Павел» – прямо в рифму получилось! – рассмеялся я.

– Что? – он снова не понял, что я несу.

– Ничего, забей! Это у меня в голове разные фразы звучат. Короче, сегодня меня увольняют, и я перехожу в разряд свободных агентов и могу устраиваться в любой другой журнал – хоть «Пентхаус», хоть «Приусадебный участок»! У тебя, кстати, нет знакомых издателей?

– Издателей? – Паша всерьёз задумался. – Слушай, таких, наверное, нет. Зато есть один человек, он в своё время задумывался о собственном рекламном издании. Крупный бизнесмен, кстати. Если хочешь, я ему позвоню, спрошу!

– Да, будь другом! А то без работы не хочется долго оставаться. Ну, недельку погуляю, а потом что? Угнанный «Ягуар», развратная аббатиса, собственный футбольный клуб – ведь на всё это нужны деньги!

– У тебя есть собственный футбольный клуб?

– Приятно, что ты допускаешь мысль о «Ягуаре» и аббатисе. Что касается клуба, то я решил: скучно болеть за уже существующую команду. Куда круче уже сейчас быть фанатом клуба, который ещё не основан. Поэтому я болею за ФК «Планина», Косогорье.

– Косогорье?

– Да, это территория нынешней Сербии. В результате движения за славянское объединение 2048 года будет образовано государство Косогорье, по образцу бывшей Югославии. Спустя пару лет создадут и футбольный клуб «Планина», название которого так и переводится с сербского – Косая Гора. Он победит в кубке Афро-Евразийской лиги в 2053 году. Лига тоже ещё не создана. А я уже болею за «Планину», даже сайт фан-сообщества создал.

– Да, – согласился Паша. – Извини, что я назвал тебя укурком. Потому что ты настоящий укурыйш! Это что надо принимать, чтобы до такого додуматься?

– Ванну! – поспешил скаламбурить я.

– Если только внутрь... – поспешил парировать Паша.

– Ладно, это всё абсурдный юмор! Я его обожаю, но если серьёзно, то я всё происходящее воспринимаю как некий дар жизни. То есть поначалу нам кажется, что случаются плохие вещи, например, увольняют с работы. Но именно это и позволяет тебе взглянуть на мир по-другому. Иначе ты бы просто не нашёл возможности этого сделать. И вдруг понимаешь: одна жизнь – тысяча

возможностей! Если бы у меня был фамильный герб, я бы разместил на нём этот девиз!

– Нет, – горячо поддержал меня Паша, – не *если бы у тебя был*, а *когда у тебя будет* фамильный герб, ты поместишь на нём этот тезис!

– Да, точно, Паш, спасибо!

Мы уже подъехали к издательству. Обнялись на прощание.

– Ну что, я позвоню своему человеку? – уточнил Паша.

– Да, конечно! – подтвердил я. – Обязательно позвони! Спасибо!

Глава 11

Ночная жизнь Сальвадора Дали

В издательстве меня ждали всеобщее улюлюканье и обязательное похлопывание по спине, будто я вчера не исполнял профессионально свой служебный долг, а вертелся голый на шесте. Впрочем, может быть, иногда это одно и то же? Чем журналист не девица, раздевающаяся по заказу? Денег только меньше платят, а так... Но прочь самобичевание! Жалобы – от слабости, но её нужно преодолевать, иначе закопаешься в поисках причин, почему ты такой несчастный. Уж лучше быть счастливым, хоть и уставшим от жизни и побитым ею. Надо держаться.

– Слабак! – вместо приветствия кинул мне в лицо критик Джафаров. Вообще-то, я его уважал за прямоту, но сейчас мне захотелось ударить ему прямо в центр моноброви.

– Почему это? – я остановил его рукой и потребовал объяснений.

– Потому что план не выдерживаешь! – открыто заявил он.

– Какой план? – от неожиданности я часто заморгал.

– Ну как? – удивился Джафар, так мы его между собой называли. – Смотри сам.

И он достал листок бумаги, ручку и стал рисовать.

– Ты же сам мне рассказывал, что хочешь написать роман-косичку. В котором три сюжетные линии будут пересекаться, как в женской косе, внахлест, так сказать. Тут у тебя три линии, условно назовём их русской, американской и вымышленной.

Он разделил листок на три равные части.

– И ты начинаешь их переплетать! Не берём в расчёт предисловие и первую главу – это вступление. Зато дальше ты выдерживаешь заданный порядок:

		Вот «Ахмед Кожаев», это русская линия.
	Затем «Багровый питон», это как бы твои фантазии, пусть и вне сюжетной линии, но допустим.	
После питона у тебя		

идёт «Свидание в Африке», это начало американской линии.		
	Теперь ты вновь возвращаешься к центральной линии (назовём её так), тут у тебя «Молоко убежало».	
		В главе «Честь канонира» мы оказываемся в русской линии.
	В «Магии своего рода» – в вымышленной.	
В «Курсах изучения Беларуси» (кстати, это ты классно придумал, – похвалил меня Джафаров) – в американской.		
	В «Игрословах» – в вымышленной.	
		«Одна жизнь – тысяча возможностей» – снова русская линия.
	Но после неё ты вновь должен был вернуться в центр, вот сюда!	

Он несколько раз подчеркнул место в центральном столбце листочка.

		Но ты продолжил русскую линию, вторую главу подряд пошёл писать!
--	--	--

Джафаров выпалил это, глядя мне прямо в глаза.

– Потому что ты понял, что при таком построении романа линии у тебя не будут равнозначными. Ты думал раньше, что каждая линия займёт треть. Но чтобы так получилось, нужно было писать роман-винт, где линии тоже бы шли зигзагом, только не меняли направление справа налево и слева направо, а всё время ниспадали в одном направлении. А на деле вышло, что в «косичке» половину занимает вымышленный, центральный сюжет, а боковые – по четверти всего! И ты дал слабину: вместо того чтобы писать продолжение истории Нелли, ты занял читателя волокитой, как тебя выгоняют из издательства, – слабак! – повторил свой изначальный посыл Джафаров.

– Да ладно, какой ты слабак! – тут же вступил он в противоречии с собой.
– Ты молодец, держись!

– Что? – опешил я. – Ты же только что сам говорил, что я слабак!

– Я? – удивился Джафаров. – Да ты сам мне минуту втирал про какие-то линии, про какие-то косички... Это что, сленг какой-то или ты реально о сыре чечиле говорил? Мой тебе совет: будешь устраиваться на новую работу – ты хотя бы на неделю слезь с винта, почисться где-нибудь, в пансионате отдохни! Знаешь, всё горе – от ума. Да и женщину себе найди, в конце концов!

Он хлопнул меня по плечу и, уходя, вручил исписанный названиями глав и стрелочками листок.

– Что все ко мне пристали с этой женщиной! – шёпотом пробубнил я. – И почему в единственном числе? Может, все они про какую-то определённую говорят?

В таких раздумьях я дошёл до своего кабинета. Точнее, это была комната, где нас сидело шесть человек. Я со всеми поздоровался, выслушал гомон рулад и начал собирать вещи. Честно говоря, раньше я представлял, что обычно вещей много: в фильмах люди уходят с целыми коробками. У меня бóльшая часть ушла в мусорное ведро: выбеленные светом бумаги, старые записные книжки, конверты из-под служебных симок, квитанции, счета и бессчётное число исписанных клочков. Даже мандарин, лежавший с Нового года глубоко в ящичке стола, пришлось выбросить, потому что он сгнил, иссох и позеленел.

Посреди моей кипучей деятельности по освобождению и чистке стола от чайных пятен в комнату вошёл Виктор Васильевич.

– Всем доброе утро! – деланно вежливо провозгласил он. – Кожаев, а ты куда собираешься?

Он сделал вид, что удивлён моим поведением.

– Собираюсь пройтись сейчас по парку, выпить кваса и прокатиться на русских горках.

– Да ладно, прекрати, я серьёзно! – он, видимо, не ожидал такого решительного настроения. – Ты же ославил наш журнал на всю страну!

– Значит, моя миссия в нём выполнена! – парировал я в стиле дзен.

– погоди, погоди! – затараторил начальник. – Да постой же ты! Мы решили назначить тебя редактором новостной группы!

Он хотел было продолжить, но я пресёк его.

– Виктор Васильевич! – я резко повернулся, так что оказался прямо перед ним. – К чему все эти разговоры! Вы вчера ругались на меня матом и посылали ко всем возможным родственникам нечистой силы. Это, конечно, пустяки, все мы люди и все подвержены эмоциям. Как говорится, ничего личного, просто бизнес. Скажу вам откровенно, я не смогу работать с вами после произошедшего. После всего произошедшего. Я уйду в любом случае: увольняете вы меня или я подписываю по собственному желанию. Я вам благодарен за всё, вы меня многому научили и были для меня отличным наставником. Но для меня настало время двигаться дальше. Спасибо вам и спасибо вам всем, ребята! Пожмите мне руку, и я пойду за расчётом.

Я протянул ему простёртую ладонь. Виктор Васильевич хмыкнул, но ответил рукопожатием.

– Что ж, и мне было приятно с тобой работать! Удачи тебе!

Он повернулся и вышел, забыв про обязательную планёрку. Вокруг зашушукали, чем дальше, тем громче. Посреди всеобщего шума я собрал свой нехитрый узелок, со всеми распрощался и отправился восвояси. Последний раз я испытывал похожие чувства, когда расставался с девушкой, с которой мы разошлись месяц назад. Сначала тебе кажется, что это она, та единственная. Но вскоре ты понимаешь, что вы не сходитесь – и расходитесь. Расчёт за полторы недели, и вот ты уже на улице, смотришь на здание, в котором протекала бóльшая часть последних трёх лет. Завтра о тебе уже никто не вспомнит. А через месяц ты сам не вспомнишь: что там за рубрики в выпускаемом журнале? что это за нудные планёрки по утрам? и как бы отпроситься у начальства на час по делам...

Боже, как же красиво на улице днём! В рабочее время, которое ты сплошь пропускаешь с восемнадцати до шестидесяти лет. Если бы не работал – гулял бы и гулял все дни напролёт! Ничего бы не делал – катался бы на велосипеде, ел бы мороженое в парке, знакомился с девушками... Всё-таки иногда стоит уволиться ради того, чтобы день погулять по городу!

А, может быть, всё-таки стоило остаться? Руководитель новостного отдела наверняка получает вдвое больше! Можно было бы обновить машину, купить себе навороченный внедорожник! Или даже замахнуться на квартиру! Правильно ли я поступил? Что дороже – следование принципам и безработная бедность или богатство через переступление через себя? Так-то честь дороже, только денег при этом нет. А деньги есть – чести нет. Эх, наняться бы на пароход – и в Бразилию! Или в Абхазию. Или хоть бы на Оку съездить искупаться...

Вдруг на тротуаре я увидел сторублёвую купюру. Если бы вы знали, как я верю в то, что счастье приходит сразу же после того, как ты находишь на улице деньги! Неважно сколько – хоть десятку! Это верный признак того, что тебе начнёт нехило везти! Причём ты сразу начнёшь находить деньги ещё – во второй раз, в третий, в четвёртый, даже в пятый! Но это не главное – главное, что в твоей жизни обязательно произойдёт какое-то невероятное событие, которое всё изменит!

– Выставка картин! – перебил мою эйфорию тонкий девичий голос, обладательница коего вручила мне цветной буклетик. На нём содержалось несколько коллажей, венчаемых претенциозной надписью:

Н О Ж И
чная знь
Сальвадора
Д А Л И

То ли «ночная жизнь Сальвадора Дали», то ли в сельпо ножи завезли – кто их, художников, разберёт. В любом случае я воспринял выставку как знак. Да я бы куда угодно после найденной купюры пошёл, даже если бы это был митинг пенсионеров или инструктаж волонтеров. А тут – искусство. Мне вдруг

вспомнился приснившийся много лет назад сон: я спрашиваю у бомжа, что это за легендарное «синее место», а он с придыханием отвечает: «Там, где ни сеют, ни жнут, а токмо искусство...».

– Фотографировать запрещено! – прогнусавила старушка на кассе, забирая у меня деньги и возвращая билет. Было бы что фотографировать, подумал я, но вежливо улыбнулся.

Нутро выставочных залов оказалось предсказуемым: высокое питается безработными девицами в разноцветных клоунских нарядах и волосатыми-бородатыми юношами со взглядом, горящим от избытка веществ, питающих воображение. Единичным девицам и юношам было чуть за шестьдесят, но от этого их наряды и взгляды отнюдь не потускнели.

Плоды искусства были выставлены разнообразные. Одни, на мой вкус, съедобные, другие не очень, от третьих хотелось дать волю рвотным позывам. По крайней мере, меня бы точно стошнило, если бы я обедал в ресторане и мне бы вдруг показали «Марию, воскресающую вместе с природой». Если вкратце – представьте себе двенадцать фунтов мелко нарезанного зелёного лука, приклеенных клейстером к полотну два на три метра. Сверху – чёрный от старости помидор головы, белок прогнившего сырого яйца платья и синие бананы рук. Воистину: синее место – там, где ни сеют, ни жнут, а токмо искусство.

– Нравится? – раздался у меня над ухом приятный женский голос.

Я обернулся и увидел перед собой высокую стройную девушку, одетую на удивление стильно и опрятно.

– Гм, – замялся я, – честно признаться, я большой поклонник реалистичного искусства.

– Тогда вам в следующий зал, – посоветовала девушка и улыбнулась. – Кстати, меня зовут Марина.

– Очень приятно. Михаил.

Мы неловко поклонились друг другу.

– Это... ваша картина? – осмелился уточнить я.

– Нет, – призналась Марина. – Мои работы выставлены дальше.

– Хорошо! – с энтузиазмом, но негромко признался я.

– А вообще, все работы подписаны. Вот, посмотрите.

– Гм, – я озадаченно буркнул. – Я думал, так называется картина...

– Это псевдоним – «Мария, воскресающая вместе с природой». Тут у всех авторов – псевдонимы, фишка этой выставки. А работа называется...

Марина приблизилась к миниатюрной надписи, чтобы разобрать текст.

– ...«Если бы мёд несли павлины».

– Гм! – не сдержался я и невольно добавил: – Гм!

– Хотите посмотреть мои работы? – деликатно поинтересовалась Марина.

– С удовольствием! – честно признался я.

Художница провела меня в соседний зал. И первое, что я в нём увидел, – как будто солнечные лучи специально сфокусировались на ней – девушку восхитительной красоты, с золотистым бутоном в волосах, в роскошном

облегающем платье в полоску, от которой рябило в глазах. А, может быть, меня просто ослепила её природная, немного кошачья нежность.

Я застыл на месте, и для меня она тоже одна осталась неподвижной во вселенной. Вокруг всё двигалось, суетилось, присматривалось, перешёптывалось, а она покоилась в центре зала, отвечая на вопросы окруживших её репортёров. Изредка она взглядывала в мою сторону, но меня не замечала. Возможно, к вящей славе Божьей, потому что я бы возгорел на месте, останови она на мне взор своих изумрудных глаз.

Марина взяла меня под локоть и подвела к следующей картине. Оказалось, она уже успела показать мне первую свою работу, а я послушно слушал и кивал в такт её бессловесным движениям губ. Сторонний взгляд мог бы подумать, что я внимательно изучаю её полотна. Наверное, так оно и было, когда Марина переводила взгляд с деталей картины на меня. В остальное время я бессовестно пожирал глазами незнакомку в платье в полоску.

В тот момент я был жрец этих полос. И будь дана мне такая колдовская власть, я бы расплёл чёрные и белые полосы, чтобы снова сплести их в самые затейливые узоры – в негибамую корзинку, в прочную решётку, в тугую косу, в резной подсвечник. А затем снова бы расплёл и вернул, как есть, в платье. Девушка умолкла, пока журналист задавал ей очередной вопрос, и мельком взглянула на меня. Меня как льдом обожгло. Наверное, я покраснел до мочек ушей, и вдруг явственно понял, что влюбился! По-настоящему, безвозвратно, неотменимо.

Я кивнул Марине в знак осознания глубины её задумки и немедленно бы рухнул на пол, если бы она вновь не взяла меня за локоть и не отвела к следующему своему полотну. На полотно же моей жизни лёг самый главный, нестираемый штрих, из которого родится удивительный, обильный на краски сюжет моей неизбежно счастливой судьбы.

Глава 12

Американский идол

– Слушай, ты меня угостишь, а то у меня в кармане ни цента?

– Да, конечно, что за вопрос!

Майкл вместе со своим другом Энтони вышли из гостиничного номера, куда Скиннер переехал после того, как передал в пользу Кейт всё своё имущество. Спустились в бар при отеле, выпили по пиву, съели по гамбургеру.

– Слушай, Тони, отвезёшь меня куда-нибудь-не-важно-куда? – попросил Майкл.

– Всё настолько плохо? – уточнил Энтони.

Майкл ответил не сразу.

– Пожалуй, да. Я ни разу в жизни не чувствовал себя хуже. Меня бросила девушка, которую я любил. Оставила меня без цента денег, без квартиры и машины, присвоила все мои сбережения. Меня лишили места преподавателя из-за всей этой истории. Издательства молчат, но я думаю, что ни одно из них не продлит со мной контракт, если только я не напишу скандальную историю о своих приключениях. Да и то – вряд ли они станут рисковать своей репутацией.

В сухом остатке: я бомж, который питается подаванием друзей. И знаешь, сколько их у меня? Один. Это ты. Все остальные от меня отпихнулись, как от прокажённого. Как будто я совершил аморальное преступление! Как будто я насильник или педофил! Я понимаю, что связь со студенткой – это преступление. Но ведь преимущественно в *правовом* смысле. В *моральном* плане я же не урод и не падший человек. Слушай, – вдруг сменил он тему, – у тебя нет ЛСД или мескалина?

– О-о, я смотрю, ты прямо убиться хочешь?

– Честно говоря, да! Хочется чего-то такого, чтобы вообще унесло! Чтобы крышу перевернуло так, чтобы потом из этого можно другой взгляд на жизнь разглядеть. И зажить по-новому! Мне кажется, достаточно одного отменного трипа, и я смогу измениться до неузнаваемости! Стать новым Рокфеллером и двигать миллионами туда и сюда, чтобы получать новые миллионы, сидя на месте. Как паук в центре своей паутины, буду сидеть и по ниточкам собирать новые и новые капиталы. Потому что капитал – реальная власть. Стану несметно богатым и смогу всё старое забыть, зажить по-новому, по-другому, совершать безумные поступки: устроить общину на собственном катере, восстановить рабовладение на демократической основе, владеть собственными футбольными командами, взрывать свои острова и строить на их месте подводные города! Ну не знаю, что-нибудь сумасбродное творить...

– Понятно. Тогда тебе точно ЛСД понадобится. Я так понял, тебе нужно сегодня?

– Да. И у меня нет денег.

– Да это я понял, не парься! Такое дело...

И Энтони кому-то позвонил и куда-то уехал.

С того вечера прошёл целый месяц, прежде чем кто-либо из друзей или знакомых Скиннера услышал о нём. Причём случилось так, что узнали о нём сразу все, ибо предстал он – ни много ни мало – в субботу вечером на центральном канале страны в Нью-Йорке. Майкл вёл какое-то совершенно сумасбродное шоу в духе японских фриков. Только вместо противной, скандальной и вызывающей формы своему зрителю он предложил противную, скандальную и вызывающую суть.

Сперва он в прямом эфире провёл... развод. И предварил его тем, что если такое важное событие, как свадьба, сопровождается масштабными мероприятиями, то почему бы и развод не проводить с соответствующей такому случаю помпой. Ведь зачастую развод открывает куда более радостную страницу в жизни, а стало быть, и встречать его нужно парадом. Вслед за этим рассуждением в студию прямо на «разводомобиле» въехала пара бывших супругов, которые надавали друг другу пощёчин, выпили абсента и показали друг другу факи вместо прощальных поцелуев. Гости при этом веселились, как прокажённые, а одна пара из числа друзей бывшего мужа и жены даже сошлась и стала обниматься прямо в кадре.

В следующем эпизоде Майкл Скиннер выступил ведущим познавательной викторины «назови десять». Каждому участнику предлагалось назвать десять персоналий из определённой эпохи и определённого рода деятельности. И

Майкл в жёсткой и циничной форме приговаривал, какие же тупые у него гости.

– Элизабет, ты же домохозяйка! Это видно по твоей фигуре, иначе где ещё можно заболеть такой полнотой? Ну, давай, назови хотя бы одного немецкого философа! Маркс? Отлично, Лиззи! Это один, осталось всего девять. Давайте я тебе подскажу: Шопен, знаешь такого мыслителя? Знаешь, да? Читала его «Феноменологию духа»? Читала, да? Кто из сестёр тебе больше понравился, Дита или Симона? Симона? Ну, молодец! Ребята, давайте сюда!

И на призыв Скиннера в студию выбежали несколько парней, которые облили Элизабет йогуртом с головы до ноги, вытерли руки о волосы и убежали. Следующего гостя, который не смог назвать десять английских поэтов XV века, закидали яйцами. А третьего участника избили палками, причём весьма натурально, что позволило многим сделать вывод, что били его по-настоящему.

Эффект оказался потрясающим. О Майкле Скиннере заговорили как о главной телезвезде нового поколения. Его горячо возненавидели, но благодаря этому он стал известен всем и каждому. Его пригласили в ряд других проектов, и он буквально прописался на телевидении. Вместо презентаций книг он стал ездить по стране с выступлениями а-ля стенд-ап-камеди. В одном из интервью он заявил, что если его захотят увидеть ведущем на мероприятии, то это будет стоить миллион долларов за вечер. И заказы посыпались, как из рога изобилия! Всего за два месяца он выступил на дюжине корпоративов, а за первый год своей телекарьеры заработал более ста миллионов.

Половину из этих денег он вложил в элитную коммерческую недвижимость и ценные бумаги. За всё это время он выпустил единственную книгу – «Как меня разорили до нитки». В ней он подробно рассказал о печальной истории любви, месяце бомжевания и проститутке-весталке из Бруклина, которая сопровождала его в процессе шаманского камлания в небытие и обратно при помощи реторты и резинового дилдо.

Вряд ли всё это было правдой. Но впоследствии Майкл признавался друзьям, что тяжёлый наркоманский опыт изменил его жизнь, границы восприятия и точку сборки. В основном это выразилось в преобладающем интересе к высокомаржинальным заработкам. Даже свою книгу он распродал по пятьдесят долларов, которые при тираже в десять миллионов экземпляров принесли ему пятьдесят миллионов – целое состояние, по меркам его прошлого представления о жизни.

Раньше бы он положил эти деньги на депозит и никогда бы больше не выходил на работу. Жил бы себе в предместье и писал романы в своё удовольствие, развлекаясь велопрогулками и завтраком с кофе на веранде. Теперь же он инвестировал вырученные средства в проект какого-то космического шаттла (откуда он только узнал обо всём этом) и впоследствии заработал на этом двести миллионов.

Отучился на пилота, купил себе личный самолёт и стал активно летать. Организовал сеть магазинов, торгующих оружием. Купил личного фитнес-тренера и через год стал выглядеть, как мечта всех женщин на свете. В конце концов он, действительно, купил себе небольшой остров в Тихом океане и

взорвал его. Только строить ничего не стал. В интервью того времени он нередко заявлял, что после известных событий перестал верить в человеческую мораль, признав её фикцией, а вместо этого начал поклоняться виски и практиковать эгоизм и собственное удовлетворение как культ. К тому времени его состояние перевалило за миллиард, а на его коже не осталось места, свободного от татуировок. Безусловно, он стал главным идиолом национальной молодёжной контркультуры, который по всем законам жанра должен был присоединиться к знаменитому клубу-27.

Глава 13 Картина из будущего

– И о чём твоя будущая книга?

Мы с Катей ехали в верёвочный парк. Вообще-то я пригласил её в кафе. И для этого выбрал предлог, который мог хотя бы отдалённо намекать на профессиональный, а не личный характер встречи. Раз уж я пишу книгу, рассудил я, то могу же ведь обратиться к успешной художнице за обложкой. Вот под этим соусом я и завёл переписку, которая привела к нашей первой встрече.

Честно говоря, я, действительно, предложил встретиться в кафе, выпить кофе, скушать торт. Но Катя оказалась из другой когорты: традиционным и по этой причине пошлым, с её точки зрения, развлечениям она предпочитала отдых активный и нетривиальный. Сразу призналась, что обожает походы, и я почему-то вздрогнул от мысли, что моя жизнь никогда более не будет прежней. Вернее, вздрогнул я, скорее, от осознания, что в одночасье – по крайней мере, в своих фантазиях – связал свою жизнь с её и оказался морально готов к тому, что «двое станут плотью едина». Слишком уж скоротечными представлялись мне эти выводы и слишком они пугали меня, потому что ничто в жизни так не подвержено суровым изменениям, как планы о неизменном. Впрочем, дорогу осилит идущий. Другими словами, как иначе узнать путь, кроме как встать на него и пойти...

– Книга? – повторил я Катин вопрос. – Она о том, как молодые люди научились менять действительность при помощи слов. Я имею в виду, они переставляют буквы местами или убирают лишнюю – и всё меняется.

– Да-а? – мечтательно заметила Катя. Впоследствии я узнал, что удивилась она тому, как ясно и просто я излагаю мысли: в среде художников это редкость. – И как это работает? Приведи пример.

Я на секунду задумался, потому что не держал специально в уме таких примеров. Это всё равно, если бы меня попросили прочесть свои стихи, которых я никогда не знал наизусть.

– Гм. Ну, вот, например, у одного из героев находят копилку, в которой хранятся дорогие старинные монеты. Чтобы их не изъяли, он произносит заклинание – и «копилки» превращаются в «опилки», так что в руках у его врагов оказывается никчёмная труха.

Катя рассмеялась.

– И об этом книга?

– Ну да! – несколько обиделся я. Всё-таки натура творческая, предполагал я до встречи, должна понять. А тут – смеётся.

– А ещё приведи пример какой-нибудь.

Я напряг память, силясь извлечь из глубин сознания самые потрясающие словесные трансформации. Однако, как назло, на поверхность выплывали самые ущербные и неприглядные примеры.

– Ну, смотри. Герой уходит на машине от погони, не справляется с управлением и вылетает в кювет. Перед самым ударом о землю он произносит заклинание, и кювет превращается в бювет – это такое специальное место на курорте, где вокруг целебных источников выстроены мраморные беседки. И вот, водитель и его пассажиры, вместо того, чтобы лежать мёртвыми в овраге, сидят, как в джакузи, и попивают боржомом.

– Мраморные беседки? – переспросила Катя и вновь рассмеялась, сильнее прежнего. В этот момент я вспомнил, что по образованию она архитектор, и мои выражения могли вызвать у неё заслуженную улыбку. Но не смех же! Он в очередной раз задел меня. Но с девушками ни в коем случае нельзя давать слабину. Наоборот, надо её как можно сильнее впечатлить. Тем более что смеётся – значит, всё-таки испытывает какие-то эмоции. Может быть, это у неё такая защитная реакция, а на самом деле она стесняется нашего первого свидания. По крайней мере, я надеялся, что это именно свидание, а не обсуждение какой-то там обложки для какой-то там книги.

– Да, наверное, я не так выразился. Но раз ты архитектор, тогда ты прекрасно знаешь, что такое бювет – зачем ты мне этого не сказала? Хотела позабавиться надо мной? Ладно. Тогда вот тебе ещё пример.

И я вновь напряг память из последних мнемонических сил.

– Одного чиновника задерживают за получение взятки. А он, надо сказать, через главных героев научился словесной магии. И вот после того, как в кабинет вбегают сотрудники ФСБ, он произносит заклинание и вместо получения он поучает взятку. То есть взятка возвращается в карман тому, кто её только что ему вручил, а пойманный с поличным теперь вовсе и не преступник – напротив, он поучает и полицейских, и взяточдателей, что коррупция – это плохо.

Катин смех сменился полным отсутствием какой бы то ни было реакции. Точнее, она посмотрела на меня, как если бы невролог изучал реакцию и выжидал следующего выступления со стороны пациента. Конечно, я не заставил себя ждать.

– Хорошо, тогда представь себе следующую ситуацию. – У меня вздулись вены на лбу, но я припомнил особенно оригинальную игру слов. – Чиновник ещё не научился словесной магии, зато поблизости оказался один из главных героев, который вызвался его защитить. Разумеется, незаметно для окружающих. Вот он произносит заклинание, и главный полицейский, который *уполномочен* задержать взяточника, вдруг лежит мокрый посреди кабинета и перед всеми своими подчинёнными признаётся: «*Я упал, намочен!*».

Катя, наконец, рассмеялась не надо мной или моей задумкой, а над удачной шуткой, которая, несомненно, произвела на неё впечатление. А я поймал кураж и продолжил метать в неё словесными трансформациями.

– На самом деле, я собрал множество подобной игры! – Действительно, пары слов, отличающихся между собой одной буквой, полились из закров моей памяти, как кетчуп, который перевернули вниз горлышком и долго трясли над макаронами, пока он, наконец, не полил через край. – Словесники в моём романе могут превращать *прочные* связи в *порочные*, и наоборот, в зависимости от ситуации. Сладкий *персик* в десерте врага может превратиться в огненный *перчик*, сухой *кашель* – в апрельскую *капель*, а *фоточки* в альбоме – в *форточки*.

– Серьёзно? Ну и каким образом фотографии превратятся в форточки? То есть человек открывает фотоальбом, а там вместо страниц – по оконной форточке?

Катин вопрос, несомненно, имел под собой основания. Я и сам не всегда понимал, с какой стороны подступиться к гипотетической словесной трансформации, если таковая потребуется под непреодолимыми обстоятельствами сюжета. Но обычно я считал, что это технический вопрос, в то время как сейчас передо мной буквально обнажилась тупость и бесперспективность всего моего начинания. Ну, научились молодые люди трансформации слов превращать в трансформацию действий – и дальше что? Для короткого рассказа, пожалуй, и неплохая идея. Но раздуть из этого целый роман... Всё равно что подводить эпопею к бородатому анекдоту, который пришёл всем на ум ещё на первой странице. Но что мне оставалось делать в сложившейся ситуации? Отступить было нельзя, и я положился на силу своей фантазии.

– Вместо страниц форточки? Что ж, это вполне возможно, если представить, скажем так, всю картину целиком. Так сказать, ассоциативный ряд фотографий и форточек. Фотографии ставят в *рамки*, а форточки бывают в комнатах со столами, на которых могут стоять *рюмки*. Ещё говорят: *фотокарточка*, а на накрытом столе рядом с рюмками – *картошка*. Бывает *съезд* фотографов, а бывает, фотограф возьмёт да и *съест* картошечку. Или сделает снимок *с Алёной*, а затем выпьет водочки и возьмёт вилочкой огурчик *солёный*. А потом захочет сфотографировать *горницу*, но перед тем намажет себе на хлебушек *горчицу*. А Алёна упомянутая начнёт *плакать* оттого, что её суженый всё пьёт да закусывает, а он её лучшее фото возьмёт, да и на большой *плакат* поместит. А фотограф, прежде чем новую рюмку *наполнит*, Алёне про тот плакат *напомнит*, будет капусту *вкушать* и дальше нужные ему мысли девице *внушать*. А кто бочку покатит на такую *лексику* – пускай *катит* в *Мексику*, да не по гипотенузе, а через один и через второй *катет*. И кто бы такого фотографа *обвинил* – всё равно что ударил винилом *об винил*. Потому кто таким словарным искусством владеет, тот даже если станет *полный банкрот*, вывернется и будет *полный банктот*. Так что ты таким людям *не угрожай*, а то в кармане будет *неурожай*. В свете всего вышесказанного превращение фотографий в форточки представляется мне попросту

неизбежным, – заключил я и последний тезис выпалил буквально на последнем дыхании, настолько поэтичным и вдохновенным получился мой спич. В то же время я так разогнал себя, что на светофоре едва не настиг остановившуюся машину и был вынужден затормозить так резко, что нас обоих удержали на месте напрягшиеся ремни.

– Ой, извини, я не хотел так резко тормозить!

– Ничего, – ответила Катя, отнимая руку от бардачка, в который она невольно уткнулась рукой. – Что у тебя в голове...

Эта фраза прозвучала вопросительно, но в интонации однозначно слышался диагноз. Я осознал, что произвёл на спутницу, очевидно, не самое хорошее впечатление. Однако как его произвести, если ты по жизни не очень адекватный человек...

До верёвочного парка мы доехали, разговаривая на другие темы – о том, кто из нас где учился, есть ли у нас общие знакомые, как мы относимся к восстановлению колокольни, взорванной при советской власти. Много о чём. Лично я старался сгладить углы после того ужасного впечатления, которое, как мне казалось, я произвёл на Катю. Что творилось у неё в голове, я даже не догадывался. Зато был уверен в том, что смогу впечатлить девушку во время испытаний – всё-таки, что ни говори, а верёвочный парк – это чуть сложнее, чем прогулка по тротуару. А я был в отличной форме, дважды в неделю ходил в зал, каждый третий день бегал на стадионе и ежедневно работал дома с гантелями.

Однако лёгкими оказались только первые, «детские» маршруты. Мне кажется, я бы смог их преодолеть, даже если бы мне предварительно выстрелили в живот из арбалета, а медсестра находилась бы в конце препятствия. Зато четвёртый, самый сложный этап, который и предлагался за доплату, полностью перевернул моё представление о нагрузках в таких беззаботных с виду занятиях, как скалолазание и подтягивание на качающемся канате. Катя решила отдохнуть и поснимать меня с земли, как я буду преодолевать препятствия «повышенной сложности».

На свободновисящих покрышках у меня свело ноги, на натянутой между деревьями деревянной лестнице я потянул спину, а на наклонном канате стёр ладони в кровь. Но всё это время я беззаботно улыбался в камеру и пытался говорить такими короткими фразами, которые бы вмещались в промежутки между приступами астмы, настигавшими меня с каждым новым движением.

В итоге в конце полосы препятствий я настолько выдохся, что меня мог бы свалить с одного удара шестиклассник в очках. Но самое страшное – от напряжения и усилий я настолько пропах потом, что от меня буквально воняло. Чтобы добиться подобных результатов в обычных условиях, мне требуется пробежать километра четыре по тридцатиградусной жаре. А ведь в начале дня у меня в планах были скромные прикосновения или даже случайные объятия. Теперь о подобной близости пришлось забыть.

Даже умывание в туалете и последующие обтирания влажными салфетками сгладили мой зловонный эффект лишь отчасти. А ведь в начале нашего свидания я обещал после верёвочного парка всё-таки отвезти Катю в

кафе. Не хватало ещё, чтобы посетители, оказавшиеся рядом со мной, сжимали пальцами ноздри и гнусавили: «Фу, это что ещё за бомж!». В тот момент я согласился бы поменяться на день местами с настоящим бездомным, лишь бы сейчас иметь возможность принять душ и вымыться освежающим гелем с календулой и гуараной. Но вместо этого я, как и обещал, повёз Катю в кафе в центре города, куда девицы приходят только после того, как извергнут на себя добрую унцию дорогого парфюма.

Пока мы ехали, я, правда, несколько успокоился. Катя рассказывала смешные эпизоды из её студенческой жизни, в то время как я несколько напрягся по другой причине: вот, преподаватель и студентка – а вдруг эта связь, если только ей суждено случиться, аморальна? Я мысленно рассмеялся и успокоился пуще прежнего. Настолько, что на время даже потерял нить, о чём столь увлечённо мне вещает Катя.

Вместо того чтобы слушать её, я вновь стал напрягать память и перебирать в уме игру слов, усилием воли извлекаемую из узелков памяти в мозговых синапсах. Штукатурка – штука турка, товарищи – товар ищи, каталог – кашалот, щедрой – щедрой, сказать – скачать, непотопляемая – неотопляемая, симуляторы – стимуляторы, мобильный – могильный, наполнить – напомнить, прославление – проставление, старания – старения.

– ...и полить! – завершила удивительно впечатляющий, судя по всему, пассаж Катя. По-моему, она рассказывала о подругах, с которыми снимала квартиру, и о цветке, который всегда забывали поливать. Но вместо того, чтобы проникнуться Катиной болью и, вероятно, гениальным характером её истории, я, как истукан, произнёс:

– Точно! «И полита»! Я услышал в «Прожектореперисхилтон», что планета Пандора освоена «и полита» кровью советских фантастов, и тут же нашёл пару для этих слов среди имён: Ипполита!

...всё-таки речь выдаёт человека с потрохами! Смотришь – с виду интеллигентный, хорошо одетый молодой человек. Но откроет рот – тупость опережает скорость света в вакууме. Или девушка: ухоженная, красиво одетая, стильная, глаза подведены. А рот откроет – как будто мимо помойки идёшь, мат да похабщина. Когда рот открывал я, от меня, вероятно, за версту веяло когнитивным расстройством и подозрениями в маниакальности. Поэтому Катя поначалу наотрез отказалась идти со мной в кафе и требовала высадить её на остановке. Однако я, как добросовестный маньяк, переубедил её провести со мной ещё буквально двадцать минут, тем более что за день мы так ничего и не съели, так что вполне разумным выглядело перекусить и выпить кофе.

За столиком Катя немного успокоилась. Видимо, свыклась с мыслью, что ей со мной придётся провести ещё полчаса. Думая об этом, я соглашался на такой промежуток только на сегодня, но в последующей жизни мне бы хотелось проводить с ней гораздо больше времени. Конечно, о семейных узах мечтать не приходилось: столь неудачным вышло моё первое «выступление» сегодня, – однако попыток завоевать так сильно понравившуюся мне девушку я и не думал оставлять. В конце концов, говорят так: чем сквернее первое впечатление, тем крепче отношения в будущем.

Так думал я, пока нам несли заказанные пиццу, кофе, чай и кусочек торта. Мы даже не успели толком расположиться, как в помещение вбежал молодой человек с горящим взором и небольшой картиной в руках. Он окинул всех взглядом и, заметив нас, стремительно приблизился к Кате. Руки его дрожали, а речь была бессвязна и бойка:

– Какая удача – я вас нашёл! – он обращался исключительно к Кате.

– А в чём, собственно, дело?! – сурово перебил я его инициативу и собирался уже встать, но парень повернул к нам лицом чудесное полотно, изображавшее миленькую девочку на тёмном фоне планетария.

– Вы, конечно, не поверите мне! – затараторил пришелец. – Но поверьте, я попал к вам из недалёкого будущего!

Несколько случайных свидетелей этой сцены разочарованно отвернулись к своим столикам, а странный гость горячо продолжал:

– В наши дни путешествия во времени станут совершенно обыденными. Пока немного дороговато, – признался он, – но это не беда. Екатерина, это ведь ваша картина?

Озвученный вопрос никак не вытекал из предыдущего сообщения молодого человека, но Катя внимательно посмотрела на полотно и отрицательно покачала головой:

– Нет...

– Да, я понимаю, – замялся странный субъект, – вы, конечно, не можете вспомнить будущего, но вот посмотрите сюда, на хвост кометы в углу картины. Здесь выведена ваша подпись: “Katherine Cat”. Это ведь ваш почерк, я прав?

Катя с изумлением обнаружила в углу собственный автограф, который она обычно оставляла на своих картинах. Представленную работу она, естественно, видела впервые. Но автограф был, несомненно, её, что она признала, не в силах, правда, этого осознать.

– Ну вот видите! – наседал пришелец. – Эту картину – она, кстати, называется «Моя дочь в космосе» – вы написали в 2023 году. Здесь изображена ваша вторая дочь, Аня.

– Вторая дочь? – Катя саркастически рассмеялась.

– Да. Первую дочь вы назовёте Елизаветой. – Странный незнакомец замялся. – Кстати, рад познакомиться.

Он протянул мне руку, которую я был вынужден пожать.

– Вы ведь Михаил? Я вас тоже видел по телевидению, в репортаже о выставке Екатерины Сергеевны.

– Екатерины Сергеевны? – заинтригованная, переспросила Катя. – То есть в будущем я стану популярной?

– Популярной? Вы шутите? – оратор округлил окуляры. – Да вы самая известная художница на планете! На нашей, разумеется. Но это тоже многого стоит... Впрочем, извините меня, пожалуйста, я очень тороплюсь. Через полторы минуты закроется портал возвращения. Пожа-алуйста! напишите на обратной стороне своей рукой: «Игорю Василенко от Katherine Cat». Вот маркер. В нашем времени я смогу продать эту картину...

Он понял, что прокололся, и, поэтому, обрубил:

– ...ну, дорого, вы поняли. Но ведь с вас не убудет! Вы там в золоте будете купаться. Пожалуйста, пожалуйста, я очень тороплюсь!!!

Кате не оставалось ничего, кроме как написать просимое на обратной стороне полотна. Станный гость комкано поблагодарил Катю, поцеловал ей руку, мне махнул рукой и побежал на улицу. Прошло добрых полминуты, прежде чем мы, опешившие, смогли немного прийти в себя.

– Догони его! – попросила меня Катя приказным тоном.

Не говоря ни слова, я вскочил с места и побежал вслед за подозрительным субъектом. Мне казалось, что прошла тонна времени после его ухода, но буквально на углу здания (жаль только, Катя не видела) я его нагнал и схватил за рукав:

– Отлично, сыграно, Паш! – Разумеется, это был нанятый мной ради этого спектакля Паша Картавых. – С меня коньяк.

– И заказ на корпоратив! – Паша вёл свадьбы и никогда не упускал возможность подзаработать.

– Договорились! – на его лукавую улыбку я расплылся чистосердечной. – Спасибо огромное, дружище, тогда созвонимся!

– Да, кстати, тебе сегодня позвонит по поводу работы один важный тип: я ему про тебя рассказал, он хочет тебя нанять на должность главного редактора журнала.

– О, здорово, супер! Спасибо, Пашка! Я побежал! На телефонах!

Чуть помедленнее я вернулся в кафе. Катя глядела на меня выжидательно.

– Я его не догнал, прости! – признался я и развёл руками. Свидание налаживалось.

Глава 14

Как в фильмах Уэса Андерсона

– Меня достали эти подработки! Мне нужен нормальный заказ, чтобы я месяц мог нормально работать, а не перехватывать подачки!

– Так это и есть нормальный заказ! И не просто нормальный, а бриллиантовый просто! Один день всего поездишь с человеком, поделаешь то, о чём он у тебя попросит, и всё – заработаешь на полгода безбедного существования!

– Ты же знаешь, что я в розыске! Как я тебе вот так возьму и «поезжу денёк»? Да моя фотография у всех постовых в отделе, в машине и в мобильном приложении! Это всё равно что Бен Ладеном по улице ходить...

– Ну так уж и Бен Ладеном! – продолжал увещевать голос в трубке. – Ты себя не возноси уж так! Как говорят в пионерском лагере: мальчики, не льстите себе, подходите ближе к писсуару! Тем более что ты умеешь изворачиваться как никто другой! Послушай: всего один день поездишь с заказчиком, работа непыльная, риск минимальный, особенно при твоих навыках. Зато потом – живи себе – в ус не дуй! Несколько месяцев! Давай соглашайся, иначе я перезвоню и всё отменю, и тогда ты будешь без копейки денег побираться, со всем своим талантом!

Скрепя сердце, собеседник согласился. Это был не кто иной, как Антон Атмаргян. Через пятнадцать минут к дому, который он снимал, подъехал блестящий всеми оттенками роскоши чёрный «Мерседес». Водитель вышел из салона, поднял ворот куртки и побрёл прочь. Когда он скрылся за поворотом, Антон вышел из дома и сел в машину, на водительское место. Голос с заднего дивана поприветствовал пришедшего:

– Я чрезвычайно вам благодарен за то, что вы согласились оказать мне услугу. Заверяю вас, что работа не займёт много времени. К вечеру вы можете стать миллионером.

– Надеюсь, меня к этому времени не свяжут по рукам и не доставят в ближайшее отделение... – не без грусти ответил молодой человек.

– Честно говоря, я тоже на это надеюсь! – после некоторой паузы признал мужчина в бежевом пальто и воздушным платком на шее. – Космодамианская набережная, дом шесть.

По указанному адресу оказался особняк крупного банка. После подробных инструкций о характере и деталях предстоящего разговора Антон въехал под услужливо поднявшимся шлагбаумом, припарковался. Вместе с заказчиком вышел из салона и направился внутрь. Далее поднялись на третий этаж и прошли в роскошно обставленный зал. За столом их ожидали важные банкиры в дорогих костюмах. После обязательных в подобной обстановки речей и приветствий заказчик неожиданно объявил, предварительно проверив, что все двери заперты:

– Ну что ж, а теперь мы начнём вас дурить!

– Что-о? – пробасил старик, восседавший во главе овального стола на полутораметровом дубовом кресле, обитом кожей баварских коров.

Антон сжал кулаки и сосредоточенно произнёс, как бы извиняясь за просторечие своего начальника:

– ...начнём вас *дарить*! В смысле – одаривать своими предложениями, от которых вам будет очень сложно отказаться!

– А! – довольно согласился старик и кивнул головой.

– Да, мы не настолько богаты, чтобы вообще быть здесь, так что можем уйти! – начал свою странную тираду заказчик. Антон судорожно схватился за его слова и переиначил их на тот лад, который был ему нужен:

– *Дамы* не настолько богаты, чтобы вообще быть здесь, так что могут уйти! – И он просверлил взглядом начальника банка.

Тот ссутулился и признал, что дамы могут уйти. Антон впился в них глазами, и они послушно встали и вышли. Одна из них была главным юристом банка, а вторая – специалистом по инвестициям. Без их участия уговорить главного поступить правильно – разумеется, с точки зрения Заказчика – стало гораздо легче. Все оставшиеся находились будто под неизвестными науке чарами. И чем дальше – тем больше подвергались воздействию слов и особенно взглядов Антона Атмаргяна.

– Вот этот договор имеет ничтожную силу, так как он – подделка! – объявил Заказчик, когда главный юрист покинула залу. Мужчина знал, что Антон едва ли не всемогущ, так что он позволял себе выражаться так, как

хотел, безо всякой страховки на разоблачение. От этого Антон поминутно хватался за голову, но отступать было некуда: ему приходилось каждую секунду перебирать варианты слов, которые могли убедить президиум банка, что договор – подделка.

На столе владельца банка Антон обнаружил каменные африканские фигурки. Он тут же вскочил, взял одну из них и поставил на бумажный текст договора.

– Это, – он показал на распечатанный вариант с подписями и печатями обеих сторон, – *подделка!* Стало быть, она ничтожна!

Хозяин банка с сомнением посмотрел на Антона, потом на Заказчика и, наконец, обратил взор на своего помощника, специалиста банковского сектора с тридцатилетним стажем.

– Да, это подделка, – зачарованный, признал он.

– Хорошо, мы аннулируем договор! – поспешил объявить старик со своего кресла.

– Хорошо! – кивнул Заказчик. – Мы хотим, чтобы вы подписали вот этот договор о переходе всех активов вашего банка в капитал нашего акционерного общества.

Он достал готовый договор, распечатанный в двух экземплярах, и положил на стол перед главой банка. Антон вновь начал рвать на себе волосы, но отступать было некуда. Он уже хотел приступить к тому, чтобы словесной игрой выпутаться из сложившейся ситуации, как Заказчик подлил масла в огонь, заявив:

– И не надо делать такое лицо, когда вас обкрадывают! Улыбайтесь, господа! Так, кажется, говорил барон Мюнхгаузен.

– Господа! – немедленно вмешался Антон, пока дело не приняло совсем скверного оборота. – Мой клиент хотел сказать не обкрадывают, а... крадут. Точнее, кладут. Видите, я кладу перед вами этот договор...

Он придвинул распечатанный документ владельцу банка.

– ...он предполагает вливание ваших активов, конечно же, небезвозмездно. Мой клиент...

Но не успел Антон договорить начатого, как Заказчик неожиданно вскочил с места и замахал руками:

– Да что мы с ними сюсюкаемся! Давай скорее уговаривай этого урода, и поедем в следующий банк!

Антон в страхе взглянул на владельца банка и, буквально сгорая от напряжённой интеллектуальной работы, поспешил поправить:

– Урок. Мы воспринимаем это как урок от такой важной в банковской отрасли персоны, как вы, и, надеюсь...

– Да ни на что мы не надеемся! – вновь перебил его наглый Заказчик. – Мы ждём, когда ты подпишешь этот вонючий договор, и мы поедем дальше – облапошивать таких же олухов!

– Слухов! – моментально оговорился Антон. – Это всё слухи, что мы такое планируем.

– Как же – слухи! А не ты ли, уважаемый Александр Васильевич, скупал акции старых газовых компаний, когда твой подставной делец готовил их слияние с новым консорциумом?

– Не покупал, а... покусал! – Антон еле поспевал выдумывать похожие слова. – Моего клиента покусал пёс, оттого и такие речи.

– Неужели? – не унимался тот. Собрание в это время сидело как зачарованное, многие – с непритворно открытыми ртами. – Ладно, давай ближе к делу. Пункт первый: ты ставишь печать на этом договоре!

– Печаль! – спохватился Антон, когда все замерли. – Это же печаль, правда?

Все единогласно кивнули: печаль, ещё какая!

– А раз печаль – значит, ставьте печать! – Атмаргян подтолкнул к действию владельца банка. Тот достал из кармана пиджака ключ, открыл им шкафчик стола, вытащил печать и проштамповал два договора.

– Гм, действительно, работает! – с долей удивления признал Заказчик, убирая свой экземпляр договор в кожаный портфель. – Я думал, будет сложнее. Не зря тебя чародеем называют. За глаза, конечно.

Антон благодарно кивнул, но облегчения от высказанной похвалы не ощутил.

– Что ж, тогда пункт второй. Верните сюда ваших верных сциллу и харибду. – Заказчик имел в виду выведенных ранее с заседания женщин: главного юриста и специалиста по инвестициям.

Антон, который уже привстал, ожидая, что они сейчас скоростно выйдут и уедут, схватился за голову. Но было уже поздно, так как дам только что пригласили вернуться. Они встали перед столом, не понимая происходящего.

– Александр Васильевич, вставайте! – обратился Заказчик к директору. – И вы, Александр Игоревич, сколько кровушки вы из меня попили, тоже будьте любезны. А теперь, дорогие вы мои Сашки: переспать с обоими!

Александр Васильевич, примерный семьянин, отец двоих детей, и Александр Игоревич, с виду скромный мужчина, как опьянелые, стали снимать с себя одежду. Подвластные взгляду Антона женщины, хоть он того и не хотел, тоже стали раздеваться. Вдруг ещё участник сборища встал и сорвал с себя галстук.

– А этот-то что? – вскричал Заказчик.

– Его тоже зовут Александром, – пояснил владелец банка, расстёгивая рубашку.

– Антоша, сделай что-нибудь! – боязливо призвал Заказчик.

– Да что я сделаю, когда вы приказали это всем «Сашкам»? Вы что, не учли, что его тоже так зовут.

– Да я вообще не знаю, как этого хрена зовут. – Между тем, этот хрен раньше других успел стащить с себя брюки и стремительно двигался в сторону полураздетых жертв. – Давай, придумывай что-нибудь!

Антон зажал ладонями виски и быстро выпалил в адрес непредвиденного Александра:

– А ты куда? Тебе же приказано: переспать с обоями!

Голый заседатель остановился, не понимая, как это технически возможно. Тогда гипнотизёр поправился:

– Хорошо, давай с жалюзи!

Послушный обнаженец направился к окну, и вскоре ленты жалюзи заходили ходуном, заставив нечаянно пролить кофе сотрудницу офиса из здания напротив, которая в этот момент случайно взглянула на зашторенные окна банка.

– Подожди, подожди, постой! – потребовала Катя и даже взяла меня за руку, которой я переключал передачи в своей старенькой «Нексии». – Ты, конечно, не обижайся... но так как мы с тобой познакомились и, в общем-то, можем говорить друг другу всю правду – я могу сказать тебе только одно.

– Да? И что же? – со страхом переспросил я.

– ...не пиши больше не единой этой долбаной строчки! Просто ни одного печатного слова! Ничего! Вообще – ничего! Не знаю – ну, займись коллекционированием: есть же нумизматика или марки люди собирают, или... бабочек.

– Тебе не понравилась задумка? – с надеждой бросил я последний якорь.

– Не понравилась? Задумка? – Катя выдавила из себя паузу. – Слушай, это всё, конечно, круто звучит: всякие там перестановки букв и слов, и всё такое. Но...

Тут она взяла полноценную паузу, и мне впервые в жизни стало страшно. Меня пытались ударить заострённым камнем в глаз в третьем классе, но тогда это не было так страшно, как сейчас. Мне не оставалось ничего, кроме как ждать своего вердикта.

– Одним словом, представь, если бы Ван Гог считал, что он отличный судья. А Кони или Плевако – что они отличные живописцы, которым на роду написано организовать свою школу. Или что Суриков – прирождённый полководец.

– Спасибо, я, кажется, уловил твою мысль.

– Ты только не обижайся! – просительно вжала плечи Катя.

– Нет, я не обижаюсь! – соврал я.

– Тебе часто отказывали девушки?

– Так ты мне ещё и отказываешь!? – не удержался я и сказал то, что сказал.

Возникла неловкая пауза, первой которую нарушила всё-таки Катя.

– Ладно, что было дальше?

– Да ничего не было дальше, – безразлично ответил я. – Дальше он безучастно подвёз её к дому 6А по улице Чехова, проводил до квартиры, поцеловал в щёчку и уехал в морозь и ночь искать утешения в испарениях морфия и фильмах Уэса Андерсона.

– Так уж и испарениях морфия! – озвучила свои сомнения Катя. – Максимум, наверно, дымы тетраканнабиноида. Да и то вряд ли.

– Слушай, а ты умеешь поднять самооценку!

– Да ладно, не обижайся!

– Я не обижаюсь!

– Обижаясь!

– Да нет же, говорю!

– А скажи честно, как ты представлял вот эту нашу встречу?

Я задумался, но ответил честно, как Катя и просила.

– Я представлял, что мы встретимся, посидим в кафе, поболтаем. Потом я повезу тебя домой и буду шутить, как шуточномётный автомат. Затем я провожу тебя до квартиры, ты предложишь мне чай, я соглашусь, мы выпьем чаю, я извинюсь, что уже поздно и поеду обратно, обдумывая, какие цветы прислать тебе назавтра.

– Правда, ну и какие?

– Я думал, герберы. Это символ верности. Неплохо подчеркнуть в самом начале, что ты верный.

– В смысле – удовлетворяешься одной, на приключения с другими сил и выдумки не хватает?

– Нет. В смысле: как воспитали меня родители и как видел я в них любовь и верность – так и впитал это как черту характера. Ещё вопросы есть?

– Вопросы? Конечно, есть. Я могу называть тебе слова, пока мы едем, а ты бы придумывал, как выкручивались бы твои герои?

– Может быть, закроем эту тему?

– Отчего же? Давай уже испытаем тебя до конца!

Я вжал руки в руль посреди ночной трассы и ответил:

– Конечно, давай попробуем.

– Ну что ж. Скажем... Чёлка? – она коснулась рукой причёски.

– Тёлка! – без промедления ответил я.

– Ах так, мы перешли на оскорбления? Тогда что ты ответишь на... «форма»? – она обхватила руками свою грудь.

– Норма! – с видом довольного кота кивнул я и одобрительно присвистнул.

– Нахал!

– Махал я на ваши замечания!

– Ах так? – и между нами завязалась филологическая дуэль. – Ишь, какой важный!

– Ишь, какая влажная!

Катя выхватила из подстаканника кофе и вылила мне его на меня. Весь вечер я ехал влажным.

– Давай, вези скорей меня домой!

– Везу-везу, а про себя думаешь: «да, мой»!

– А-ах! – Катя натурально оскорбилась. – Ты что, думаешь, что после сегодняшней встречи мы что-то путное наладить сможем?

– С мужем? – я уже откровенно не мог сдержаться от передёргивания слов и выражений. – Я, конечно, так далеко не заглядывал. Да и предложения ты мне формально ещё не делала...

Я понял, что Катя окончательно вышла из себя. По крайней мере, она уже не старалась казаться иной, нежели чем она ощущала себя в тот момент. Разговор был ей неприятен, и она не стремилась этого скрыть.

– Как странно мне видеть вот таких парней – без царя в голове, вообще без всего в голове, там только ветер! – характерным движением пальца она изобразила завихрения того самого ветра. Это и странно, и необъяснимо, и... дико мне!

– «Иди ко мне?» – с ещё более дерзкой наглостью переставил я буквы в её фразе. – То есть подспудно тебя всё-таки тянет к таким парням, с ветром в голове?

Катя подбирала слова, чтобы ответить жёстче, но подмеченная мною игра слов выбила её из равновесия. Она хотела что-то сказать, но вдруг улыбнулась и рассмеялась. Отвернувшись, правда, к окну, чтобы скрыть свой проигрыш в раунде самообладания.

– Я могу ещё с дюжину таких игр слов вспомнить! – я почувствовал, что должен своей болтовнёй прикрыть ту брешь, которую невольно проделал в смехообороне своей будущей супруги. – Например, «вечеринка» превращается в «вечер инка», «и листа» в «Элиста», а «ещё так» – в «и щётки». Или «ужесточил» в «уже сточил». Кажется, будь я немного проворней и талантливей – я бы смог писать стихи с рифмами не хуже Маяковского.

– О, не хуже Маяковского!

...в тот самый момент, когда я писал эти строки на кухне, на старом Катином ноутбуке (в зале работать было невозможно, потому что Лёшка требовал включить мультфильм «Три кота» и сидел у тебя на коленях ближайшие восемь часов) – на пороге появилась красноглазая Катя, влекомая ко мне не кем иным, как Алексеем Михайловичем. Не подумайте, я вовсе не отрицался отцовских обязанностей и всегда проводил с сыном столько времени, сколько мне позволяли обстоятельства. Но в тот вечер меня неотвратимо потянуло написать хотя бы страницу, и я уединился за кухонным столом.

Алексей бросал на пол и поднимал какую-то совсем старую советскую куклу и новую ложку с маркировкой “Ahmad Tea”, которую он увёл со стола. Катя еле стояла на ногах, и если бы Лёшка не притащил её на кухню, – давно легла бы спать часов на триста – четыреста. Я усадил обоих любимых на колени и обнял объятием, исключаящим возражения. Лёшка, впрочем, быстро извернулся, чтобы продолжить бросать попеременно куклу и ложку на пол. А Катя достала расчёску для младенцев и провела мне посередине головы пробор, по образцу половых в трактирах, как их изображали в начале прошлого века. Она знала, что я ненавижу эту причёску, и я честно пообещал:

– Я тебе за это отомщу!

Катя посмотрела на экран ноутбука, покорно встала и попятилась назад в комнату, с глаз долой. Но мною уже овладела жажда мщения...

– Да, не хуже него! – самонадеянно объявил я. – И сымпровизировать могу в любой момент, в отличие от него. Вот, например, послушай!

И я принялся импровизировать:

– Пусть не по нраву тебе моё забрало,

Зато оно никогда не врало,

И если грубишь ты назло,

Я говорю тебе честно: меня от тебя забралó!

И что бы в стране ни происходило –
Сталина сталь или Путина паутина –
От разлуки с тобой меня тянет в кабаки,
Как мою бабушку утро – на кабачки!
Пусть у меня по нулям регалии –
Что ж, таковы реалии.
Пусть виски бьёт в виски –
А мы будем близки, мы будем близки!
Ты говоришь: я странный,
А я умный, как квартет струнный,
Как статуя, статный,
Как статья, трудный.
Это предсказал монах Исидор,
Пивший и квас, и сидр,
Оттого на живот обильный,
Как интернет мобильный.
А у меня тобой полны нейроны,
Как мыслью поджога зрачки Нерона,
Спалить Рим и разнести идеи,
Что во всём виноваты иудеи.
А у меня мысль – курточки
Молнию расстегнуть у курочки,
И в результате любви многолетней
Сделать семью многодетной.
И пусть эта мысль неизменна,
Зато неизменна.
И не надо измен нам,
На слово, не письменно.
И, несмотря на жжение
Где-то слева в груди,
Я делаю предложение:
Ты за меня выходи!

В этот момент мы остановились на светофоре, и оказалось, что прямо у Катиного дома, во двор которого было быстрее дойти, чем доехать.

– Что ж, спасибо за предложение, я выхожу! – кивнула Катя и открыла пассажирскую дверь. – Потому что мы уже приехали. Счастливого пути назад и спокойной ночи.

И она растворилась в прохладе вечера, в то время как у меня загорелся зелёный, и я был вынужден поехать дальше, так как мне уже начали сигналить сзади. Первое свидание оказалось провалено настолько, что его следовало как можно раньше забыть и двигаться дальше.

Глава 15

Какой сегодня день?

Без сомнения, это один из самых неприятных для мужчины вопросов. И в зависимости от того, с какой интонацией он произнесён, зависит, будут ли тебя распекать или просто поинтересуются, какой подарок ты приготовил.

– Папа! Папа! – радостно кричал и прыгал на месте маленький Алексей, встречавший меня в коридоре.

– Так, какой сегодня день? – строго спросила Катя. В руке она держала распечатанные листы моего романа. Лучше бы это была её любимая сковородка, на которой она заметила задир от вилки.

– Привет, дорогие мои, любимые! – замурчал я, потому что сразу понял: сейчас меня начнут хлестать бумагой по щекам.

– Какой сегодня день? – строже прежнего задала вопрос Катя.

– Сегодня двенадцатое декабря две тысячи восемнадцатого года, среда. День рождения Сергея Светлакова, кстати! Ты знала?

– Вот именно! – она как бы пропустила всё второстепенное мимо ушей. – Прошло три с половиной года с прошлой главы! И я тут – она ткнула в обведённое место на одной из страниц – уже и ужин тебе готовлю, и Лёшка уже в детский садик ходит! Что за халтура, а? Как ты читателю объяснишь это? Мол, дорогой читатель, прошло три года, и вот мы живём в просторной квартире с живописным видом на завод! Так, что ли? А ну иди и пиши с того места, на каком остановился: как я тебя отшила и ты поехал домой заливать горе! Понял? Нет, никакого ужина и никакого пива, пока не напишешь десять страниц!

– Катя! – взмолился я и тут же прикрылся сыном. – Что же, с Лёшкой и не побуду совсем?

– Ой! – расхохоталась супруга. – Вот ведь юморист! Ладно, пять страниц – и Лёшку творогом покормишь! А потом ещё пять страниц, пока дурь не выйдет из твоей жопы козьей, которую ты называешь головой! Марш к себе в комнату!

Кате палец в рот не клади. А ещё я только потом узнал, что она чемпионка Киреевска по кикбоксингу. Так что спорить с ней было, в принципе, бесполезно. Единственным вариантом являлась схема «ой ты, птичка-говорун», названная так по финальной фразе, во время которой Катя улыбалась вне зависимости от степени суровости, с которой начинался наш диалог. Но сегодня у меня действительно был тяжёлый день, и я молча повиновался.

Пересмотрел сотню заполненных страниц, освежил в памяти магистральную линию и ответвления сюжета, невольно улыбнулся в нескольких местах, которые сегодня казались уже такими далёкими, словно были в раннем детстве. Странно (поймал я себя на мысли): было время, когда не было Лёшки, когда мы с Катей даже не были знакомы, а я жил, что-то делал, куда-то ходил и думал, что живу, что жив. Теперь всё это виделось, словно бы я умер для той прежней жизни и наблюдаю за ней по фотографии в стилистике сепии.

У меня было столько дел запланировано на сегодняшний вечер, что я боялся, хватило бы ночи всё доделать. Но столь ясно озвученный Катин упрёк окатил меня ледяной водой, дал понять: дела и работа будут всю жизнь, из недели в неделю, а настоящая жизнь протекает изо дня в день как вода сквозь

пальцы. Конечно, семья, любимая девушка, ребёнок – вот что такое жизнь в первую очередь. Но ведь и творчество – это же тоже жизнь! Без написания книг, записи музыки и обработки фотографий разве можно назвать человека полноценным? Ну или без расточки вала, уборки снега или укладки плитки – в зависимости от того, что для человека является творчеством, главное ведь – чтобы с душой!

Вот так запрети каким-нибудь дурацким законом утром пить кофе с женой – ну что за жизнь тогда начнётся, а? Разве что собрать дружину, да и пойти войском в Думу, переломать там палашами рёбра всем голосовавшим «за»! Или назначь штраф за просмотр «Амели» – этак и до бунта недалеко. Поэтому умные властители давят только на то, что худо-бедно стерпится: налоги там всякие, пошлины. Наверно, всё это пришло мне в голову, когда я выложил на стол платёжки за коммунальные услуги, сложил указанные в них суммы и получил пятизначное число...

Действительно, надо уметь абстрагироваться ото всего и хотя пятнадцать минут в день уделять любимому делу. Иначе как-то нечестно получается: я посмотрел крайнюю дату правки своего романа – это было целых полгода назад. Да, я завершал повесть, писал кандидатскую на заказ и калымил для ремонта в квартире – но разве это оправдание? Я вознёс пальцы над клавишами и, как безумный пианист, застрочил в ритме тринадцать восьмых, пытаюсь наверстать упущенное...

В тот вечер, когда я впервые отвёз Катюшку домой, я вернулся к себе в самом поганом настроении, какое только возможно. Мне хотелось изобрести машину времени, вернуться на сутки назад и попасть под поезд на пустынном загородном перегоне. К счастью, мои изобретательские умения соответствовали примерно программе «Я и окружающий мир» первого класса школы. А лень остановила меня идти на железнодорожные пути, которые были в целой вечности ходьбы от моего дома – километрах в полутора.

Вообще-то в тот вечер Катя, конечно же, не обливала меня кофе. Она в принципе не обливала меня чем бы то ни было, тем более грязью. Не знаю, зачем я так написал тогда – полгода назад. Наверно, я хотел придать драматизма, без которого любая история пресна, как плов без зиры. Да, от плова я бы сейчас не отказался... Но мне нужно было написать пять страниц, и я настроил нижеследующее.

В тот вечер, вернувшись домой, я набрал горячую ванну и, чтобы как-то уравновесить разницу температур внутри и снаружи, незамедлительно проглотил пинту молочного стаута. Минуты через три лежать в горячей воде мне надоело, я наспех смыл пыль с тела, вытерся и оделся. Вызволил из подъезда велосипед и укатил искать забвения от переживаний прожитого дня куда глаза глядят.

Глаза углядели меня в популярный в определённых кругах бар. Здесь я потушил пламя тревог двумя порциями абсента, бремя сомнений – «Ягермайстером» в аккорде с цедрой апельсина, бурю самоизничтожения – «Финляндией клюквенной» и горечь неполноценности – мегакрутым

коктейлем, который надо было смаковать как-то по-хитрому через трубочку, но я всё залил в рот и уже там поджёг смесь для максимального обогащения с кислородом из ноздрей. Дальше придумывать причины-метафоры, почему я нарезаюсь, стало сложно до невозможности, и я решил пить дорогуший «Лагавулин», резонно рассудив, что это самый логичный вывод в моих обстоятельствах.

К утру я проснулся под танком Т-34 на постаменте перед зданием педагогического института, непосредственно перед входом на белорусскую ярмарку, и понял, что мой верный «автопилот», который безукоризненно – в беспамятстве и в бреде – доставлял меня домой в самых сложных физиологических обстоятельствах, впервые дал сбой. Но самое забавное было в том, что доберись я до дома – обязательно бы опоздал на встречу с потенциальным работодателем, которую организовал для меня Паша Картавых.

Он позвонил мне в тот самый момент, когда школьной экскурсии рассказывали про историю конкретно этого Т-34, и я, ещё еле соображая, куда и как выйти¹, шёпотом ответил: «Не могу сейчас разговаривать, я перезвоню». Паша попросил не класть трубку, видимо, вышел в коридор, и жёстко накричал, что вообще-то все уже собрались и ждут одного меня. Слава Богу, что до места встречи всего-то и нужно было – дорогу перейти. А внешний вид в моём случае полностью подтверждал мудрую русскую сентенцию «подлецу – всё к лицу»: мне оказалось вполне достаточно умыться лицо в фонтане, и я выглядел так, будто два часа провёл в салоне в подготовке ко встрече.

Придя по указанному адресу, я обнаружил, что это обычная гостиница. Точнее, гостиница была совсем не обычная, а что-то вроде элитной. По крайней мере, если судить по припаркованным чёрным внедорожникам, в которые можно было смотреться как в зеркало, и по бородатому швейцару в настоящей ливрее. Он открыл мне дверь с таким замахом, что я побоялся, как бы он не положил меня на месте ударом своей мясистой пятерни. Но вместо этого он даже немного поклонился, и я окончательно успокоился: с моим внешним видом всё в полном порядке.

На ресепшене, узнав мою фамилию, девушка назвала мне номер и объяснила, как пройти. Спустя полминуты я поперхнулся, постучал в дверь, меня попросили входить, и я оказался внутри. Несмотря на то, что снаружи отель выглядел весьма компактным, номер, в котором я очутился, едва ли можно было обойти за двухчасовую экскурсию. После коридора и комнат в ванну и уборную следовало что-то вроде кухни, переделанной в бар, далее следовал просторный балкон, а дверь направо вела в просторную гостиную, за которой ещё были, вероятно, спальни. Туда попасть мне не удалось, потому что в гостиной меня встретило восемь глаз различной степени настырности.

Первые два глаза принадлежали Паше. Он радостно поднялся, пожал мне руку и поторопился представить меня остальным шестерым глазам, которые только проткнули меня взглядами, но даже не подумали поднять с мест своих

---

¹ Так говаривал соратник Петра Великого, которого император опоил до такой степени, что наутро тот действительно не знал «куда и как выйти» из горницы, где он не помнил, как заночевал.

владельцев. Только один из них был спортивного телосложения. Выглядел он, как популярный актёр, вроде Харви Спектора, если бы сериал “Suits” был снят к моменту написания этих строк, поэтому я даже не знаю, с кем его сравнить.

Другой мужчина больше напоминал борца сумо после месяца сушки, а третий выглядел семидесятипроцентным наркоманом. Глаза его отдавали жаром разгоревшихся углей, равно как кожа на лбу и вокруг носа. А сам он пожирал бутерброды с сёмгой один за другим и запивал тёмным пивом, злобный дух которого разносился на всю комнату. Я ещё подумал: при такой диете толстым должен быть он, а не его сосед. Но тут же мне пришёл в голову ответ, что, должно быть, его рвёт после шести литров пива к часу дня и оставшуюся часть дня до вечера он спит.

– Мы уже должны уезжать, – без промедления заявил толстяк, – поэтому изложите вкратце суть вашей концепции и бизнес-план, чтобы мы могли принять решение.

Все трое кивнул в знак поддержки.

– Концепции? – переспросил я, потому что был уверен, что пришёл на собеседование.

– Да, – закивал Паша, – я в двух словах изложил, что ты профи в деле всяких крутых идей, поэтому – да, расскажи о своём видении ультрамодного журнала для мужчин.

«Ультрамодного журнала для мужчин?» – подумал я и спросил себя ещё раз: «Куда я, собственно, пришёл?». Но отступать было некуда, и я начал импровизировать.

– Ну что ж. Я изложу вам свою концепцию. – Почему-то я подошёл к скелету наркоши и взял с его тарелки бутерброд. В ту секунду я даже не подозревал, о чём поведёт речь мой язык. Но я всегда в него верил. – Десятки миллионов лет эволюции никак не стёрли из нашего сознания, что мужчина – это в первую очередь охотник. Только если раньше мы должны были быть сильными, ловкими и быстрыми, то теперь главный инструмент для добычи мамонтов – это наш мозг.

Я откусил кусочек и пояснил:

– Никто из нас не сажал зёрен, из которых потом была получена мука для этого хлеба. Никто не стоял по колено в воде, пытаясь попасть копьём в рыбу и не быть при этом съеденным медведем. Никто не взбивал масла из молока ни одной из миллиарда коров на нашей планете. Но куда деть исконное, заложенное в нас самой природой желание жать, кидать и взбивать?

На этой фразе я понял, что полностью завладел вниманием собравшихся, и теперь у меня появился шанс получить хоть какую-то работу.

– Ваш журнал, – я специально сказал «ваш» и даже продублировал это открытым жестом, – будет посвящён тому, в чём мужчины развыкли разбираться. В нём будет рубрика про то, из чего состоят автомобили и как самому менять корзину в сцеплении или чинить двигатель после разрыва ремня. В нём будет рубрика по современной физике и математике, потому что не тренингами по самосовершенствованию личности жив современный мужчина, нужно ещё фронтальную кору тренировать с гиппокампом. Не буду

подробно останавливаться на всех рубриках, но среди них будут циклы про побег из тюрем, подделку денег и прочие финансовые махинации. Про основы криптографии, историю современных музыкальных жанров и даже – современные и серьёзные обзоры древней литературы, которую даже в школе никто уже не проходит. Представьте себе разбор «Облаков» Аристофана, с подстрочником на древнегреческом, в котором объясняются филологические отличия существительных «корзина» и «корзан»!

– Корзан? – спросил голливудец.

– Да, это корзина мужского рода. – Я понял, что с Аристофаном загнул лишнего, и попробовал исправиться шуткой: – У нас же мужской журнал.

– У нас? – риторически повторил тот, как бы оттеняя моё вступительное «ваш журнал». – Ну и чем же этот «наш» журнал будет отличаться от “Maxim”?

Если бы я лежал где-нибудь на пляжах Копакобаны, где совсем уже нет диких обезьян, я бы, возможно, задумался над этим вопросом на добрые полдня: действительно, а чем? Но так как я находился в весьма стрессовой ситуации, то изобретение спасительного ответа заняло у меня примерно две десятых секунды:

– Журнал “Maxim” можно купить в киоске «Роспечати». В то время как наш – то есть ваш журнал будет распространяться по подписке, так что новым участником сможет стать только кто-то, отрекомендованный действующим читателям. И не сто рублей за номер, а, например, за две тысячи, потому что каждый выпуск будет номерным и приносить его будет курьер лично в руки. При таком формате несложно подсчитать, что всего 500 подписчиков будут приносить доход в миллион рублей, а, скажем, пять тысяч человек – десять миллионов рублей. Что, согласитесь, весьма неплохо, учитывая сравнительно мизерные затраты на печать и оплату работы моих сотрудников.

– Сотрудников? – переспросил наркоша, который успел за время моего спича умять все бутерброды, кроме моего. Я ему лишь надкусанный бутер и вернул, с поучительными словами:

– Сотрудников! Я буду автором. Но мне также нужен дизайнер, корреспондент и рекламщик. Вы же рекламу будете в него давать?

Все трое незнакомцев переглянулись, а Паша просверлил меня взглядом, обозначавшим одно из двух: либо я наговорил кучу лишнего, либо он научился сверлить стены циклическими движениями глаз.

– Как будет называться журнал? – поинтересовался Харви, которому, казалось, единственному был важен бренд, обложка, а не содержание.

– У меня подготовлен список вариантов на восемь страниц, я вышлю вам его на мейл, – я специально сказал «мейл», желая подчеркнуть, насколько я продвинул и мобилен.

На самом деле телефон, который я достал, чтобы отправить письмо, даже не имел выхода в интернет. Это отдельная история, почему. Тогда же важнее было с ходу придумать мощный ответ, и я судорожно сымпровизировал:

– Однако я склоняюсь к названию «Ёрш». И расшифровка: “Your. Russian”. «Ё. Рашн», – пояснил я и даже провёл руками перед собой, изображая не то рекламную растяжку, не то смартфон, вытянутый на метр. И почему-то

посмотрел на стол, под которым стояла початая бутылка водки: вероятно, наркоша пил не просто пиво, а именно ёрш. – «Ёрш»: целебный глоток для мужского мозга!

Трое магнатов переглянулись, но не сказали ни слова. Очевидно, в эту секунду решалась моя судьба.

– Сколько времени вам нужно на подготовку первого номера? – спросил наконец толстяк. – И какой гонорар вы хотите лично для себя?

Вот умеют же некоторые люди задавать вопросы: пока отвечаешь на один – успеваешь сообразить ответ на второй.

– К первому числу смогу всё подготовить! – не моргая ответил я, хотя до первого числа оставалось дней двадцать. – Считаю, что адекватным вознаграждением за мои труды будет сто тысяч рублей в месяц. И ещё столько же – за работу моих сотрудников, которых я, естественно, найду в ближайшие дни.

Если бы мне вчера сказали, что сегодня я договорюсь об оплате труда четырёх человек в размере двухсот тысяч, из которых ровно половину буду получать я, – конечно, я бы вчера не пошёл ни в какой бар, а сегодня, естественно, не сумел бы так отлично договориться. Но у меня получилось! Трое незнакомцев вновь переглянулись. По всей видимости, ничто не действует так убедительно, как наглая дерзость и многократно завышенный ценник.

– По рукам! – возгласил, наконец, толстяк. – Только давайте договоримся так (он даже перешёл со мной на «вы»): сперва – дебютный выпуск, его презентация и пиар. Это мы возьмём на себя. А уже потом – оплата за вашу работу и работу ваших сотрудников и полноценный договор. Согласны?

– Согласен! – не раздумывая ударил я по рукам.

Мы обменялись контактами, и я вальяжно вышел и двинулся прочь по оживлённому проспекту, удивляясь тому, что первый раз за долгие годы я иду по улице не по служебной необходимости, а просто гуляю! В то время как все остальные – работают, и пыhtят, и солнца не видят, и едят друг друга вместо ланча. И меня вовсе не тревожила мысль: а как я создам первый выпуск журнала за двадцать дней, когда я понятия не имею, как это делается? В моей голове кружилась только одна назойливая мысль: а где мой велосипед? Я же вчера выехал из дома на велосипеде...

На этой вопиющей мысли я отложил клавиатуру и встал размяться. Интересно, сколько времени уже прошло? Часы показывали 22:53. Сколько же я просидел за главой? часа два? Я осторожно открыл дверь своего кабинета и с печалью заметил, что свет во всех комнатах выключен, а Катя с Лёшкой уже наверняка спят... Видит Бог, я так хотел с ним поиграться сегодня! Что ж, это означает только одно: завтра я проведу с семьёй весь день, ни на что больше не отвлекаясь! Пусть Катя даже не подозревает, почему я пришёл сегодня такой уставший и что мне предстоит сделать за выходные. Завтрашний день – полностью наш!

Я осторожно пробрался на кухню, не включая свет, чтобы случайно не разбудить Алексея Михайловича, который так чуток к любому шороху или блику экрана в соседней комнате, что может проснуться. Тихонько открыл

холодильник. Подумал, что есть на ночь не буду, несмотря на то, что я пропустил обед и был ужасно голоден. Затем позволил блудливой мысли уговорить себя, что есть не обязательно, но можно побаловать себя ершом, в честь дня рождения Светлакова, благо все компоненты смотрели прямо на меня. Но и это искушение я пересилил. Сделал глоток кефира и отправился спать.

«Какой сегодня день? – напомнил я себе Катин вопрос и, растягиваясь на кровати, признался: – Вот день во славу Божью! И завтра будет такой же. И вот так если каждый день проводить во славу Божью, то и будет у тебя и твоих близких счастливая жизнь!». С этой мыслью и завернулся в одеяло и через минуту заснул.

Глава 16

Азатот

Майкл Скиннер принимал ванну в своём особняке в предместье Сан-Рафаэля, Калифорнии. Правда, гигиенической процедурой в привычном смысле слова это было назвать сложно. В огромной зале на двести квадратных метров на возвышении находилась роскошная и глубокая ванна. Каждую первую субботу месяца по приказанию хозяина сюда приводили быка, предварительно исколотого до полубессознательного сознания снотворными. Здесь его тросами подвешивали к специальному крану и поднимали над гранитным резервуаром, после чего перерезали горло и всё тело. Бычья кровь наполняла примерно половину ванны или чуть больше.

Располозованную тушу быка перемещали краном в служебную комнату, а шесть голых девушек в ошейниках из чёрной кожи наполняли ванну доверху водкой. После чего распорядитель этой дьявольской бани поджигал водку, и пламя тут же расходилось по всей поверхности. В зале тушили весь свет, и в этот момент внутрь входил Майкл. Новый американский идол раздевался донага, ждал, когда пламя погаснет, и ложился в ванну, так что тёплая смесь водки и бычьей крови переливалась через край и текла вниз, на отделанный итальянским мрамором пол. Залу наполняли стремительные мелодии скандинавских композиторов – Майкл, например, очень любил Грига – и воцарялась по-настоящему мистическая атмосфера, озаряемая игрой разноцветных прожекторов, которые начинали стрелять очередями в полуночное небо Америки.

Хозяин этого дикого, на первый или на трезвый взгляд, ритуала черпал бокалом из-под мартини спиртуозно-кровавую смесь прямо из ванны и пил. Впрочем, чаще он предпочитал абсент, который угодливые слуги приносили и поджигали прямо перед ним, создавая дополнительную инфермальную иллюминацию происходящему шаббату. Как правило, потом живого идола ублажали распутницы, так что засыпал он только часам к четырём-пяти утра и спал до полудня.

В то воскресенье главный слуга разбудил Микаэлима – Скиннер почему-то требовал, чтобы с шести вечера субботы его ещё сутки называли именно так, – в два часа пополудни. Майкл сам того требовал, если он к тому времени не

просыпался, потому что считал, что если в выходной вставать позже, то день уже прошёл насмарку. Скиннер выспался как никогда и был свеж и крепок, как бык, которого вчера порезали ради его прихоти. Точнее не как тот самый бык, а как любой ему подобный в расцвете сил.

– Приготовь мой любимый «Ламбо»! – потребовал Майкл. – И да, всё забываю поинтересоваться: как там эта заноза в заднице Лиза... Элиза...

– Луиза Диппер, – с готовностью подсказал слуга.

– Да, точно, Юнгвальд! – вообще-то того звали Роджером, но Скиннер называл всех без разбора как хотел.

– Как вы и просили, её отправили на психиатрическое обследование и признали невменяемой! Мы перевели на её счёт сто тысяч долларов, и это очень поспособствовало тому, чтобы она забыла, от кого же именно ребёнок, которого она вынашивает.

Майкл (в сторону, на зрителя): Долларов... Конечно, долларов, чего же ещё – мы же в Америке! Так ты только, старина Юнгвальд, лишний раз подчёркиваешь, что сейчас идёт вымышленная линия...

– Что, простите? – не расслышал Роджер.

– Ничего, ничего! – Скиннер потянулся на кровати. – А вы правда собираете образцы ДНК у всех моих посетителей?

– Да, сэр! О, простите: да, Микаэлим!

– Ну спасибо, иди! Пусть машину подгонят минут через десять, я сразу поеду.

Майкл сходил в туалет, умылся, немного покурил для бодрости и отправился кататься. Правда, пришлось вернуться, потому что по дороге он понял, что забыл одеться. Но тетраканнабиоды явно способствовали выработке дофамина, так что это его даже повеселило. Он сел за руль кричаще-оранжевой «Ламборгини Галлардо» в исполнении кабриолет и со свистящим скрежетом шин укатил прочь – очищать мозги перед вечерним эфиром.

Дорога до Сан-Франциско занимала минут пятнадцать, не больше. Однако Майкл решил поехать в другую сторону – в Ричмонд, и далее, и свернул на полупустую улочку. Неожиданно прямо перед ним оказалась старушка-божий-одуванчик. Майкл резко нажал на тормоз и тут же остановился, однако бабушка со звоном медного таза стукнулась о капот и отлетела на добрые пару метров. Грохнулась головой об асфальт и осталась лежать неподвижно.

Откуда с тротуара – как назло – выбежал прохожий, случайный свидетель произошедшего. Майкл, который в первое мгновение совершенно растерялся и не знал, что делать, сейчас бы уехал прочь, но из-за этого придурка ему пришлось выйти и увидеть, как небольшое пятнышко крови расширяется под головой бездыханной бабуси.

– Я врач! – с энтузиазмом крикнул прохожий и бросился щупать ей пульс. – Она ещё дышит, её ещё можно спасти, надо отвезти её в больницу.

Майкл смотрел, как маленькое пятнышко крови растекается во все стороны, и с ужасом подумал, что ему сейчас придётся поднимать окровавленное старушечье тело и класть на роскошное кожаное сиденье. А

потом ещё ехать в госпиталь, и бабушка на поворотах будет падать на него и пачкать... брр...

– Что же вы стоите! – заголосил свидетель. – Скорее её в больницу!

Чёрт бы его побрал, подумал Майкл, а вслух сказал овечьим голосом:

– Конечно, конечно! Я просто молился о её здоровье! Какая у нас ближайшая больница?

Парень начал вертеть головой, вспоминая больничные пункты, а Майкл действительно решил помолиться:

– Достопочтенный Азатот, которому я поклоняюсь как всемогущему демону тьмы, я даю тебе слово служить во славу твою и творить только злые и разрушительные дела! Молю тебя: спаси меня от этой зловонной старухи и от этого гнилого, прыщавого *****, которому я бы сейчас сломал челюсть, но нельзя... Азатот, помоги мне – и я построю тебе капище, в котором будут приноситься жертвы во славу твою! Азатот, молю тебя, пожалуйста! Десять миллионов пушу на проституток, чтобы они совращали верных семьянинов!

– Кажется, вот по той улице – и направо! – предположил врач.

В этот момент на соседнем холме в клочья разлетелся временный забор и сверху на ужасной скорости полетел неуправляемый грузовик без водителя, который только что успел выпрыгнуть прочь. Машину закрутило на повороте, она перевернулась и в мгновение ока сбила напрочь возникшего из ниоткуда свидетеля. Пронеслась прямо перед носом Скиннера, проехала всеми колёсами по старухе и опрокинулась точно на правую сторону «Ламборгини», так что водительское место осталось целёхоньким. Даже несмотря на испытанный шок, Майкл не смог удержаться и присел за руль – кабина грузовика в таком положении отстояла от его головы сантиметров на десять: в самый раз, чтобы увернуться от неуправляемого монстра.

Майкл поднялся, вышел на перекрёсток и закричал:

– Помогите! На помощь!

Он понимал, что нужно было создать впечатление, что он чудом спасся. Но про себя-то он точно знал, что его спас всемогущий Азатот, который и популярность ему даровал. «Слава тебе, Азатот!» – судорожно повторял Майкл, а про себя думал: всё исполню в точности: и десять миллионов на проституток отдам, и храм Азатоту построю. Только назову его как-нибудь иначе, чтобы никто не догадался!

Глава 17

Елизавета, Анна, Василиса и Аглая

До сдачи первого номера журнала оставалось чуть больше двух недель, а я так и не нашёл свой велосипед. В конце концов я решил плюнуть, резонно решив, что он найдётся в самый нужный момент, и сосредоточиться на издании. Текст для всего номера я мог и планировал писать сам, поэтому пока мне требовался только дизайнер. Затем я пришёл к заключению, что должен же быть ответственный за тренды, ведь сам я при встрече не смогу отличить Ободзинского от Галича – или кто там сейчас на небосводе отечественной

эстрады. Плюс кто-то ещё должен разбираться в замене сцепления и гравитационных искривлениях времени, Аристофана я возьму на себя, так уж и быть. Получалось, что мне были нужны два специалиста в фиксированных областях – дизайне и пиаре, и один – в совершенно различных: от автомеханики до устройства шпингоутов на английских линкорах какого-нибудь лохматого столетия.

Сперва я позвонил знакомому художнику. Он ответил, что у него уже есть работа, причём он довольно загружен, но за хороший гонорар согласен на подработку. Другая знакомая высказалась в том же ключе, что за достойное вознаграждение поможет отличить Жана Халиба от Поля Готье. Я не стал сознаваться, что не ничего не понял, но обещал пересмотреть фильмы с их участием. Девушка в ответ рассмеялась: даже не владея темой, я всё же способен удачно шутить – этого не отнимешь. Итого из предполагаемого гонорара неубитого журнала на услуги этих двух специалистов пришлось выделить двадцать тысяч. Которых у меня, к слову, не было, потому что ни копейки я ещё ни от кого не получил, а на предыдущей работе в качестве золотого парашюта мне не поскупились хорошенько поддать под зад. Поэтому я подумал и позвонил знакомому автомеханику с просьбой одолжить двадцать тысяч на месяц. И ещё попросил разобраться с устройством коробки передач для одной статьи. Тот обещал выручить и помочь с консультацией, за пиво. На бумаге выходило неплохо. Лишь бы овраги оказались глубиной не в человеческий рост.

Овраги, надо сказать, оказались почти в человеческий рост, по грудь – так это точно. Однако я с таким энтузиазмом окунулся в работу, что всё мне было нипочём. Днём я атаковал знакомую на предмет того, что сейчас носят, слушают, обсуждают, на чём ездят, на какие выставки ходят и что едят. Был немало удивлён чрезвычайно разнообразию проявлений человеческой глупости и зависимости от чужого мнения. Лишь бы своей жизнью не жить... Ну да ладно.

Вечером я лично приходил домой к художнику, поил его пивом и стоял над душой, чтобы он рисовал макеты, а не рассматривал фотографии знакомых и незнакомых девушек в соцсетях. Выходило сложно, зато я чётко осознал: каково это быть талантом, который не имеет в себе ни байта дисциплины. Я его про себя так и стал называть – «ни байта» Никита.

И если в трендах и фотошопах я ещё ломал ноги на каждом углу, то в автослесарском искусстве кости мне перемальывало, как колосья в комбайне.

– Ну как ты не можешь понять? – недоумевал Андрей «Шишига» Весляров. Так уже повелось, что между именами и фамилиями мы часто помещали прозвища друзей. – Вот усилие вращения приходит на дифференциал, а вот он передаёт одно кручение на одно колесо, а другое – на другое.

Он вращал передо мной что-то грязное, в засохшем чёрном масле и с зубцами. А я недоумевал в ответ:

– Так это что получается: колёса с разной скоростью вращаются, что ли?

– Ну, конечно, олух ты царя небесного, охозя косогорский! Это же тебе не телега. Ну а как ты думаешь, машина повороты проходит? Одно колесо вертится, а другое прокручивается? Не понимаю: как ты обо всём этом собираешься статьи в журнал писать! Это же базовые вещи. Теперь-то ведь все машины сложнее ещё! Теперь уже даже двойным сцеплением и разделённым спойлером никого не удивишь. Теперь уже задние колёса поворачиваются на многих моделях, а в багажнике бак для воды для бензобака.

– Бак для воды для бензобака? – переспросил я. – Это ещё нелепее, чем то, что у Бузовой больше фолловеров, чем у Мадонны?

– Конечно! – парировал Андрей. – В России самые крутые SMM-агентства, чему тут удивляться!

– Какие агентства?

– Боже, ты серьёзно? Ну и как ты с таким рылом – да в калашный ряд? Тебе эти ребята точно сказали: да, делай первый номер, и мы тебе заплатим сто штук, или это было: пошёл вон, придурок!?

– Я работаю над собой! – развёл я руками. – Учусь, многого не знаю. Могли я когда-то предположить, что в жизни потребуются знать людей, которых требуется знать только для того, чтобы тебя считали вписанным в общество, приемлющее лишь тех, кто знает, кого надо, а кого не надо – не знает.

– Это прям отрывок из диалогов Вуди Аллена, – саркастически кивнул приятель.

– Да ты-то откуда Вуди Аллена знаешь?

– А ты думаешь, я выхожу с работы и иду пить водку на трубы? У меня подруга учится на режиссёрских курсах, мы с ней много фильмов смотрим, на премьеры ходим, на закрытые показы. А ты весь из себя такой интеллигент, а как дифференциал работает – не знаешь. Вот тебе мой совет: завязывай ты с этой журналистикой и записывай видеоблоги про русский язык, правила там всякие, примеры из Пушкина, значения слов. Инстаграммы, тренды, суперкары – это всё не твоё.

– Да если так посмотреть, то в мире всё – не моё... – с грустью признал я. – Ну какой из меня видеоблогер? Я бы мог сценарий видеоролика написать, а какая-нибудь красивая девушка его бы зачитала на камеру.

– Ну вот и иди в корреспонденты на телевидение – будут у тебя и сценарии, и девушки красивые. Чего ты ко мне-то пристаёшь?

– Чтобы ты мне рассказывал, зачем в современных машинах вода для бензобака! – напирал я. – Потому что мне нужно сверстать этот долбаный номер и заняться своей карьерой вплотную! Не в этом ли смысл дружбы – помогать товарищу даже в том, с чем не согласен, что это его? Я же тебя не поучаю: машины – это не твоё, по тебе юриспруденция плачет!

– Она и плачет! – сообщил Андрей. – Я получаю высшее образование по праву. Хочу отучиться и стать экспертом по спорным вопросам, связанным с авторемонтом. Знаешь, бывает такое: машину отдал, тебе её неправильно «починили», и у тебя на следующий день движок заклинило. Вот все подобные случаи разбирать, чтобы доказывать, что накосячили сотрудники сервиса. Ну

или действительно дефект производителя. Короче, по обстоятельствам, в зависимости от того, кто нанимает.

Я был попросту раздавлен. Приятель, которого я считал простым автомехаником, пусть и рукастым-головастым, учится на автоюриста, живёт с девушкой-режиссёром и в курсе всех культурных событий города. Да ещё и раскатывает при этом на навороченной «Тойоте» с колёсами мне по пояс. А я побираюсь без работы, не вижу никаких перспектив по жизни и получил звонкий отказ от девушки, в которую по-настоящему влюбился. Да и велосипед пропал...

В этот момент из-за угла вышел мой внутренний прокурор. Если бы не погоны полковника, я бы всерьёз поверил, что это Земцов, хотя у того вроде бы нет машины. Он подошёл ко мне вплотную и прошептал на ухо: «Если ты сдашься сейчас – будешь жалеть об этом всю оставшуюся жизнь как безвольный трус!». С этими словами он развернулся и растворился в воздухе.

– Слушай, – спросил я самого себя вслух, – а, может быть, это и вправду тогда был Земцов, который сказал, что у него для меня есть заказ? Ведь Паша его видел и тогда заметил, что никаких погонов на нём не было.

– Ты точно чокнутый! – признал Андрей и отправился в бокс чинить машину. – Если ты хочешь, чтобы я помогал такому олуху, как ты, – вот моя цена: тысяча рублей за час консультаций. Причём это будет не после, а во время работы, чтобы ты не отвлекал меня в моё свободное время. По предоплате.

Я простился с ужином в составе салата Цезарь и запечённой рыбой с луком и перцем и отдал Андрею свою последнюю тысячу – не отступать же перед лицом трудностей, прав внутренний прокурор! Мелочи мне как раз хватало на проезд домой и цельный роллтон. Впервые в жизни я был настолько горд собой, что пище телесной предпочёл интеллектуальную. Андрей смял купюру, сунул её себе в карман и посмотрел на часы:

– Ровно в шесть моя лекция про дифференциал окончится. Если ты что-то не записал – даже не думай мне звонить, я буду ужинать со Светой и даже не подниму трубку!

Впервые в жизни я приступил к платному высшему образованию и почувствовал себя восемнадцатилетней неумёхой, которая в школе не смогла выучиться на бюджет. В когнитивном плане, как и в психологическом, я ощущал себя не лучше: познание узлов и агрегатов не шло в голову, как мяч – в ворота соперников сборной России. Ровно через час я вышел с исписанным вдоль и поперёк блокнотом – голодный, бедный и с полным осознанием своей тупости. «Не заслужил я ни роллтон, ни проезда на транспорте», – решил я и пошёл домой пешком, не заходя в магазин.

Когда я уже подходил к подъезду, в контакте прозвенело уведомление о сообщении. «Привет! Как дела?». Поначалу я даже не поверил своим глазам и всмотрелся ещё раз: неужели это от Кати? Когда я наконец удостоверился, что это та самая, *моя* Катя, то улыбка расплзлась по моему лицу и даже дальше, так что я задел ею фонарный столб. «Привет! У меня всё хорошо. А ты как?». Некоторое время я сомневался, ставить смайлик или нет, ведь это в некотором

смысле инородное языку явление. Решил писать по-русски – так и правильной, и строже смотрится. Филолог я или нет, в конце концов!

Пока у нас завязывалась переписка, я зашёл домой и взял старый планшет. Отнёс его в ломбард на углу, там за него давали две тысячи на неделю, забрать можно было за две семьсот – я ещё всегда поражался тому, что контору держали не евреи. Со стандартной ношей (или, как я её называл, носом – отсюда же выражение «остаться с носом», то есть вернуться с подношением, с тем, что нёс, так и не дав взятку) я вошёл в ломбард и поздоровался с толстым кавказцем за стойкой. Он привычно забрал мой планшет и протянул две бумажки – в тысячу и пятьсот рублей.

– Э! что за дела!?! – больше даже поразился, чем взбунтовался я.

– Слушай, ты достал уже старье носить! – лоснящиеся от жира щёки мужчины запрыгали, как желе, пока он нехотя рожал слова. – Ты мне уже второй год его носишь! Бери полторы, вернёшь две двести.

– Так, погоди, давай я тебе кое-что растолкую, – рачительным тоном затынул я. – У меня сейчас свидание с девушкой. Пятьсот – цветы, тысячу мы оставим в кафе, триста – на всякие аттракционы, или мороженое, или сладкую вату, и двести – на такси. На такси только до неё, обратно я пойду ночью пешком. Понимаешь? То есть две тысячи – это вообще минимум. А полторы тысячи – это что? «Катя, давай с тобой поделим счёт за ужин» – так, что ли?

– Послушай, дорогой, меня ещё раз! – внятно, хоть и с акцентом научал делец. – Я тебе один раз сказал: полторы. Это значит: полторы. В следующий раз я скажу тебе: давай гуляй! И уйдёшь с носом.

Вот надо было мне вспомнить это выражение, а!

– Хочешь две – оставляй телефон! – тирада владельца ломбарда приняла неожиданный поворот. – Я тебе на первый раз даже скидку сделаю, раз ты к девушке идёшь: две пятьсот вернёшь! – и он вонзил в пространство над своим плечом указательный палец. – Но это только один раз, потом по семьсот платить будешь, пока тариф не вырастет.

– Телефон? – стоически произнёс я, формально выражая вопросительную интонацию, но по существу – восклицательную. – Ну а пойду-то я с чем? По ладони буду разговаривать?

– Дорогой, зачем по ладони! – искренне удивился кавказец, выражая интонации по форме и по сути диаметрально противоположные моим. – У тебя же планшет есть – симку туда переставь и звони на здоровье. Ты же, когда с ней увидишься, начнёшь говорить напрямую, так что она ничего не заподозрит.

Я не стал объяснять, что мне может позвонить кто-то другой, пока мы будем сидеть в кафе. Вместо этого я молча выключил телефон, вытащил оттуда сим-карту и отдал ссудяге. Забрал положенные пятьсот рублей и отправился на остановку.

С букетом цветов я дождался Катю в условленном месте, она опоздала в точности на пять минут. По принципу «бери от жизни всё» поцеловал её в щёчку, несмотря на наигранную холодность такого приветствия, и мы пошли гулять.

– Как дела? – спросила Катя.

Я вдруг почувствовал себя чрезвычайно легко и раскованно, будто мы много лет были знакомы.

– Знаешь, сегодня отлично! Я приступил к подготовке первого номера журнала, в котором я главный редактор. Я ищу помещение под офис, нанимаю людей и начинаю писать статьи. У меня ничего не получается, я каждую минуту понимаю, что я ни на толику не разбираюсь в том, за что взялся, – но мне бесконечно интересно и весело! Меня влечёт к новому, неизвестному. А сегодня ещё и ты написала. Честно говоря, я думал, ты обо мне больше никогда не вспомнишь. В смысле, может быть, и вспомнишь, но вряд ли напишешь или позвонишь.

– Ты сегодня совсем другой, – призналась она и как-то странно на меня посмотрела.

– Правда? Ничего удивительного, ведь я постарел на четыре дня.

Катя улыбнулась.

– Ты считал дни?

– Нет, конечно! – мне захотелось подержать. – Просто я приблизительно помню, что когда случилось в пределах одной недели. В пятницу меня угощали грибами, в четверг я проходил собеседование у каких-то жуликоватых типов, а в среду подвозил тебя домой. Но, честно говоря, я вчера думал, что три дня – это конец. Если девушка не пишет так долго – значит, ей нет до тебя никакого дела. Если я прав, то тебе нет до меня никакого дела, просто не с кем было гулять!

Она улыбнулась ещё раз.

– Ты забавный! Не хочешь куда-нибудь прокатиться?

– Прокатиться? Да, давай, а куда? Остановка вон там.

– Ты разве не на машине?

– Гм, честно говоря, нет...

– Ты так сказал, как будто забыл, что она у тебя есть. Или ты её продал? Или разбил?..

Меня застали врасплох, и я ответил первый бред, который пришёл мне в голову.

– Нет, я действительно забыл! Просто в тот период, когда я описываю текущую встречу, – а мы ведь не реальны, а лишь герои космического эпоса, – мы с тобой переехали в квартиру побольше, и для этого потребовалась продать машину. Нет, спустя несколько месяцев я куплю старенькую «Волгу», но к тому времени так привык ездить на работу на транспорте, что действительно забыл, что у меня есть машина. Сел в автобус и приехал к тебе – представляешь?

– Как у тебя там сложно в этой несуразной голове! – вроде бы и вздохнула с сожалением Катя, но в то же время как будто и восторгнулась. – Значит, мы с тобой переехали в квартиру побольше?

– Да, из однокомнатной сразу в трёхкомнатную! Мы: с тобой, с Лизой и Аней!

– Лизой и Аней?

– Да, это наши дочки!

– Дочки?

– Да, первые две. За ними будут Василиса и Аглая.

– Да что это за имена такие сказочные!

– Хорошо, по поводу имён подумаем.

– Да-а, – протянула Катя. И философски заметила: – Зато хотя бы честно – что думаешь, то и говоришь. Обычно все из кожи вон лезут, чтобы произвести впечатление. Своими родителями, связями, домами, машинами, телефонами (тут меня покорило при воспоминании о моём планшетофоне), а у самих только одно на уме.

– Я не такой! – признался я. – У меня на уме минимум два-три!

– Ох ты дурачок! – искренне рассмеялась Катя.

Мы прошли ещё метров десять, улыбаясь друг другу и стесняясь собственных улыбок.

– Ну, а у тебя как дела? – нарушил я неловкую паузу.

Катя на секунду задумалась.

– Да знаешь – всё отлично! Все обычно жалуются, что вот это не так и это не то. А ты сейчас спросил – и я поняла, что у меня всё отлично! Нет, конечно, если бы не надо было на что-то покупать еду и одежду, я бы не работала там, где работаю сейчас. Но в целом, это не худший вариант. Я гуляю по вечерам, хожу в кино, катаюсь на роликах. В прошлом году я летала в Крым.

– Ну, понятно, – вклинился я, неподвластный юмористическим позывам моего шутовского естества, – только меня тебе в жизни и не хватало!

– Знаешь, – кивнула Катя, – иногда действительно хочется пообщаться с какими-нибудь фриками, неадекватными, ну да – с кем-то вроде тебя. Но ты милый. По крайней мере, ты не натягиваешь брюки до груди.

– Что? Ты и с такими встречалась?

Катя двусмысленно улыбнулась и промолчала. Я не стал наседавать и перевёл тему:

– А у тебя нет никаких отклонений? Я в хорошем смысле. Вот, например, один мой друг скупает старые уюты, где только увидит. Не просто подержанные, а совсем старые – которые ещё на углях нагревались. У него даже свой блог про это есть. Нормальный вроде человек, в банке работает, а вот такой ерундой занимается.

– Даже не знаю... – задумалась Катя. – Я не собираю старый хлам, как твой приятель. И не меняю буквы в словах, чтобы из одного получить совсем другое.

Конечно, она говорила про меня. Я это прекрасно понял, но противоречить не стал.

– Но если вспомнить что-то более близкое к необычному, то я люблю рисовать Вайнону Райдер. Сама не знаю, почему. У меня, наверное, штук десять её портретов дома.

– Оу, – я сделал вид, что это отклонение похуже коллекционирования уютов и перестановки букв в словах, и даже несколько отдалился от Кати. Конечно, наигранно. – А ещё?

– Ещё? Ещё мне хотелось бы подружиться с негритянкой и ходить с нею в кино.

– Хорошо! – одобрил я и столь же деланно приблизился.

– И хотелось бы научиться играть на скрипке!

– Да что ж такое! – воскликнул я и вновь отдалился.

– Ну хватит! – рассмеялась Катя. – Что ты то отходишь, то подходишь!

– Так ты говоришь вещи, которые то притягивают, то отталкивают! Ты бы ещё сказала, что тебе нравятся вязаные котики и «Майн кампф»!

– То есть игру на скрипке ты сравнил с нацизмом? – она надула губки и заглянула мне внутрь зрачков горящим взглядом. Но я не растерялся и парировал:

– Нацизм хотя бы осудили в Нюрнберге! А за скрипку до сих пор не взяла ответственность ни одна террористическая организация!

Катя молча посмотрела на меня несколько бесконечных секунд и выразительно угукнула, как бы запоминая сказанное мной.

– Просьба не убивать меня, пока нашим детям не исполнится восемнадцать! – жалобно попросил я.

Катя явно не ожидала такого поворота и даже рот открыла от удивления.

– Наших детей? – переспросила она. – Так, значит, давай освежим в памяти: Лиза, Аня, а остальных как будут звать?

– Василиса и Аглая, – деликатно напомнил я.

– И тебя не смущает, что мы второй раз в жизни всего видимся? Что мы даже не встречаемся? И что я пока не планирую детей?

– Не планируешь? – расстроился я. – Ладно, давай я провожу тебя до дома, созвонимся через пару лет.

И я всерьёз повернул и повёл нас обоих в сторону остановки.

– Вот ты дурачок-то, а! – Катя покачала головой. – Ладно, пойдём немножко перекусим, а потом погуляем в парке.

Глава 18 Фамилиарий

Заступник губернаторской дочки выглядел совсем не так, как в их первую встречу. Рубашка у него на груди была порвана и изрядно испачкана смесью крови и слюны, которые стекали из разбитого рта её спасителя. Двухметровый кикбоксёр почём зря колотил кулаками пригвождённого к нарам парня, а губернатор скромно сидел на табурете поодаль и молча наблюдал, как безмянному герою выбивают очередное созвездье зубов. В тот момент, когда мучитель замахнулся, чтобы въехать пятернёй в челюсть жертву, из-за угла коридора раздался крик, предвозвестивший появление Нелли. Она рыдала навзрыд и бежала впереди капитана, который нёсся вслед за нею и за своим животом.

– Папа, папа, что ты делаешь! – плача, кричала девушка. – Ты его убьёшь!

Она подбежала к камере и стала трясти за запертую клеть.

– Открой! Немедленно открой, тиран! – завопила она, но отец не торопился её впускать.

– Знаешь, кто это? – сквозь решётку спросил он. Нелли успела утереть ручей слёз и с грохотом ударила по железу камеры. – Это Мальков, наёмный убийца и рецидивист, в федеральном розыске...

Повисла тяжёлая пауза, и все действующие лица замерли, как если бы за капитаном вошёл Зевс собственной персоной. Молодой человек сплюнул кровь на пол, вырвал запястья из браслетов, как искусный фокусник, и с раздражением выпалил, пройдя мимо кикбоксёра и губернатора и обращаясь словно к публике в театре:

– Это уже ни в какие ворота не лезет! – он попытался снять с себя выпачканную в крови рубашку, у него не получилось, и тогда он разорвал её на лоскуты и бросил в угол камеры. – Сначала он динамит нас по несколько глав, затем забывает имена главных героев: Мальков – это ведь тот придурок, который вёз Нелли, а не я! Не понимаю, как можно за несколько дней забыть это!

Губернатор отворил бутафорски запертую дверь и вышел наружу. От досады закурил в углу:

– Ну, загруженность у него по работе – видите, первый выпуск журнала готовит, личную жизнь налаживает...

– Да кого интересуется его личная жизнь! – выпалила Нелли, которая успела достать пудреницу и проверяла ресницы. – Мне бы уже поскорее с Джорджем сниматься, чем с этим прыщавым придурком. Ну и когда у нас ближайшая сцена, спрашивается? Сначала вы его тут долбите до посинения, так что он на убитого похож. Потом он сбегать полгода будет. Я так до декрета дотяну, и мне уже не до съёмок будет!

– А мне, что ли, лучше!? – обратился к ней Джордж. – Я вообще-то главный во всех этой ахинеи! А съёмки приходится ждать неделями! Я бы лучше с театром в гастроль поехал – там хоть потоптать кого-нибудь можно, а тут одни гримёрши с психозами. Нея, не принимай на свой счёт – я знаю, что ты обручена, иначе я бы к тебе обязательно подкатил! В первую очередь подкатил, потому что ты та ещё нимфа, я прямо фапаю!

Нелли небрежно кивнула в знак того, что всё понимает. На самом деле она мечтала об интрижке с Джорджем, но тут так некстати подвернулось это сватовство и скорая свадьба...

– Но остальные, – её сценарный спаситель продолжал жаловаться, – лучше б в общежитие кулинарного техника забрался. И сколько мне ещё ждать, пока автор личную жизнь наладит. Ты мне её, что ли, наладишь?

С последним вопросом он обратился к девушке двадцати лет, гримёрше, которая вышла наводить лоск в перерыве между съёмками. Вроде бы никто не слышал, как она ответила: «Могу и я». И тем более никто не слышал, как Джордж ответил: «Тогда дождись меня!».

– По ходу, он собирается сочинять сейчас! – сообщил вдруг кикбоксёр, который в освободившуюся минутку успел отжаться и покачать пресс. Теперь он жал штангу от груди и косился в окно – а именно в окнах в вымышленном мире отображается то, что происходит в реальности.

Все скопом бросились к подоконнику и увидели, что, несмотря на полуночный час, я заварил себе кофе и сел за компьютер – продолжать главу своего романа.

– Так, все по местам! – скомандовал губернатор, пока я пробегался глазами по крайней странице написанного ранее текста. – Паша, давай в стойку, сейчас будешь дальше избивать Джорджа! Неля, вон из камеры! Ты сейчас снаружи умоляешь, чтобы я тебя впустил и...

В этот момент его передёрнуло, он успел лишь бросить радостное «у него вдохновение», а затем театрально заголосил:

– Знаешь, кто это? Это Мальков, наёмный убийца и рецидивист, в федеральном розыске.

Подожди, осёкся я, Мальков – это же парень, который уговаривал Нелли поехать на встречу с этим, как его? Ну, которого сейчас избивают. Кажется, я ещё не придумал ему фамилию. Но как его зовут? Я откинулся в кресле, чтобы пофантазировать. Спустя пару секунд губернатор, который, казалось, несколько подзавис, сообщил дочери:

– Знаешь, кто это? Это Сугробов, наёмный убийца и рецидивист, в федеральном розыске... Нет, не то. Это Стеклообоев, наёмный убийца... Нет. Это – Комнин! – И губернатор стал озвучивать разные варианты его фамилии: – Это Колодный! Нет, надо что-то такое противное, отталкивающее. Это – Ошевнев! Нет, совсем не то... Это – Задремайло! Ах-ха-хах: Задремайло! Нет. Это – Серпокрылов! О, неплохо. Хотя лучше для героини сохранить – Серпокрылова: звучит! Так. Знаешь, кто это? Это – Иванилин! Это – Салафиилов! Это – Стилавьев! Это – Окулев! Ладно, потом придумаю, пока надо сюжет развивать.

И я взялся за дело крепко. Успел описать, как пока безфамильного (может – Безфамильный?) героя посадили в СИЗО. Как он там изучил схему расположения хозблока, сделал из простыни верёвку и как расковырял ложкой старую кладку стены. Затем он выбрался на наружную стену здания на уровне третьего этажа. И по натянутому кабелю на свёрнутой простыни спустился вниз. Только в самом конце зацепился рубашкой за край колючей проволоки, так что остался висеть снаружи тюремной стены. Оставалось лишь оторвать рукав и спрыгнуть вниз, но в этот момент меня отвлекли.

– Да что опять такое!?! – завопил губернатор, который пристально наблюдал за сценой побега. – Что там у него опять?

Кикбоксёр перестал качать бицепс и заглянул в окно:

– Ему кто-то в контакте написал.

– Кто написал? – потребовал ответа губернатор.

– Катя.

– Ну, конечно! Кто же ещё! Что пишет?

Кикбоксёр приблизился к окну и прищурился:

– «Привет. Не спишь?».

– Понятно, это надолго! – всплеснул руками губернатор, а вслед за ним и остальные актёры. – Джордж, придётся повисеть!

– Да вы угораете, что ли! – крикнул тот. – Я уже рукав оторвал, меня уже ничего не удерживает, я спрыгнуть могу!

– Ну попробуй! – буркнул кто-то из массовки.

Джордж отбросил рукав и сорвал простыню, которой прежде был обмотан кабель для быстрого спуска. Теперь главный герой висел в воздухе буквально в двух метрах от земли и от свободы. И в считанных сантиметрах от колючей проволоки над забором СИЗО.

– Ну отлично просто! И сколько мне так висеть тут придётся? Я, кстати, плечом проволоку задел немного, у меня кровь идёт.

– Подставьте ему кто-нибудь ведро, он тут неделю может провисеть! – скомандовал губернатор.

Ведро не нашли – подставили жёлтый пластиковый тазик, в который стала устало капать тёмно-красная кровь. Все, кто на момент нависшей паузы, не были в кадре, разошлись и разъехались кто куда, предчувствуя, что моя переписка с Катей ещё долго не позволит мне вернуться к описанию сцены побега. Губернатор вообще вызвал своего водителя и уехал в кабак. Нелли отправилась в гостиницу, а кикбоксёр – в спортзал. А Джордж всё так же висел в воздухе, экспериментируя в стиле космонавтов в невесомости. Только оттолкнуться у него не получалось, так как он был словно связан с воображаемой точкой в воображаемом пространстве, отлепить его от которой мог только я, но я был занят. Джордж, кажется, не представлял масштабов трагедии и того, сколько ему придётся провисеть взаперти кадра, однако был крайне раздражён произошедшей заминкой. Больше него переживала лишь гримёрша, которая надеялась после съёмок заглянуть к нему в гримоуборную. Теперь ей придётся вернуться к скучной жизни с гражданским мужем, которому я не придумал даже фамилии.

Гелиотропинин? Нет, слишком возвышенно, это бы подошло какому-нибудь господину в сюртуке, который торгует льном. Не сюртук торгует, а господин. А что если Макрелин? Нет, это больше девушке подходит: например, Маргарита Макрелина, мыло ручной работы. Так, а если – Клокотунский? Опять нет, это больше подходит строгому судье. Может быть, что-то нелепое, украинско-польское? Пресмыкаadlo! Нет, совсем что-то фантастическое. Бенескриптов! Не то. Нестор Дайкирин! Здорово, надо будет запомнить, только точно не про него. Настоевский! Вообще не то! Стоп, придумал: Пограммулин! Какой-нибудь Анатолий или Иннокентий. Да, неплохо. Такой тихий пьяница, алкаш ведь бывший человек. Точно – Пограммулин! И точно – она над ним смеётся, что никогда не возьмёт его фамилию. Но мы-то с вами понимаем, что это произойдёт по той простой причине, что она никогда за него не выйдет. А у неё фамилия Провожаева, например.

Впрочем, когда я мог обо всём этом думать, если я, несмотря на третий час ночи, переписывался с Катей.

Глава 19 Флегетон

– Слава тебе, всемогущий Азатот! – повторил Майкл шёпотом, когда из соседнего здания, наконец, показался первый очевидец. А вслух закричал: – Сюда, сюда! Помогите!

Мужчина лет сорока, сам в шоке от увиденного, подбежал к Майклу, чтобы вытащить его из искорёженного автомобиля. Но наш герой играл свою роль до конца и решительно запротестовал:

– Да не мне! – Вот этим несчастным!

Он указал куда-то на перевернувшийся грузовик, однако помощью незнакомого спасателя воспользовался и даже зацепился руками за сиденье, чтобы его труднее было достать.

– Вот там, там! Там бабушка и парнишка! Им ещё можно помочь! Их нужно вытащить!

На глазах у Майкла наворачивались натуральные слёзы. Казалось, под многотонной машиной – его близкие родственники... Очевидец ситуацию сразу воспринял в реальном русле. Он схватил чудом спасшегося за рукав и удержал его (впрочем, много силы прикладывать было не нужно: у родившегося в рубашке водителя был шок):

– Боюсь, им уже не помочь...

– Нет! Нет!! – Скиннер зашёл в приступе пароксизма, схватился за лицо, как будто его пытались отнять грабители. – Им ещё можно помочь! Нужно позвонить девять-один-один.

Затем как-то вдруг весь обмяк и осел бы прямо на дороге, если бы незнакомец не оттащил его к тротуару.

– Конечно, я сейчас вызову спасателей!

На улице появилось ещё несколько человек, а с холма нёсся во весь опор водитель неуправляемого грузовика. Майкл уронил голову на колени, нервно заплакал и стал причитать, переходя с эмоциональных восклицаний на канонады молитвословий. Впрочем, если бы кто-то прислушался к его речам, то мог бы услышать примерно следующее:

– Слава тебе, всемогущий Азатот! Ты – моё упование и ты – моя крепость! Сооружу тебе храм, и будет воскуряться там ладан похоти и фимиам прелюбодеяний!

В скобках заметим: кто бы мог подумать, какие страшные превращения случаются в жизни из-за глупых запретов на отношения преподавателя и студентки...

Скобки закрылись, и вот широкоугольный объектив нашего романа – в телестудии, где Майкла Скиннера осыпают цветами и благодарностями, хвальбою и восхищением. По счастью, назойливый молодой человек, который пытался спасти старушку, оказался донором органов и после смерти подарил жизнь ещё шести людям, а бабушка-божий-одуванчик шла от нотариуса, у которого составила завещание в связи со своей невероятной ветхостью.

Двух погибших, конечно, всячески оплакивали. Но центром внимания стал именно Скиннер. Как много мировой скорби было в его возгласах позвать на помощь пострадавшим (он тогда не знал, что они умерли на месте), когда и его самого зажевало в искорёженной машине. Сколь ничтожно мало внимания он

уделял себе, только что вытасченный из железных лап смерти. Ни порезы, ни гематомы не интересовали его – он был весь – сострадание к пострадавшим (умершим). Им восхищалась дюжина человек, из которых, к слову сказать, никто не был непосредственным свидетелем трагедии, но все, безусловно, чувствовали невероятную энергию сострадания и желания помочь.

Из трагедии сделали настоящее шоу. Скиннер стал подлинным кумиром поколения, не совершив ничего, кроме того, что сам выжил в дорожном инциденте. В эфире он так часто пускал слезу, что даже самые отъявленные его завистники вынуждены были признать: парень – американский герой. Последние сомнения в этом окончательно развеялись после того, как Майкл объявил об открытии благотворительного фонда «Флегетон».

– Название фонда состоит из двух слов: «флеги» с международного языка эсперанто переводится как «забота», а “get on” – преуспевать, продвигаться в этом. Таким образом, «Флегетон» для всех должен стать синонимом взаимопомощи и поддержки, которой достоин каждый вне зависимости от цвета кожи, политических убеждений и вероисповедания².

После этого битый месяц Майкла приглашали в различные шоу, где он всячески пиарил свой благотворительный фонд. В пригороде Лос-Анджелеса он выкупил земельный участок, на котором начал строительство штаб-квартиры, и даже назвал дату первого благотворительного вечера – всего через шесть месяцев. За это время Скиннер успел заручиться поддержкой всех и вся. Голливудские актёры, влиятельные бизнесмены и политики, звёзды спорта – все, казалось, стремились быть рядом с этим человеком.

Майкл занялся йогой и вскоре уже блистал на обложках глянцевого журналов раздетым по пояс, настолько строен, силен и привлекателен он стал. Всё чаще о выражении его лица говорили как о молитвенном, как если бы речь шла о великом подвижнике, вышедшем на время из монастыря. Всех подкупала его открытая улыбка, он с готовностью жал окружающим руки и фотографировался. Во всех интервью он заявлял о кардинальной перемене в своей жизни, и его власть над умами, действительно, становилась абсолютной.

«Флегетон-центр» был выстроен в рекордные сроки. Его открытие прошло с невероятной помпой, и резонанс, казалось, превзошёл начавшуюся в стране президентскую гонку. В своём приветственном слове Майкл Скиннер сообщил нечто невероятное: приглашённые им знаменитости и богачи помогли собрать ему – ни много ни мало – *тридцать миллионов* долларов, которые он направляет на поддержку детей-сирот по всей Америке. Восторг собравшейся публики был неопишуемым. Дополнительные пожертвования только за вечер открытия составили более трёх миллионов долларов, и не в последнюю очередь – благодаря подвешенному языку Скиннера, который всех смог убедить в совершенной безотлагательности помощи обездоленным детям.

Сиротам, конечно, помогали. Но своё обещание молодой американский идол сдержал. Под видом транспортировки детских игрушек организовал

---

² В действительности Флегетон – одна из пяти рек загробного царства Аида в древнегреческой мифологии.

перевоз наркотиков из южных штатов, для чего безо всякого смущения вступил в прямой сговор с местной мафией. Все вырученные деньги Майкл, действительно, направил на полнейший разврат. В десятке крупных городов организовал публичные дома самого непотребного характера.

В определённые дни туда приглашались все желающие совокупиться с падшими женщинами напрямую, через отверстия в деревянных перегородках и у бассейнов во внутренних дворах этих заведений. Отвратительные оргии, разумеется, снимались на видео и затем продавались через интернет. Но самое страшное заключалось в том, что участвовали в данных непотребствах зачастую примерные прежде мужья и отцы благочестивых семейств. Так что падшие женщины были настоящими жрицами в традициях римской храмовой проституции, а падшие мужчины – жертвами их развратного искусства обольщения. Видя происходящее, Майкл с невероятным оживлением возносил руки горе и шептал: «Слава тебе, всемогущий Азатот! Все эти жертвы – тебе!».

В сознании масс Флегетон-центры были олицетворением благотворительности и средоточием творческой молодёжи, которая постоянно участвовала в каких-то акциях и сборах пожертвований на сирот. Но в действительности эти центры стали негласными точками разврата, разраставшимися от одного города к другому. При этом Скиннер искренне считал, что это – его месть американскому обществу и всему миру за то, что его лучшие и чистейшие чувства растоптали, унизили и оскорбили. Он решил идти по головам всех и вся, не разбирая средств и последствий. Он совершенно испепелился, освободив опустевший сосуд своей души для всех духов злобы, которые могли туда уместиться. За внешним видом крайней умиротворённости и благодати в новом американском идоле кипели злоба, ненависть и непреодолимое желание унижить как можно больше людей, встретившихся ему на пути.

Глава 20

Подчёркнутые лисички

Был двенадцатый час ночи, но работы у меня было настолько выше крыши, что я должен был жить, как Карлсон. Катя стояла перед книжным шкафом, кутаясь в плед, и расспрашивала про издания, которыми была заставлена целая стена моей холостяцкой на тот момент квартиры.

– «История сношений человека с дьяволом»? – спрашивала она. Или: – «Мистагогия»? Что это?

– Это тайноводство с греческого. Мистика – тайна, гог – буквально водитель. Педагог, например: тот, кто водит детей на учёбу. Так, по крайней мере, в Древней Греции было.

Катя кивала, как Джо в «Друзьях», и исследовала мои книжные сокровища дальше.

– «Лествица»? – в другой раз спрашивала она. – Это типа лестница на небо? Что это за названия такие, а? Дидахэ, апологетика, номоканон, септуагинта, теодицея? Что это всё такое? Книжная справа патриарха Никона? А почему не слева?

– Это не право или лево, а «справа». Ну, знаешь, говорят: справиться о чём-то здоровье. То есть разузнать, поинтересоваться. Справа – это такое расследование касательно богослужебных книг, из-за чего, в том числе, произошёл раскол.

– И ты всё это прочёл? – с недоумением спросила Катя.

– Прочёл? Некоторые вещи нас заставляли конспектировать, а потом на семинарах мы подробно разбирали одну какую-то главу или фрагмент сочинения. Это же теология. Вон, посмотри, тома Лопухина. У него одна строка сверху – это текст Библии, а вся остальная страница – толкования: как Златоуст это место трактовал, что Феофилакт Болгарский по этому поводу считал и так далее.

– Серьёзно? И кому это надо?

– Да много кому. В первую очередь, вникающим в смысл верующим, должно быть. Хотя преимущественно все эти тонкости изучают популярные священнослужители, которые в различных диспутах блещут своими знаниями. Ну и Церковь в целом, конечно. Был даже собор, на котором обсуждался вопрос: принадлежала ли Христу та одежда, в которой он ходил? В прямом смысле, без иносказаний.

– Как это? – не поняла Катя. – Как она могла ему не принадлежать?

– Ну как – вот вы же берёте друг у друга платье на вечеринки. Вот так и одежду можно одолжить. Мне вот Дионисий, например, куртку тёплую давал, когда я весенней ночью шёл от него из гостей.

– Ну и зачем кому-то это обсуждать?

– Конкретно этот вопрос обсуждался в западной церкви. Там они, естественно, выясняли, может ли церковь быть богатой. Пришли к выводу, что может и должна. А у нас, например, в шестнадцатом веке был похожий спор так называемых иосифлян и нестяжателей по вопросу, могут ли монастыри, как бы сейчас сказали, заниматься коммерческой деятельностью. Возделывать луга, пасти скот, держать крепостных. Это всё равно, как если бы сейчас спорили, должны ли приходы платить налог на землю.

– Ой, понавыдумывают сами себе разных проблем, а потом разобраться не могут! Живите и радуйтесь! Крыша над головой есть, деньги на еду и одежду есть – что ещё надо!

– Это ты так говоришь, потому что одна живёшь, – рассудил я. – А вспомни, как мама одна вас двоих с братом растила. Ей нужно было троих накормить и одеть.

– Ой, кто бы говорил – сидит тут отец-героиня! – рассмеялась она. Улыбнулся и я, однако заметил:

– А что – в некотором смысле так и есть. У меня в штате, – и я стал загибать пальцы: – дизайнер, консультант по пиару и по технической рубрике. А если тема с журналом зайдёт – мне ещё понадобится программист, чтобы создать сайт и настроить доступ к нему по подписке. А, может, и не понадобится. В любом случае у меня три или четыре человека, которым надо платить зарплату, причём в срок, несмотря на то, что они-то как раз всё время кормят меня завтраками и работают спустя рукава, так как у всех и так свои

работы. Я бы, может, и хотел с утра до вечера писать свои произведения, но мне приходится лезть из кожи, чтобы просто запустить проект и держать его на плаву.

– Но тебе же необязательно именно самому издавать этот журнал, – возразила Катя. – Ты мог бы устроиться в другое место. И также работать журналистом.

Я даже отвлекся от работы и полностью повернулся к собеседнице:

– Я проработал в одном из таких мест три с половиной года, и всё, что заработал, – это матерную тираду и гневный приказ выметаться со своими вещами. Притом что мне платили не совсем столько, на сколько я зарабатывал, часто задерживали зарплату и нещадно штрафовали. За любую запятую, заехавшую на тёмную часть фона, или за старый телефонный номер рекламируемой организации, хотя этим вообще должен заниматься рекламщик, а не я. И вот к чему я пришёл: я буду издавать собственный журнал. И пусть его хозяевами, которые будут стричь основные вершки, будут толстосумы с платиновыми часами, но я буду знать, что всё с первой до последней страницы написано и изображено так, как я этого хочу. И пусть мне придётся кормить небольшую семью лентяев, но и самому заработать, я надеюсь, на достойную жизнь получится. Я вот, например, жутко хочу в Крым переехать! – я вдруг закончил тираду этой вырвавшейся из недр подсознания мыслью.

– Серьёзно? – донельзя оживилась Катя. – Я тоже! Всю жизнь мечтаю об этом!

– Правда? – искренне удивился я. Хотя чему тут удивляться, если кто-то хочет переехать на юг, к морю. Это как раз больше свойственно девушкам. Меня, наверное, больше всего поразило совпадение наших мечтаний при такой разнице в профессиях и интересах.

– Да, – кивнула она. – Очень люблю Судак! Хотя в принципе всё равно, где жить – главное, чтобы рядом было море! Я в прошлом году летала в Крым. У меня начался отпуск, я зашла в турагентство и купила тур. Потом пришла к маме и сказала: у меня вечером самолёт. И улетела на двенадцать дней. Мама тогда жутко за меня переживала. А для меня это был такой кайф – просыпаться утром и идти на море. Не знаю, что может быть лучше!

– И что – одна полетела?

– В смысле, что я тогда ни с кем не встречалась? – Катя угадала суть моего вопроса. – Нет, прошлым летом ни с кем.

Она посмотрела на меня, улыбнулась и вновь отвернулась к книжному шкафу.

– Угу, – буркнула она, – сверху «Септуагинта», и снизу – подборка журнала Maxim?

– Да, – задумчиво ответил я. – Это... по работе. На самом деле уже никто не покупает Maxim ради голых тётек. Там грамотные и сильные статьи, почитай, если хочешь.

– Не хочу, – призналась Катя. Она отошла к другой полке, где стояли мои любимые книги, хмыкнула отчего-то и взяла в руки мягкий переплёт. Полистала и удивилась: – О, ты тоже любишь подчёркивать интересные фразы?

Занятой, я рассеянно взглянул в её сторону и буркнул:

– Правда?

– «Пробежит какая-нибудь барышня, посмотрит на деревцо: «а ведь весна-то...», и станет ей грустно. Пробежит какая-нибудь другая барышня, посмотрит на деревца: «а ведь весна-то!», и станет ей весело», – процитировала она выделенный мной отрывок.

– Это Вагинов, что ли? – отвлёкся я от своего занятия. – Он просто восхитителен! Я обожаю все его четыре романа! Читать его – как шампанское пить! Он искрист, поэтичен донельзя! Как будто поэму в прозу перевёл гениальный переводчик. Очень советую почитать! Это «Козлиная песнь»? Или «Труды и дни Свистонова»?

– Не знаю, – призналась Катя и добавила, посмотрев обложку, – тут и то, и то написано.

И полезла в оглавление, чтобы узнать, какому произведению принадлежит процитированная страница. Я, тем временем, философски заметил:

– А вот потенциальные исследователи из числа потомков будут разбирать мою библиотеку и обязательно выберут какой-нибудь похабный кусок из походов Швейка, от которого меня самого воротит. Который я и подчеркнул-то, может быть, в пылу хорошего настроения. Что-то вроде, – я стал цитировать по памяти: – «Другой, скажем, съест лисички, а они выйдут из него так, что только промой и снова подавай под кислым соусом». А ведь я у Гашека подчёркивал много мест. Например: «Ты сам-то откуда? Прямо из Будейовиц? Хвалю, если кто-нибудь прямо откуда-нибудь».

Я всерьёз отвлёкся от статьи для журнала и продолжил:

– Или место, где подпоручик Дуб обещает встретиться у Филипп, имея в виду устойчивое выражение «настанет час расплаты», ведь именно во фракийских Филлипах в 42 году до Рождества Христова войска Антония и Октавиана победили Брута и Кассия. А Швейк думает, что речь идёт о заведении Филиппы, где встречаются гомосексуалисты, и воспринимает это как знак внимания. А ведь биографы обязательно возьмут подчёркнутых лисичек...

Я закивал головой самому себе, в то время как Катя подняла на меня глаза и внятно озвучила узнанный результат:

– «Козлиная песнь».

Несколько оскорблённый таким невниманием к философскому спичу, я кивнул в ответ и вновь уткнулся в монитор.

– Так что ты говорил про лисички? Я прослушала.

– Да ничего, – махнул я рукой, – читай дальше.

– Слушай! А есть твои произведения? – оживилась вдруг Катя.

– Мои? – всерьёз удивился я. Хотя я и просил изначально сделать обложку – логично, если иллюстратор прочтёт, что в книге. – Ну да, конечно. Вот «Танатоходец», роман.

– Пфф, это долго читать! Есть что-нибудь короткое, чтобы я сейчас прочла?

– Гм. Вот есть небольшой рассказ, я его недавно закончил, он ещё на листах распечатан.

– О, отлично! – одобрила объём произведения Катя. – То, что нужно!

Затем она прочла заглавие.

– «Рогволд Нубиец»? Это что, какой-то языческий жрец?

– Да, – признал я и параллельно смутился Катиной интонации, которая выражала: опять какая-то лабуда. – Точнее, предсказатель.

– Ладно, давай я почитаю, а ты работай.

Я немедленно согласился, поскольку у меня действительно было работ невпроворот. Катя уселась в углу дивана и начала читать.

Рогволд Нубиец

В шатре на горе подушек, сшитых из разноцветных лоскутов, восседал могущественный военачальник, покоритель народов и опытный стратег. Его исчерченный морщинами лоб свидетельствовал об остром уме и решительной воле, а длинные усы свисали ниже подбородка, чтобы было чем занять руки в часы тяжёлых размышлений. На пальцах правителя сверкали перстни и кольца, а прямо перед ним был установлен поднос с серебряным кубком. Вино было отличное, несмотря на походные тяготы, но полководец не пил и не ел вот уже целый день. Придворный художник с раннего утра писал портрет девушки, увиденной ночью князем во сне.

– Ну что, готово? – в сотый раз спрашивал повелитель.

– Вот, взгляни! – спустя некоторое время соблаговолил отозваться художник и повернул полотно к правителю.

Князь выронил посох, который нещадно вертел в руках, и почти безмолвно признал:

– Она!

Если в первые мгновения он сидел застывший, как поражённый громом, то теперь вскочил на ноги и стал ходить перед полотном, словно бы припоминал, где он мог видеть эту девушку. Ничто не приходило на ум, и князь ещё долго бродил перед ликом, напрягая свою память. Вдруг он вспомнил прорицателя – египтянина, которого ещё рабом много лет назад привезли на Русь. Но в родной Нубии рабом он не был. Он и там служил гадателем, пока не попал в немилость местному фараону, который заключил его в тюрьму. Славяне выкупили его и даровали свободу. Здесь он принял их веру и взял новое имя – Рогволд.

Рогволд Нубиец принимал участие в военных советах, князь лично советовался с ним перед каждой важной битвой. Однажды взятого в плен вождя печенегов спасли от казни благодаря вмешательству нубийского мага. Он грудью встал перед растерзанным и почти забитым до смерти полководцем и тем самым сохранил ему жизнь. Спустя месяц город, в котором находилось шеститысячное войско князя, окружила армия из тридцати тысяч кочевников. Рогволд не побоялся выйти к предводителю чужеземного войска и договорился обменять их вождя на отступление неприятеля «под слово». Странники оказались настолько

ошеломлены вестью, что их глава жив, что согласились снять осаду и не совершать набегов до следующей весны. Рогволд Нубиец лично вывел пленника за стены города, и тот поклонился ему в пояс, так что прорицателя стали уважать и бояться не только в княжьем воеводстве, но и во всех племенах, куда доходила его слава.

Князь приказал позвать Рогволда. Тот прибыл поспешно, как только мог, но столь размеренно, как полагалось человеку, наделённому в некотором роде высшей властью. Предварительно правитель накрыл портрет тканью и отставил в заднюю часть шатра. Когда нубийский маг вошёл, властитель встретил его с подобающими почестями и лично протянул кубок. Рогволд отпил. Покончив с ритуалом, князь перешёл к делу и рассказал о сонном видении, в котором встретил девушку неземной красоты. В её облике поражали даже не совершенство черт лица, а невероятная одухотворённость и волевой характер.

– Тебе следует пригласить художника, – первым делом заметил прорицатель.

– Я его пригласил! – поторопился сообщить об этом князь. – И он уже написал её облик красками. Ты хочешь посмотреть на неё?

Рогволд Нубиец кивнул. Князь буквально прыгнул со своего трона и приблизил полотно к гадателю. Развернул портрет и скинул с него разноцветный плат.

– Уммх! – князь впервые в жизни видел, как Рогволд схватился за сердце. Серебряный сосуд выпал у него из руки, и вино разлилось на ковры. Придя в себя, Нубиец вскочил на ноги и с невероятной силой схватил своего правителя за плечи. Глаза его сверкали двумя рубинами. – Забудь про неё немедленно! Выбрось её портрет, сожги его!

– Ты что? – оттолкнул его князь, но вырваться до конца не смог. – Ты белены, что ли объелся! Стража!

Видя, что князь упорствует, Рогволд выхватил у него посох и замахнулся на изображённую девушку. Правитель толкнул его в грудь, и удар пришёлся вскользь, так что еле задел самый уголок губы жертвы. Из чуть надорванного в этом месте холста показалась струйка крови.

– Схватить его! – бешеным голосом взревел князь, указывая стражникам на нубийского мага. – Заточить его в клеть, не поить, не кормить, выставить на солнце!

От такого приказа даже телохранители князя не с первого раза решились связать Рогволда: он лежал лицом в ковёр со скрученными за спиной руками.

– Вы что, послушаться меня вздумали? – князь размахнулся посохом и выбил одному из стражников глаз. Тот заревел, как медведь, и рухнул в двух метрах, схватившись за пустую глазницу, из которой сочилось что-то бело-красное. Разгневавшись ещё больше, князь выхватил длинный кинжал и по рукоять вогнал его под ребро второму стражнику, отчего тот свалился на прорицателя, который, почуяв свободу, извился как уж и вмиг оказался перед правителем на ногах.

– Одумайся! – Рогволд Нубиец встряс своего господина за грудки и даже ударил кулаком по лицу. – Веру потеряешь, если её искать начнёшь! Брось, брось! Пустое это! Забудь!

И он забурчал что-то на своём языке, чего не бывало с ним с той самой поры, когда он перенял славянскую веру. На князя это, казалось, произвело должное впечатление. Новая партия стражников бежала, чтобы повалить Нубийца на пол, но владыка остановил их жестом. Самообладание понемногу возвращалось к нему.

– Из-за тебя я выбил глаз одному своему воину и убил другого. А ты дал мне пощёчину, за что тебе полагается верная смерть, несмотря на все твои заслуги. Перед лицом возмездия скажи мне, пожалуйста, будь так добр, – и он повысил голос до звериного рыка: – Почему я потеряю веру, если найду эту девушку?!!

– Потому что она не придёт к тебе, если ты не оставишь веру отцов! – Рогволд Нубиец стоял, как каменный столп, неподвижный и мрачный. Но глаза его горели огнём, и жар исходил от всего его существа.

– И кто же она по вере?

– Христианка, – ответил прорицатель. Это было его последним словом. Князь схватил лежавший рядом с ним тесак, размахнулся и обрушил его на Рогволда Нубийца наискось. Клинок, как по тонкому стеблю, прошёл между шеей и головой и вышел под правым ребром. Освободившийся верх прорицателя сполз следом за тесаком и повалился головой на ковёр. Оставшаяся часть прыснула кровью, осела на колени и повалилась вперёд, окатив обезумевшего от гнева князя багровыми струями.

Этот момент князь вспоминал сотни раз в течение своей жизни. Однако сегодня прошедшее пронеслось в его памяти, как будто случилось только что. Как будто лезвие ещё хранило жар разрубленного надвое прорицателя.

Священник причастил его и соборовал, призывая благодать Божию во исцеление души и тела великого князя. Властителю, действительно, стало легче. Он попросил приблизить к нему тот самый портрет девушки, которую он искал всю жизнь. Ради неё он принял христианство сам и крестил всю свою дружину и Киев. Ради неё он выстроил великолепный собор из камня, доставленного за тысячи вёрст. Ради неё он заложил лавру, где седые отцы спасаются и молятся за него и весь христианский мир.

«Раз уж она не пришла ко мне, – думал святой князь Владимир, – то сегодня, по крайней мере, не умру!». С этой мыслью он приказал оставить его и лёг спать. Ночью он тихо отошёл ко Господу.

* * *

С тех пор, как святой князь Владимир почил в Боге, душа его никак не могла найти покой. Будучи теперь духом бесплотным, он мог пребывать в любой точке пространства и времени. Однако, взвесив

логически вероятность встретить ту самую девушку, просто блуждая по земле, князь решил не наткаться на бедных смертных и не подглядывать в окна, а остаться в собственных мощах и ждать. В конце концов, Рогволд Нубиец ни разу его не обманывал. Как знать, может, он действительно встретит ту самую? И если уж написано у него на роду, то пусть она сама придёт к нему на встречу, чем он будет пресмыкаться по грешной тверди, что никак не подобает святому, к тому же равноапостольному.

Поклоняться мощам святого стали практически сразу после смерти, так что князь встретил множество людей в течение первого своего заупокойного года. С того времени дни шли за днями, и он устал в конце. На второй век мощевания Владимир дал себе слово продержаться ещё столетие и уйти на настоящий покой – ну сколько можно! Но прошёл ещё век, и ещё один, и половина тысячелетия, и дух прежде величественного правителя ослаб.

После татарского ига его уже ничто не могло удивить – ни посредственное юродство Ивана Грозного, ни удивительная последовательность протопопа Аввакума, ни семивёрстные шаги Петра Великого, ни гуттаперчевая ловкость Александра Второго. Князь Владимир смотрел на разворачивавшуюся историю, как простудившийся ребёнок смотрит на улицу на играющих сверстников: лучше укутаться в одеяло и поспать. На девятом веке его мощи смогли удивить Александр Невский и Дмитрий Донской, которые отдали свои имена авиаэскадрильи и танковой дивизии во время Великой Отечественной войны. Но эти князья нравились ему больше как наследники престола и соратники.

Наконец, в 2015 году исполнялось тысячелетие после блаженной кончины великого князя. И Владимир решил продержаться последний тур, в который его отправила родная Церковь из Киева по городам святой Руси и обратно в Пещеры, и отправиться куда-нибудь в тихое место, на Соловки, слушать древние распевы на протяжении всех тысяч лет, что остались до Страшного Суда! Так ему всё надоело.

В каждом из городов собиралась многотысячная очередь, чтобы поглазеть на тысячелетний череп за стеклом в золотой оправе. Князь доблестно терпел, пока лица нескончаемой чередой прикладывались к нему, как вдруг – как гром среди ясного неба – к нему подошла та самая девушка! Он даже опешил, пытаясь вспомнить: она это или нет? Но все сомнения сразу же рассеялись: да! несомненно! это была она!

– Святой князь Владимир, помоги мне сдать экзамен! – попросила его девушка, облобызала стекло, и её тут же сместили дальше, так сильно толпа напирала друг на друга ради встречи с реликвией.

«И это всё? – с отчаянием подумал князь, и всплеснул духовными руками, так что порыв ветра пронёсся по храму. – О боже, Рогволд, как же ты был прав!»

Честно говоря, я с замиранием сердца ждал момента, когда Катя дочитает рассказ, потому что в процессе на её лице мелькали эмоции, которые лучше всего обозначить терминами *озадаченность* и *непонимание*. Как будто экскурсовод не говорил по-русски, а переводчик попался плохой. Закончив чтение, Катя не дала никаких оценок. Она рассудила, что у меня ещё много работы и сказала:

– Давай я лягу спать, а ты работай, сколько надо!

Я согласился без расспросов. Расстелил одеяло на кровати и пожелал спокойной ночи. Дальше размышления о Катиной реакции в голову уже не шли, так как работы, казалось, не убывало. В итоге я лёг спать с квадратной головой в третьем часу ночи. В половине седьмого встал сходить в туалет, после чего – как ни в чём не бывало – видимо, сонный, я сам не отдавал отчёта в своих действиях – подлёг к Кате, обнял её и тут же заснул. Чтобы спустя полчаса, пролетевших как полминуты, быть разбуженным мелодией будильника, призывавшей спать ещё и ещё.

Катя сладко потянулась, закинула на меня ногу, после чего резко отдалилась и строго спросила:

– Это что ещё такое!

Спросонья я ответил дураче некуда:

– Шинейд О’Коннор, «Зе бук оф зе лайф оф э лэмб»³, а что?

Катя решительно закуталась в одеяло.

– Я имею в виду: что ты здесь делаешь?

Немного придя в себя, я осознал всё происходящее и извинился:

– Да, прости, пожалуйста, я чисто на автомате лёг сюда минуту назад! До этого я спал на диване. Я просто... сходил в туалет и вернулся сюда. Я же здесь обычно сплю! А тут я не проснулся до конца, так что это получилось совершенно неосознанно. Давай поступим так: ты ещё десять минут буквально посплю, а я встанешь сделаешь кофе, хорошо?

И я закутался в обе подушки, не оставляя варианта для отказа. Воспользовавшись тем, что я ничего не вижу, Катя встала, всё равно прикрывая бельё, и упорхнула на кухню вместе со своей одеждой. Через полчаса меня ждал ароматный кофе с мёдом, как я люблю, и яичница глазунья. Я не нашёл в себе сил сказать, что не люблю желтки, и был вынужден проглотить два из них с деланно довольным лицом. Глотать желтки мне пришлось ещё целых две недели, пока я, наконец, нашёл в себе храбрость сказать.

– Ну ты и дурачок! – сказала тогда Катя. – Ты бы ещё двадцать лет терпел...

Но в то утро она сказала другое:

– Я так рада, что ты тоже любишь глазунью! Это добрый знак! Значит, мама примет нас как нельзя лучше!

– А что, у тебя такая строгая мама? – насторожился я.

---

³ Факт. “The Lamb’s Book Of Life” – песня с альбома “Faith And Courage” певицы Шинейд О’Коннор (Sinead O’Connor), которая играла у автора в качестве мелодии будильника с 2013 по 2019 годы на телефоне Nokia Asha Yellow 501.

– Нет, просто ты хлюпик, – ответила Катя, прожёвывая ветчину и рассеянно глядя в окно. – Я переживаю.

Глава 21

Знакомство с мамой

Заварив себе ещё кофе, покрепче, я наконец собрался. Мы взяли нехитрый скарб, простенькие угощения-подарки и поехали.

– Как называется посёлок? Я вобью в навигатор.

– Какой навигатор! – с сарказмом ответила Катя. – У тебя в жизни не было навигатора, пока ты себе нормальный телефон не купил, с интернетом.

– У меня нормальный телефон! – деланно вознегодовал я.

– Да? – столь же деланно поинтересовалась Катя. – А кто страницу назад в примечании написал, что у тебя жёлтенький «Нокиа Аша» был, а? У него своя платформа, не «Андроид», на нём карты в принципе нельзя открыть.

– Ладно, давай, не забегай вперёд! – я попытался призвать к порядку. – Ты в таком тоне начнёшь говорить со мной только спустя три года. Давай я поеду без навигатора и без смартфона, а *ты* просто будешь показывать дорогу.

– А, может быть, я тебя ко встрече с мамой готовлю? – Катя посмотрела на меня в упор. – Чтобы ты хлюпиком таким не был, как со мной! «Септуагинта», «Гептамерон»... Она таких ботаников не любит.

– Да какой я ботаник! – возгорел я. – Я половозрелый самец!

Моя спутница рассмеялась, а я продолжил:

– А исследования британских учёных показывают, что ветераны интеллектуального труда даже в преклонном возрасте сохраняют отличную потенцию.

– Вот-вот, ты оправдываешься, как настоящий задрот!

Я хлопнул ладонью по рулю.

– И какой ты, на хрен, «интеллектуал»! Ты даже забыл, что вчера заложил телефон, чтобы меня сводить в кафе, и теперь должен быть с планшетом, а не с телефоном. Понял? А ты всё напутал! Вот тебе и неувязочка твоего главного романа жизни. Запомни: главный роман твоей жизни – это я. И если ты хочешь быть со мной, то должен произвести хорошее впечатление на мою маму. А она у меня женщина строгая, таких раздолбаев, как ты, не любит. И хлюпиков. И тютёх. И вот ты поворот пропустил.

– Блин, ну ты могла заранее сказать! – снова загорелся я. – Я же в самом начале спрашивал, куда ехать! Мне теперь на эстакаду выезжать, чтобы развернуться, полчаса потеряем!

– И пессимистов она не любит, – парировала дочь нелюбителей пессимистов. – И ворчунов. Короче, вряд ли мы будем вместе.

– Ладно, я понял, – я попробовал вернуть беседу в конструктивное русло. – Раз ты не хочешь возвращаться из того момента, когда я это пишу, в тот момент, когда это происходило, – то я силой мысли верну машину в нужное направление...

Я аккуратно, но резво развернулся через двойную сплошную.

– ...а ты напомнишь, как называется деревня, в которой живёт твоя мама!

– Оу, да ты мачо! – оценила мой манёвр Катя. – Теперь у тебя есть шанс понравиться маме, да. Деревня называется Чёрная Смородина.

– Что? – я буквально загоготал за рулём. – Она ведь не так называется!

– Так! – с хитринкой рассмеялась и Катя.

– Ну, прилагательное «чёрная» там есть. Но не смородина же!

– Смородина! – хихикнула Катя.

– Вот ... – я удержался от ругательства.

– Что такое? – насторожилась Катя.

– ДПС.

Гаишник остановил меня взмахом жезла и показал, где мне нужно остановиться. Я повиновался и опустил окно. Офицер неспешно подошёл ко мне.

– Вы знаете, – спросил он, – что непристёгнутый барабанщик группы «Деф Леппард» потерял в аварии руку, а его непристёгнутая девушка – разбилась?

– Э-э, что? – от неожиданности меняхватило лишь на этот вопрос.

– О, простите, это я не вам должен сказать, перепутал! – стал извиняться сотрудник ГИБДД. – Капитан Воронин, первый отдел моторизованного полка префектуры по борьбе с опасным выпендрёжем за рулём. И не стыдно вам такие вещи делать, а?

– Что-о? – снова буркнул я.

– Да ничто! – ответил мне капитан. – Ты там в своём романе хочешь впечатление на девушку произвести, и для этого разворачиваешься через двойную сплошную! Не стыдно? Пошёл бы на турник, подтянулся пятнадцать раз – вот это я понимаю. А грубо нарушать правила дорожного движения только низкие люди могут. Совершенномудрый муж так никогда не поступит. Он и осуждать вас не станет, на то и совершенномудр, – но поступить так никогда себе не позволит. А я осудить вас могу – и делаю это! Ну что, в самом деле, за привычка: давай пойду с фанатами подерусь, давай ювелирный ограблю... Не надо это рекламировать! Это и так каждый дурак может. Вот помните «Берегись автомобиля»? Там и Котёночник, и гаишник на мотоцикле перед детским лагерем сбрасывают скорость до двадцати! Вот пример! Запомните, Михаил Михайлович...

– ...откуда вы знаете моё?..

– ...да неважно это! – офицер махнул рукой. – ...Запомните: всегда сбрасывайте скорость перед школой и детским садом! И люди тебя уважать станут, и в жизни пригодится – помяни моё слово. Счастливого пути!

Он хлопнул ладонью по крыше и столь же стремительно, как и вещал, уплыл. Я вернул так и оставшиеся у меня права в отделение кошелька и, удивлённый, выехал на дорогу.

– Как в сказке! – только и смог вымолвить я. – А ведь это то ли полторы, то ли две тысячи...

– Видишь, крутого парня даже полицейские отпускают! – ободрила меня Катя.

– Да нет, – в задумчивости произнёс я. – Так как он игра мозговой оболочки, как параллелепипеды Невского проспекта у сенатора Аблеухова в

романе Андрея Белого «Петербург», то что-то всё это точно значит. Надо запомнить!

Катя повернула ко мне свою красивую головку с забранными в пучок волосами и повторила:

– Не любит мама дегенаратов, не любит!

Я предпочёл не вступать в бесплодную дискуссию и включил музыку. Как ни странно, моя подборка понравилась Кате. Особенно меня удивило, что она делала громче на тяжёлом блюзе типа “Whiskey, Beer & Wine” Бадди Гая или “Do You Read Me” Рори Галлахера.

Через четверть часа мы начали говорить как ни в чём не бывало. А некоторое время спустя, действительно, подъехали к деревне Чёрная Смородина. Я даже не поверил вначале. Но оказалось, что сила умственного внушения велика: деревня действительно называлась Чёрная Смородина, мои во всю ширину раскрытые глаза свидетельствовали об этом лучше всех иных органов, включая встроенную в человеческую душу методу познания по Дэвиду Юму.

Катя указала на двухэтажный дом, и я припарковался во дворе.

– Если будешь описывать это место в какой-нибудь своей писанине – не пиши, что это дом на шестнадцать квартир, – попросила Катя. – Напиши просто: двухэтажный дом.

Итак, мы остановились возле роскошного двухэтажного дома моей будущей тёщи и поднялись на второй этаж, в квартиру номер четырнадцать. У меня в руке был торт и бутылка шампанского, у Кати – букет цветов и гамак, который она обещала ей вернуть.

– Привет, мамочка! – заголосила Катя, когда дверь открылась.

– Здравствуй, дочка! – обрадовалась мама – красивая, как зрелая пшеница в поле, и величественная, как дворянка в изгнании. Я ещё удивился: что такая удивительная женщина делает в деревне? Ведь, как я выяснил позже, она реально сажала и собирала овощи, разводила клубнику и готовила тыквенную кашу. В первый момент я посчитал её персонажем французской или немецкой сказки.

– Здравствуйте! – скромно произнёс я, когда объятия мамы и дочери ослабли.

– Здравствуйте! – также на «вы» ответила Катина мама, чем обескуражила меня ещё больше. Она забрала у меня, окостенелого, из рук шампанское и торт и добавила: – Я – Ольга Александровна!

– Серьёзно?! – удивился я, даже забыв представиться в ответ. – Мою маму тоже зовут Ольга Александровна! Вот это совпадение! Ой, простите, меня зовут Михаил.

Позже Катя рассказывала, что загадала по тому, как я представлюсь, выйдет она за меня замуж или нет. Если бы я сказал «Миша» – не видать бы мне моей суженой вовек. Но я сказал «Михаил», и, по сути, моя участь без меня была решена. Честно говоря, я сказал так только потому, что мама казалась такой официозной и представилась столь возвышенно, как если бы я действительнознакомился с дворянской фамилией, – что я решил

соответствовать стилю. Так что в определённом смысле это Катина мама так повлияла на ход событий, что мы поженились.

Из гостиной доносилось множество голосов. Оказалось, что за накрытым столом сидело не менее дюжины человек, включая мамину сестру с семьёй, их родственников и соседей. Стол был шикарным, так что я в какой-то момент даже опешил. Но затем я понял, что все эти приготовления были сделаны исключительно ради меня! Точнее – конечно, ради Кати, потому что именно её все знали и именно о её судьбе все так переживали. Но, в конце концов, если бы я оказался совсем негодным паршивцем, то все бы запомнили именно меня, а не Катю, которая приехала погостить к маме.

Сложно сказать, чем я думал в тот момент. Но когда Катя попросила занести какие-то вещи в мамину комнату, я вдруг увидел на столе счета за коммунальные счета или какие-то подобные услуги, и они показались мне чрезвычайно высокими. Я ещё подумал: на что же выживает её мама, раз она вынуждена оплачивать такие зверские счета? И, когда все вышли из комнаты, я достал из кармана десять тысяч и положил их маме в кошелёк. После чего немедленно вышел, так что никто не мог ничего заметить.

Однако когда все расселись за столом, и мама, на правах хозяйки, начала произносить тост, – одна из соседок в бранной форме заметила, что всё озвученное было бы прекрасно, если бы ей не пришлось пить в компании вора. Уши у меня покраснели до пят, но я ничего не сказал, не зная, что делать дальше. Между тем, мама Кати попросила чётких разъяснений, что имеет в виду та гостья, и она прямо обвинила меня в воровстве из её кошелька. Все посмотрели на меня, как на нациста, проворачивающего на костре умерщвлённых младенцев. Видимо, я побелел, как мел, потому что гостья попросила Катину маму назвать точную сумму, которая была у неё в кошельке до факта воровства. Ольга Александровна попыталась всё перевести в шутку, однако демос – тот самый народ – потребовал сатисфакции – то есть удовлетворения требования додельной гостьи.

Мама Кати посмотрела на меня. Она отказывалась верить в возводимые на меня обвинения. Я вспомнил сцену из «Преступления и наказания» с подкинутой сторублёвкой, но там данный факт играл против героини, а здесь я должен был остаться чистым и невиновным. Однако я промолчал, и мама отвела от меня взгляд.

– Оля, скажи, пожалуйста, сколько – примерно! – денег было у тебя в кошельке?

Ольга Александровна замялась. Впоследствии оказалось, что она потратила почти все свои деньги на банкет, поэтому наличными у неё оказалось совсем ничего.

– Ой, да я не помню! – сообщила она мертвенной тишине собрания. – У меня в основном всё на карте (позже я узнал, что на карте у неё остались считанные рубли), – наверное, тысячи три.

– Три тысячи, хорошо! Давайте сейчас пройдем в твою комнату и посмотрим, сколько у тебя сейчас!

Самые заинтересованные зрители пустились в путь вместе с додельной соседкой, в то время как Катя испепеляла меня взглядом. Мама зашла в свою комнату и дрожащими руками взяла кошелек в руки. Открыла его и достала кипу купюр. Сверху в её ладони показались две тысячи с небольшим (маме было неудобно признаваться перед соседками, что у неё так мало наличных денег, ведь пенсия была всего пару дней назад, а все деньги были потрачены на собранный банкет).

– Сколько? Сколько там? – раздавались голоса окрест.

– Двенадцать тысяч триста рублей.

Все умолкли. Мгновение все стояли молча. Вдруг мама развернулась и пошла вон из комнаты.

– Что это такое? – строго спросила она у меня и предъявила перед моим лицом банкноты. Отпираться было бессмысленно.

– Простите! – возопил я, вскочил и схватил маму за плечи. – Простите меня, ради Бога! Я не хотел портить вам праздника! Я увидел, как много Вы для нас сделали! Как много угощений на столе! Как много званных гостей.

В этот момент я посмотрел на наглую гостью-счетоводку.

– Мне показалось, что Вы потратили последнее, чтобы сделать приятное гостям Вашей прекрасной дочери! Извините, я поддался искушению и попробовал отблагодарить Вас самым простым способом – это я положил Вам в кошелек десять тысяч! Простите, что всё сразу испортил!

Повисла совершенно невероятная пауза. И я понял, что от дальнейшего зависит вся судьба – и мамы, и Кати, и нашей гипотетической будущей семьи. Я вскочил на ноги (в какой-то момент я встал на колени и обнял маму за талию) и подошёл к той самой гостье, которая подняла волну.

– Простите и Вы меня! Я благодарен небесам, что есть такие внимательные подруги, как Вы! Но я клянусь, что я менее всего желал оскорбить или унижить маму столь прекрасной девушки, как Екатерина! Я благодарен Вам за публичную бдительность. И надеюсь, мне удастся искупить вину перед Вашим подозрением этим скромным подарком.

Я достал из рюкзака бутылку дорогого полусухого вина (я хранил его для мамы, но теперь-то оно бы точно разошлось по всем, неважно, кто бы его разливал) и вручил ей.

– Очень надеюсь, что и вы, дорогие собравшиеся, не имеете на меня обиды или претензии. Простите, если чем обидел. Но я должен сказать, что произошедший конфуз – исключительно из-за той прекрасной девушки, которая одарила своим девичеством ту превосходную даму, которая даёт ныне сей замечательный вечер.

Был полдень, но речь про вечер всем, по-видимому, понравилась. Я подбежал к маме и поцеловал её ручку. Довольная, она усадила меня рядом с собой.

– Сядь, Никитична! – она указала жестом на самое отдалённое место той самой соседке, которая подняла сыр-бор. Но та была и рада, потому что всё вышло так, что ей разрешили остаться, независимо от того, что она подняла

ложную волну, которая могла её саму и накрыть. И теперь мама спросила у меня, как у главного гостя: – Что будете?

Она указала на спиртные напитки, и я понял, что должен выбрать, что покрепче, дабы на мою сторону встала ещё и мужская аудитория. Я оглянул оком собрание и увидел загорелого мужчину с бородой-эспаньолкой. Его покер-фейс ровным счётом никак мне не помог, и я отрубил себе пути к отступлению:

– Пожалуй, можно водки.

Тот самый мужчина – им оказался дядя Толя – откупорил бутылку «Олимпиа» (не реклама – реальный факт, правда, другой) и налил мне доверху огромную рюмищу. В ней, казалось, могла поместиться литровая банка солёных огурцов, которыми мы закусывали. Я произнёс слезливый, но вдохновляющий тост, которым все оказались примирены, и готов был перейти на минералку, как дядя Толя налил ещё.

Ночевал я у будущей тёщи. Помню, как постоянно лез обниматься ко всем без разбора – к толстым и к худым мужчинам, к дородным женщинам, к будущим родственникам и к их соседям. Я шутил без умолку, и мне казалось, что моё остроумие всех завораживает и заставляет замирать от восторга. Впоследствии Катя расскажет эпохальную сентенцию от мамы, которая, глядя на меня, глядящего на неё, как Иван Васильевич на Марфу Васильевну, заметила вполголоса:

– Ты рассказывала, какой он умный, а так и не скажешь...

Катя хохотала до слёз, но я искренне верил, что это от моих невероятных по вдохновлённости шуток.

Утро было тяжёлым. Утром был аспирин.

Глава 22

Здоровый таксизм

– Может, ляжешь спать и доделаешь завтра? – на часах была половина третьего ночи. Заспанная Катя зашла ко мне в кабинет, но я остался непреклонным.

– Ложись, моя хорошая, я ещё посижу! – я обнял её и поцеловал через ночную рубашку в ребро. Катя ничего не ответила, мило, но устало улыбнулась и ушла.

Я работал по восемнадцать часов в сутки вот уже третью неделю. Вымучиваемый первый номер не мог не выстрелить. Потому что в противном случае мне надо было лечь в первую попавшуюся на улицу лужу и остаться там тихонько помирать. Потому что нервы, бессилие и бессонница можно пережить с деньгами, а с пустыми карманами полагается холмик и деревянный крест. Так что сильнее всего на свете в те дни мне жаждалась грудь в крестах, чем голова в кустах.

– Да чего ты так переживаешь? – удивлялась Катя в то утро, когда я собирался на презентацию первого номера журнала.

– Чего я так переживаю!? – вдвойне удивился я. – А ничего, что сегодня я начинаю дело всей своей жизни? То, чем я хочу заниматься постоянно,

вкладывать свои силы и энергию? А ничего, что я только недавно избавился от одного рабства и не хочу поступать в другое, если *моё* дело прогорит?

Я ударил себя в грудь.

– Вот я и переживаю. А ты бы не переживала перед своей первой своей выставкой?

– Да, – припомнила Катя, закусив в губах перевернутую вверх дном ложку, которой она ела йогурт, – перед первой своей выставкой я, кажется, волновалась. Но с тех пор у меня их столько было, что я поняла: паниковать нет никакого смысла.

– Тебе хорошо говорить, – бубнил я, одеваясь, – Ты уже известная и востребованная. А у меня от сегодняшнего дня много чего зависит – да буквально всё! В том числе и финансовая свобода – это тоже важно, чтобы детишек растить! Поэтому я и переживаю, как же иначе!

– Ой, птичка-говорун! – защебетала Катя. – Какие детишки, ты мне даже предложение не сделал.

– Вот именно! Чтобы и кольцо купить, тоже вот деньги нужны. А будут ли они – зависит от того, примут мой журнал или нет.

– Что ж ты такой меркантильный и не таинственный! – сжурилась Катя. – Прямо даже противно! Вот прямо взяла бы вот этими руками и защипала тебя, дурня такого!

– Главное – нигде не испачкаться! – думал я о своём, пропустив мимо ушей Катину угрозу.

– Ой, дай я тебе галстук поправлю! – она призвала меня к себе и нечаянно задела рубашку ложкой с йогуртом.

– Ну вот, я как в воду глядел, – в кроткой истерике выпалил я, – вот этими самыми твоими руками.

Схватил тонкие запястья и... поцеловал их поочерёдно.

– Она тебе всё равно не шла! – подбодрила меня Катя.

– А что же ты раньше мне не сказала? – вопрошал я уже из спальни.

Катя ничего не ответила. Спустя полминуты она спросила:

– А что будет, когда первый номер твоего журнала признают? Я имею в виду: как дальше потечёт твоя жизнь?

– Дальше? – я и сам задумался. Похоже, этот вопрос впервые возник в моём сознании. – Гм. Даже не знаю точно. Наверное, я соберу штат и сниму офис. Мы будем там работать, а параллельно я буду встречаться с разными людьми и писать про разные старые и новые вещи. Вообще, я вижу наше будущее во вполне оптимистичном свете.

– И мы так и будем жить здесь? Не переедем на море?

– На море? Ты имеешь в виду в Крым? Да, было бы неплохо!

– Неплохо? – переспросила Катя.

– Конечно, это было бы чудесно и здорово! – поправился я. – Но на море нужны деньги. Даже если я продам эту квартиру, нам вряд ли хватит на половину нормального дома. Ты же не захочешь жить в квартире и добираться на море на машине. Если мечта – то по максимуму! Значит, это должен быть дом у моря. А на него нужно минимум пять миллионов. А у нас будет в лучшем

случае два с половиной. Вывод: за ближайшие пару лет мне нужно заработать недостающую разницу. А это – сто тысяч в месяц без учёта питания, одежды и развлечений.

– Какой ты меркантильный! – Катя даже сжурила глаза, так она ненавидела во мне эту черту. Хотя в большинстве случаев это были напускные упрёки.

– Меркантильный? Я просто реалист. Каждый взрослый человек, который собирается или уже обеспечивает свою семью, в той или иной степени *таксист*.

– Таксист? – не поняла Катя.

– Да. Человек, который гонится за выгодой, экономит на всём и мелочен, по твоим понятиям. Я однажды ехал с таким. Тогда ещё можно было подсаживать пассажиров по пути. И вот мы отъехали только что, как я вижу – на остановке мой одноклассник стоит. Мы с ним лет пять не виделись. Я, естественно, попросил остановиться. Оказалось, что нам ещё и по пути. Поболтали, обновили телефоны, он вышел за квартал до меня. А таксист мне и говорит: это всё здорово, что вы такие друзья-одноклассники, только вот ехало двое – за двоих и плати. Я даже с ума немного спрыгнул в тот момент. Как так? Одна поездка, один маршрут – а платить вдвое? Только за то, что он два лишних раза остановился? Это, конечно, нонсенс. Но в быту здоровый таксизм не помешает.

– Таксизм? – рассмеялась Катя.

– Ну я не знаю, как это лучше назвать. Вот даже и Пушкин, когда писал, что наши сети притащили мертвеца. Это дети – в испуге, в шоке, в мистическом ужасе и трепете. А тятя про себя думает, как теперь с этим трупом дело разгребать. Ведь заметут – как пить дать заметут. В нём латентный таксист в этом момент говорил. Но куда деваться-то! Волосы не руки – отрастут! – совсем не на той ноте закончил я свою тираду.

– Это что у тебя за присказки такие? – как бы даже поразила Катя.

– Я тебе должен по секрету сказать, – посвятительно спустился я на шёпот. – Я за собой такую особенность приметил. Стоит мне чего-нибудь запретного принять...

– Наркотики, что ли?

– Было пару раз. Или трижды. Так вот – ...я начинаю пословицами сыпать, как перечная мельница в сырный день.

– Ты и сейчас накуренный, что ли?

– Нет, сейчас я просто переживаю. Со мной такое тоже случается. Ну и тренируюсь в красноречии, конечно. Мне же сегодня понадобится произвести впечатление: публика будет важная. Кстати, я сегодня могу задержаться. Так что если что – ложись спать и не волнуйся, со мной всё в порядке.

– Вы там принимать что-то собираетесь? – насторожилась Катя.

– Конечно, нет! По крайней мере, я точно ничего не собираюсь. А что там остальные планируют – это их дело. Ладно, мне пора. Как я выгляжу?

Катя поправила мне галстук и поцеловала на удачу.

– Я позвоню. Пока!

– Пока!

Мероприятие, на которое я попал в тот вечер, напоминало нечто среднее между шабашем, вечеринкой рэперов и перекрёстной лекцией по инвестированию. Если же смотреть на это с физиологической или, скажем так, биологической точки зрения, то собрание больше походило на кунсткамеру разных подвидов животных людей. С одной стороны, были сорокалетние мужчины с шеей больше, чем голова, и золотой цепью больше, чем морской канат. С другой стороны, были семнадцатилетние девушки, настолько тонкие и высокие, что, казалось, их привели сюда, чтобы в определённый момент взять их и ими зашторить бархатные шторы под пятиметровым потолком. При этом тела этих девушек можно было скорее сломать, чем согнуть, настолько они напоминали в своей упругости ходящие зубочистки. Третью сторону представляли некрасивые, нестройные и не вписывающиеся в антураж мужчины неопределённого возраста. С одинаковой степенью уверенности их можно было отнести к поэтам-метареалистам, сутенёрам, нумизматам или дворникам, которых чья-то злая шутка вымыла и одела в нормальную одежду, чтобы посмеяться над всем собранием в целом.

Что там делал я – я не понимал вовсе. С таким же успехом я мог оказаться на футбольном матче или медицинском консилиуме. Сначала я даже подумал, что попал не на ту вечеринку. Однако вскоре увидел своих старых знакомых. Первым был борец сумо, он сам махнул мне рукой в знак приветствия, радушно поздоровался и даже приобнял. Насколько всё это не клеилось с той атмосферой, в которой прошла наша первая встреча, что мне вновь показалось, что вечеринка не та. Но затем появился старина Харви и парень, который раньше показался мне наркоманом. На этот раз он выглядел вполне спортивно, что вносило дополнительную струю сюрреализма во весь этот бедлам. Слепили крутящиеся неоновые лампы, в уши била стрёмная музыка, разносили шампанское с апельсинами.

Моя роль во всём этом безобразии оказалась сведена к тому, что меня один раз представили какому-то огромному хряку в малиновом пиджаке, на котором вполне можно фланировать за отсутствием парашюта. Я был представлен как «это тот самый парнишка, который делает “Ёрш”!». «Журнал, что ли?» – переспросил жирдяй и снисходительно протянул мне два пальца, которые я еле обхватил ладонью, после чего долго смывал с неё жир в туалетной комнате.

Презентация самого журнала совершенно затерялась на фоне музыкальных и гастрономических бесчинств, творившихся с начала вечера и далеко за полночь. Насколько я был тогда ещё молодым человеком, но это животное пиршество вызвало во мне сильное отторжение. Люди, как скот, дорвавшийся до кормушки, с чавканьем ели и с усердием пили, грязно обнимались и пошло танцевали. Всё это напоминало пир во время чумы, только признаков холеры в этой местности не было замечено лет двести как.

– Павел, а что с журналом? – поинтересовался я у того парня, который в первый раз показался мне наркоманом, а теперь выглядел подтянутым и собранным. В отличие от других он пил минералку “Perrier”, а бокал с шампанским брал в руки только тогда, когда того требовала ситуация или собеседник.

– Всё прошло успешно! – довольно громко прокричал он мне в ухо, чтобы перекрыть звучащую музыку. – Весь тираж раскуплен, все в восторге!

– Как в восторге? – поразился я. – Что прошло успешно? Разве презентация ещё не впереди?

– Какая презентация! – удивился в ответ Павел. – Да все, кому надо, уже вписались! Большинство сразу годовую подписку оплатило. Это же вопрос клуба, понимаешь? Мы создали ажиотаж, нагнетали его пару недель – а теперь празднуем!

– А как все в восторге, если его никто ещё не читал?

– Слушай, ты извини, – сообразил Павел, – но его не будут читать. Это же всё ради того, чтобы увидеть свои фотографии в следующем номере! Зря, что ли, тут фотограф шныряет? Он сегодня стоит дороже, чем твой дизайнер за месяц. Он потом, кстати, все материалы тебе вышлет, пусть твой человек их обработает. Это же *тусовка*! Ты совершенно верно угадал с рекламой салона «Роллс-Ройс» – это то, что надо, прямо в точку! Нужно ещё про яхты и бриллианты. Ткани и нити в пословицах и поговорках – это очень здорово! Люди смогут хвалиться новыми знаниями, что канитель – это тонкое золотое кружево. Это даже полезно для *этого* круга. Но всё, что не выделено отдельной врезкой или меньше шестнадцатого кегля, – ты меня извини, но это никто не будет читать. Преимущество демонической линии повествования в «Серебряном голубе» Белого от гоголевской традиции никого не интересует. У всех на уме инвестиции, ПИФы, курсы, индексы и прочее.

– Но вас же канитель и демоны заинтересовали! – я попытался схватиться за соломинку логики в обрисованной бессмысленной картине.

– Ну, во-первых, я должен был проинспектировать всё, что ты нам прислал, прежде чем пускать в тираж, ты должен понимать. А во-вторых, никто масок в этой игре не отнимал. Я вообще филолог по образованию, – он доверительно перешёл на шёпот, насколько это можно было так назвать в канонаде громоздуков. – Только чтобы зарабатывать много, нужно многим жертвовать. Меня вот вся эта обстановка изрядно достала. Все хвалятся новыми айфонами, молдингами, бизнесами, ***изнесами...*

Он так и сказал. Я даже сначала не поверил: настолько это не вязалось с тем его новым образом, в котором я его застал.

– ...Хочется сесть и уехать на электричке в деревню, чтобы искупаться в пруду голышом и подраться с кем-нибудь у костра, а потом пить самогон и закусывать червивыми яблоками...

Что-то я ничего не понимал в жизни в тот момент.

– Можно я к вам обращусь, когда мне понадобится свадебный кортеж? – ни с того ни с сего вдруг спросил я. – У вас, наверно, какая-то крутая машина?

– Обращайся! – спустя секунду поджатого подбородка ответил он. – Знаешь, ты мне нравишься! Ты настоящий и трудолюбивый! Это качества, которые в совокупности никогда не приносят успеха или богатства, – зато они сулят счастье. Как её зовут?

– Катиге! – с восхищением ответил я.

– Армянка? Гм, завидую! У них такие округлые бёдра...

Пока он вспоминал каких-то конкретных или просто типичных армянок, я всё же вернулся в прагматическое русло:

– Так а что мне делать дальше? Второй номер готовить? Мне же для этого надо офис снять и людей официально трудоустроить. Да и на первом номере я поиздержался с оплатой их работы...

– Да, да! – словно очнулся Павел. – Готовь и второй, и все последующие номера. Всё пиши и komponуй сам – журнал в твоём полном распоряжении! Если понадобится какая-то проплаченная статья – а я могу, например, публикацию о ком-то проиграть в карты, – я буду стараться заранее тебе сообщать. Ну и реклама, естественно, будет пока наша, с рекламщиком можешь пока не заморачиваться особо. Пусть на подхвате будет, если есть уже человек. А по деньгам – давай я буду просто на карту переводить, без этих тупых договоров. Давай я тебе сразу и за первый, и за второй номер переведу.

После необходимых расчётов Павел пожелал мне удачи и простился, на случай, если мы сегодня больше не увидимся. В результате моё дальнейшее присутствие оказалось добровольным, поскольку никакой презентации фактически не предстояло, а сам я никак не вписывался в собравшееся общество. Выпив в одиночестве два бокала шампанского, я мысленно пожелал всем доброй ночи и ушёл.

На карте у меня прибавилось двести тысяч. Итого накопилось порядка двухсот тысяч сорока рублей. И пускай мне предстояло расплатиться за уже проделанную работу моих друзей и обеспечить их заработок в будущем, я всё же не мог отделаться от приятно гнетущей мысли: что же мне делать с этими деньжищами!? Посчитав в уме, сколько из всей суммы причитается лично мне, я решил зайти в круглосуточный магазин электроники и купить Кате профессиональный зеркальный фотоаппарат. Несмотря на то, что она хвалилась успехами своих выставок, которые обеспечивают её всем необходимым и даже сверх этого, – фотоаппарат у неё был старенький.

Меня, правда, с порога осадили увиденные цены по двести и по триста тысяч рублей за камеру. Но я сориентировался и выбрал вполне пристойный вариант за сорок целковых. С новеньким «Кэноном» и купленной в соседнем магазине бутылкой «Массандры» я вбежал домой, но – Катя уже спала... Я накрыл её одеялом, сам сел на кухню и принялся жадно читать первый номер «Ерша», который я впервые держал в руках как распечатанное издание. Вскоре я напился ароматом типографской краски и лёг рядом с любимой. Её волосы приятно пахли её любимым шампунем, и я поймал себя на мысли, что вот это, наверно, и есть тот самый счастливый момент в жизни, когда можно взять и умереть. Впоследствии у меня таких моментов было четыре, и каждый раз на следующий день я благодарил Бога за то, что проснулся и жив. Точнее сказать – особенно благодарил Бога, потому что я каждое утро просыпаюсь и благодарю Его за жизнь и здоровье моих любимых и близких.

– «Какой же я жадина! – подумал я, когда сон уже овладел моей волей. – Надо было взять фотоаппарат за семьдесят! У него там что-то с матрицей лучше...». От плохих снов меня, кажется, спасло подсознание, которое в тот

момент парировало: «Зато ты прошёл до дома три километра пешком, чтобы сэкономить двести рублей».

– Здоровый таксизм! – подподсознание кинуло в меня последним осмысленным словосочетанием, и финальная доза мелатонина погрузила меня в крепкий и счастливый сон.

Глава 23 «Не повезло»

– А-а-а! Что это такое?

Я даже вскочил с кровати от Катиного крика.

– Что? что случилось?

Заспанный, прикрывающий бранные чресла одеялом, я выскочил в зал. Катя стояла у стола и держала в руках фотоаппарат, который я не стал дарить ей вчера, чтобы не будить.

– Это мне? – никогда ещё я не видел такого счастья в девичьих глазах.

Услышав крик, я испугался, что случился пожар или обрушение, но теперь успокоился и выдохнул.

– Ах, да! Я вчера не стал тебя будить... Это подарок тебе! «Кэнон Эос какой-там», 24 мегапикселя и... я пойду оденусь.

Но Катя не дала мне скрыться в спальне – она прыгнула мне на шею и закрутила вокруг оси, так что я споткнулся и чуть не упал.

– Это же зеркалка! – она водила передо мной камерой, и я впервые увидел профессиональный фотоаппарат без объектива. В магазине-то мне показывали уже собранные модели. А тут нутро устройства действительно блестело зеркалом.

– О, это он так выглядит? – неподдельно удивился я. – А как его собрать?

– Ну ты как маленький! – хихикнула Катя. – Вот так берёшь и ставишь объектив.

Она с элегантностью фокусника приставила объектив и прикрутила его к аппарату.

– Тут даже китовый объектив с зумом! – продолжала восхищаться Катя. А я, как инопланетянин, переспрашивал:

– Китовый? Что это значит?

– Ну, то есть стандартный, который идёт по умолчанию. Сюда бы ещё поставить портретник на триста миллиметров, да ещё со светосилой один и четыре.

– Чего-чего? – голый, не понимал я. – То есть тут объектив неправильный?

– Да нормальный объектив! – начала успокаивать меня Катя. – Просто в будущем мне хотелось бы нормальный объектив.

– О, Господи! – не выдержал я и упомянул имя Создателя всеу. Нереализованная идея купить фотоаппарат за семьдесят, а не за сорок, уже не вызывала такого чувства вины, как раньше. Напротив, я даже почувствовал некоторую толику обиды. Как если бы ты просил руки и сердца, а девушка ответила «да», но заметила, что обручальное кольцо могло бы быть побогаче.

Я собрал упавшее спросонья одеяло и побрёл назад в спальню одеваться. Успел умыться, сварить и выпить кофе, просмотреть несколько объявлений о сдаче офиса для журнала – а Катя всё что-то настраивала и периодически щёлкала фотоаппаратом. Эта картина меня невольно умилила, как будто она была ребёнок, доставший подарок из-под ёлки в Рождество.

И только, когда я помылся, побрился, надушился и оделся, Катя мимоходом спросила:

– Кстати, а как прошла твоя презентация?

Я чуть не поперхнулся.

– А ты не связала успешно прошедшую презентацию с твоим успешно освоенным презентом? – я заморгал от удивления. – Конечно, она прошла замечательно. Это всё равно, что боксёр поехал на важный поединок и вернулся на крутой тачке с кучей денег в чемодане из крокодиловой кожи, – значит, он победил! Как ты думаешь? Ну естественно, что всё прошло отлично! Как об этом можно было не догадаться!?

– Прости, – Катя прижалась ко мне, на секунду оставив подарок, – я забыла о том, куда ты вчера уходил. Только сейчас вспомнила и решила спросить.

Мои брови, как в мультфильмах, отделились от кожи и поднялись выше головы.

– Что ж, давай я напомню. Тебя зовут Геновефа до Момус, ты беглая гречанка, дочь местного царя, убитого заговорщиками⁴. Я тебя выкупил на Мальте у арабского купца, и теперь ты моя наложница и должна ублажать меня по первому требованию. Раздевайся!

– Дурак! – улыбнулась Катя и ударила меня кулачком в грудь, после чего с усилием освободилась от моих объятий и вновь уткнулась в дисплей фотоаппарата.

– Ты и это забыла? – как ни в чём не бывало удивился я. – И что, ты не помнишь, как я приказал тебе уволиться с работы, потому что я стал хорошо зарабатывать?

Катя перещёлкнула один из ползунков в камере, оценила результат и ответила, по-прежнему глядя в глазок фотоаппарата:

– А вот такого ты не мог сказать – потому что я ещё учусь. Это в жизни мы начали встречаться, когда я уже устроилась на работу и сидела, парилась в офисе с девяти до шести. А в этой твоей фантазии я ещё на пятом курсе и нигде даже не подрабатываю. Хотя в реальности я была официанткой.

– Да что ж ты всё разносишь между реальностью и вымыслом!? – вознегодовал я. – Ты можешь мне хоть чуть-чуть подыграть? Я прихожу ночью с подарком, не решаюсь тебя будить, потому что ты сладко спишь. А ты просыпаешься, будишь меня воплями индейца, выбежавшего из засады, и ещё поправляешь, что всё не так!

– Ну ладно, ладно, не бухти! – это, видимо, была попытка успокоить меня.

---

⁴ Геновефа де Момус – имя, упоминаемое в романе Фрэнсиса Скотта Фитцджеральда «Ночь нежна». – Редактор, которому до всего есть дело.

– Понимаешь, – рассуждал я, – в жизни людей интересуют только они сами и самые близкие люди. Это у нас вот так хорошо, что я люблю тебя, ты меня, и мы друг за друга, как за себя, переживаем. А ведь есть семьи, где каждый только свой личный интерес преследует. То есть судьба собственных детей-то их не интересует. А уж какая-то там книга – или даже жизнь других, чужих людей – это вообще пшик! Некоторые смотрят в окно, как в экран телевизора, и следят за судьбой других, как за скучной драмой за стеклом, которая их вовсе не касается. Поэтому – ну пусть всё, что здесь происходит, – это вымысел. Но это не больше, чем вымысел вся наша жизнь! Поэтому что ты всё придираешься: в реальности так, а не этак? Всё *так*! И, в конце концов, в каком свете ты меня выставляешь перед читателями, если я не могу сопоставить данные и допускаю в своём произведении внутренние противоречия?

– Точно, свет! – Катя оторвалась от глазка фотоаппарата и защёлкала кругляшами на корпусе. – У меня же ISO 800 стоит, а надо 200 хотя бы, ведь сейчас светло!

– И с кем я разговариваю! – в отчаянии всплеснул я руками и ушёл на кухню.

В душе я, конечно, радовался, что Катя так увлеклась подарком. Поэтому мой бубнёж был чисто напускным. Поставив кофе, я подошёл к ней, обнял и поцеловал в шею. Принял душ, с наслаждением выпил щедро сдобренный сливками кофе и оделся под “Whiskey, Beer & Wine” Бадди Гая. Так сказать, взбодрился по полной.

Вероятно, мой энтузиазм объяснялся тем, что моя профессиональная жизнь начиналась с чистого листа, который я мог сложить, как хотел, и на котором я мог написать, что хочу. В тот день я был совершенно счастливым человеком. Радовала погода, радовали люди на улице, даже все привычные «бремена» виделись сквозь жёлтые очки оптимизма. Плюс впервые в жизни я делал что-то общественно полезное, что к тому же доставляло и мне удовольствие и деньги.

В тот день я осмотрел четыре офисных помещения. Одно оказалось слишком просторным и дорогим, другое – маленьким и столь же дорогим из-за расположения в элитном районе. Из оставшихся двух я выбрал оптимальный вариант: ехать было не так далеко и практически центр. По крайней мере, владельцу всей этой истории было бы не стыдно завести приятеля на наш седьмой этаж, откуда открывался совсем не плохой вид на ресторанчик на крыше соседнего пятиэтажного особняка XIX века. К тому же наш скромный штат разместился бы здесь с запасом. Поэтому я, недолго думая, подписал договор аренды с первого числа и начал обзванивать своих друзей, чтобы из потенциальных сотрудников, которым много чего обещано, сделать их настоящими, которым много чего будет дано. Спустя неделю, когда были установлены рабочие места и компьютеры, я почувствовал себя ещё более счастливым человеком.

Время шло, и незаметно настала пора сдачи второго номера. Не могу сказать, что моя команда работала на износ или даже слишком уж болела за

идею, но все старались. Мне самому, конечно, приходилось оставаться вечерами, да и дома я часто засиживался допоздна. Но работа мне нравилась, и я занимался ею с энтузиазмом и восторгом неопита от журнального дела.

Меня откровенно тешила мысль, что большинство моих друзей по истечении месяца не смогут похвастаться никаким осязаемым результатом труда. Один перевыполнит план продаж и получит премию, другой увеличит оборот бизнеса на три процента. Но никто, встретившись случайно на улице, не сможет достать из портфеля реальный результат своих усилий за месяц. А я смогу показать с-пылу-с-жару-журнал и сказать: вот, это моё детище, это я написал и скомпоновал. И за год таких памятных плодов наберётся двенадцать, а за восемь лет – целая сотня, так что можно будет заставить целую полку в книжном шкафу.

Иногда я подходил к окну офиса и, глядя бесцельно на дороги и дома, думал: «Какой же я дурак был, что столько лет потратил на каких-то дядек, которые говорили, что и как нужно делать! Больше никогда, *никогда* в жизни я не буду заниматься тем, что не доставляет мне удовольствия!». Это была моя осень и мой год.

Мой – если говорить о карьере. О самореализации, о пестовании своего таланта, о продуктивной работе. Но в целом, семейном плане – это было *наше* лето и *наша* осень, и *наша* жизнь до скончания всех лет мировой истории! И я, видимо, плохо учил математику, потому что тогда мне казалось, что полнота наших душ с Катей – это двуединство. Какими мы были тогда детьми, не понимая, что с увеличением составляющих этого единства счастье, радость и гармония только расширяются. Что триединство, когда у вас рождается первенец, – это и есть настоящее счастье! А когда появляется второй ребёнок – всё вновь переворачивается с ног на голову, и ты думаешь: слышишь, первенец, как же мы жили в таком одиночестве без вот *этого* чада? И чем больше детей, тем благословенней твоя жизнь перед лицом Бога. Ведь если бы это было не так, Он бы не сделал продолжение и размножение исконным принципом самой жизни – говори о ней хоть в белковом, хоть в духовном смысле.

Так иногда я думал, глядя бесцельно на дороги и дома и пряча от посторонних глаз фотографию Кати, где она стоит на берегу моря у палатки и позирует в кадр. «Надо, наверное, тоже слетать на море», – думаю я и продолжал вперять взор на крышу особняка напротив, где молодая девушка посматривает на меня в ответ и улыбается. Тогда я прихожу в себя, улыбаюсь ей в ответ и отхожу в глубь офиса, чтобы вспомнить, что я подходил забрать распечатанный лист бумаги из принтера. Теперь, чтобы вспомнить, что я распечатал, я иду делать кофе.

«Кому же она позирует?» – кричит мне в ухо мелкий искуситель на одном плече, чтобы внести сумятицу в мой и без того неприбранный мозг. «Он тебя не слышит, – сообщает ему ангел на другом плече. – Он и меня не слышит». «У Кати та же фигня... – жалуется антипод. – Чую, немного у нас с ними работы будет – слишком самостоятельные, не повезло».

Глава 24

Грамотный дурачок

«... Он задел рукавом рубашки колючую проволоку и оцарапал руку в районе плеча. Невзирая ни на что, решительно оторвал ткань, застрявшую в шипах, и спрыгнул на асфальт с высоты двух метров. Приземлился он на территории трамвайного депо, которое в этот ночной час было безлюдно. Моментально оценив ситуацию, молодой человек пробежал вдоль стены до въездных ворот и быстро пролез вниз, где была щель, пробраться через которую, да и то с трудом, могла разве что собака. Но у Атмаргяна не было выбора – он протиснулся между воротинной и асфальтом, процарапав спину, и оказался на свободе – в индустриальном районе, где сейчас и души-то живой не было. Так что скрыться можно было без свидетельских глаз и до рассвета успеть добраться до какого-нибудь железнодорожного перегона, чтобы забраться в грузовой вагон и спрыгнуть километров через двадцать – ищи-свищи потом его!»

Так продолжилось описание злоключений моего героя, когда я вернулся к роману спустя месяца три или четыре после той достославной сцены, когда Джордж повис в метре от тюремной стены. Я даже придумал ему фамилию – Атмаргян, которую образовал от прочтения наоборот слова «грамота» и последующих простых замен для придания беглецу армянских черт. Но его побег виделся таким простым только в моей фантазии. В реальности – в той, театральной реальности – всё вышло совсем не так безоблачно.

Никто, конечно, не ожидал, что я так вдруг вернусь к своему сочинению. Поэтому рабочие сцены соорудили что-то похожее на дачу на шесте вокруг того места, где левитировал Атмаргян – он и сам не подозревал, что стал Атмаргяном. Он всё ещё был старым-добрым Джорджем, жильё для которого построили вокруг него, – это в некотором смысле был исключительный случай, когда именно гора пришла к Магомету.

Джорджу пристроили диван, который приподняли на домкратах для большего удобства, повесили телевизор и холодильник в жестовой доступности. К порезанной руке подвели катетер, через который кровь стекала в специальные ёмкости. По мере заполнения их снимали и отвозили в службу переливания крови. Теперь получить травму, связанную с большой потерей крови, в этом вымышленном мире было совсем не страшно: запасов было так много, что иногда актёрской кровью кормили цыплят-бройлеров на местной птицефабрике. Взамен Джорджу заливали в другую руку физраствор, вследствие чего он представлял собой небольшой химический заводик, который претворял одни органические соединения в другие посредством жалкой и ограниченной на тот момент жизнедеятельности актёра.

Поэтому, когда в моей фантазии Атмаргян просто спрыгнул на землю, как будто от предыдущих событий его отделяло меньше секунды, то в мире театральной постановки Джорджа с силой дёрнуло вниз, так что от него оторвались трубки и катетеры. А, кроме того, он пробил собой пол его импровизированной комнаты и перевернул диван, который полетел вслед за хозяином в образовавшуюся дыру. Но это даже не самое главное.

Дело в том, что втайне от всех Джордж по ночам встречал в своём скромном имении гримёршу. Они готовили и пили пунш, ели виноград и самозабвенно совокуплялись во всех позах, которые им позволяло стеснённое положение актёра в вымышленном пространстве. И когда я бестактным творческим импульсом сбросил его вниз, они как раз тешились второй раз за ночь, чтобы успеть проститься до рассвета. С точки зрения бедняжки гримёрши, всё это очень походило на то, что её вдруг бросили без объяснения причин. К тому же, свалившись через дыру в полу этой импровизированной избушки на куриной ноге из упрочнённого стального профиля, она больно ушиблась. Но самое страшное – оказалась совершенно голой посреди пустыря, куда на неожиданной шум уже стала сбегаться труппа. Девушка прикрыла свою наготу джорджевым, тоже упавшим вниз, одеялом и в слезах устремилась к себе в номер. С неизбежностью антракта вымышленный мир настигал ужасный скандал.

* * *

Ну вот как изменяют нормальные мужчины? Находят себе какую-нибудь прошмондовку и ходят к ней вместо рабочего обеда в понедельник, четверг и среду. Ненормальные мужчины изменяют не жёнам – они изменяют работе, условностям или традициям. Я вот, на правах главного редактора, уже на шестнадцатый рабочий день поддался томному искушению, которое по капле вкрадывалось в моё сознание, я изменил журналу! С романом...

Всё получилось как-то вдруг. Я сидел за компьютером в своём кабинете и подбивал компоновку статей. Практически всё было готово, оставались лишь штрихи, а до сдачи номера было ещё три дня. И я подумал: ну а что страшного будет в том, если я сейчас открою свою рукопись и напишу всего одну страничку? На это же не уйдёт много времени?

С расстучавшимся сердцем я осмотрел своих работников сквозь стекло директорского кабинета и как ни в чём не бывало открыл в текстовом редакторе черновик моего романа про офисную магию. Нелли, Атмаргян, ищущий его погубить губернатор – все они разом вспыхнули в амфитеатре моей памяти, и лишь черепная коробка скрывала свет софитов, которыми освещались декорации сюжета.

Я написал про побег Атмаргяна и подумал: на эту страничку у меня ушло совсем немного времени. Кто мне что скажет, если я напишу ещё одну? И вдруг действия вымышленного мира наплыли на меня, как река после порога. Я описал новый этап розыска. И то, как главный герой искал случая встретить Нелли и даже набрался наглости подобраться к её дому и подавать ей знаки, которые она, не ожидавшая их, естественно, не восприняла. Про то, как Атмаргян пробирался пешком и электричками, скрываясь от розыска. И как он успел провернуть на заказ ещё одну аферу, в финале которой его чуть не поймали, но у одного из полицейских хватило глупости объявить:

– Я уполномочен вас арестовать!

В этот момент Атмаргян применил свои способности, и страж правопорядка вместо того, чтобы достать наручники, оказался лежащим в луже.

– *Я упал, намочен!* – подсказал ему Антон, подразумевая, что именно он исковеркал во фразе «я уполномочен».

– Я упал, намочен! – повторил полицейский и даже как-то по-детски показал, в каком он неприятном положении.

– Что же вы стоите! – с укоризной воззвал Антон и помог ему встать. Другие полицейские, вместо того, чтобы задержать молодого человека, окружили своего товарища и начали его отряхивать и отирать. Атмаргян с до невероятности невозмутимым видом прошествовал дальше.

Прежде чем написать этот кусок, я перебрал с десятков вариантов, каждый из которых направлял сюжет и суть происходящего в совсем другую сторону. Сначала я думал «прочные» наручники превратить в «порочные», тогда бы Антона задерживала девушка-полицейский. Затем его должны были останавливать с помощью перцового баллончика, но *перчик* вдруг превратился бы в *персик*. В итоге черновой список идей словесных превращений растёкся до следующих пар:

Товар ищи – товарищи

Стимуляторы – симуляторы

Форточка – фоточка

Украдкой – укладкой

Штукатурка – штука турка

Мобильный – могильный

Щедрой – цедрой

Кашель – капель

Наполнить – напомнить

Дальше пошёл какой-то шлак не в тему:

Сказать – скачать

Каталог – кашалот

Старание – старение

Неотопляемая – непотопляемая

И даже: «и полита» – «Ипполита». Вроде: «И полита кровью...» – «Ипполита кровью...».

В какой-то момент полицейские у меня не *получали* зарплату, а *поучали* её – так вот прямо и стояли на улице и поучали банкноты, как маленьких детей. Но в итоге я остановился на формуле «упал, намочен». И когда Антон уже покидал обманутых полицейских, ко мне в кабинет вдруг вошёл дизайнер – я даже не успел закрыть файл на компьютере. Он пожал мне руку и попрощался до завтра. Оказалось, вместо одной странички я просидел над своим романом два с половиной часа, так что все уже стали расходиться по домам. Ощущение морального падения овладело каждой клеточкой моего тела. Но, в конце концов, настоящий мужчина – альфа-самец, ему хочется написать и этот текст, для журнала, и этот – для романа, и все словесные созвучия манят писателя, как ловеласа стройные ножки в обрамлении юбок, платьев и джинсовых шорт.

Когда вечером Катя спросила, почему я так поздно, я честно ответил, улыбаясь, как кот на блины со сметаной:

– У меня сегодня было два романа!

Поняв, о чём речь, Катя прижала моё лицо к груди и погладила по спине, как будто я был жизнерадостный дурачок, который и мухи не обидит и которого так приятно обнять и пожалеть.

– Ах ты мой грамотный дурачок! – вздохнула Катя и приказала идти мыть руки: она уже дважды разогрела ужин.

Глава 25

Ванильная неделя

День выдался тяжёлым, но очень приятным. С вечера и до самой ночи мы собирали чемоданы. А встать пришлось в начале четвёртого утра, чтобы успеть в аэропорт вовремя. Спустя три месяца упорной работы и появления третьего номера «Ерша» я, наконец, решил устроить нам двоим отдых и купил тур в Египет, потому что в ноябре самое близкое тёплое море было только здесь. К тому же я хотел отпраздновать день рождения Гребенщикова – я делал это 27 ноября каждого года уже несколько лет – и хотелось из сугробов среднерусской возвышенности перенестись куда-нибудь под хургадскую пальму, чтобы безлимитно пить коктейли и слушать «Аквариум».

По дороге в аэропорт Катя немного поспала, а когда проснулась – я стал сыпать фактами, которые сам недавно узнал при подготовке номеров журнала. Мне это было нужно, чтобы не заснуть, и Катя героически слушала мои истории.

– А ты знаешь, что в славянском пантеоне богов случайно появился новый божок, когда древнерусские рукописи стали изучать поляки?

Катя упирала виски в напряжённые пальцы, но меня было не остановить.

– В одной из летописей описывался идол Перуна в Киеве, что у него ноги деревянные, грудь медная, а ус золотой. В славянском тексте было «ус злат», то есть золотой ус. Однако поляк, который переписывал рукопись, превратил эту характеристику в нового бога с именем Услад. Вроде как сладкий, улащающий. А другие исследователи, не обращаясь к первоисточнику, развили эту тему и нафанатазировали, что был Перун и Услад. И что в честь этого Услава устраивались праздники урожая солода, варили пиво и устраивали некий аналог древнегреческих вакханалий.

– Зачем мне всё это знать? – вопрошала Катя, а я ей отвечал, чтобы не уснуть, потому что кофе уже не особо действует.

– Или вот ты слышала выражение «а ларчик просто открывался»? – И, не дождавшись ответа, начал объяснять: – Все думают, что открыватели пытались обойти некий сложный, как они считали, замок или запор, а механизм оказался чрезвычайно простым. Вроде защёлки какой-нибудь. А на самом деле логическое ударение приходится на слово «открывался». То есть ларчик вообще не имел никаких замков и защёлок – он *просто открывался!*

Эта история, кажется, понравилась Кате, но отреагировала она весьма сдержанно. На третьей истории она безразлично хмыкнула, на четвёртой вздохнула, а когда я стал рассказывать пятую, то осекла меня:

– Стоп! Остановись, пожалуйста! Я не хочу слушать все эти бредни про то, что учёные синтезировали унунсептий, что у Путина и Лаврова одинаковые

часы и что Тула неделю была столицей России, пока там сидел Лжедмитрий! Давай просто доедем до аэропорта, долетим до моря и, когда я искупаюсь в лучах заходящего африканского солнца, ты расскажешь мне и про значение фамилий русских художников, и про степень остроты индийских перцев, и про шкалу измерения боли – и про всю ту лабуду, которой ты пичкаешь мне мозги последние полгода!

В конце Катя перешла на театральный крик, и я столь же театрально осёкся. Как ребёнок, которого ругают за таскание конфет, а он всё равно лезет в коробку.

– Ладно, ладно! – пытался я сгладить углы. – Давай послушаем музыку...

И я потянулся к магнитоле, чтобы нажать кнопку, как Катя запротестовала ещё пуще:

– Не надо никакой музыки! – она даже шлёпнула меня по руке. – Во-первых, ты опять поставишь своих британцев. А, во-вторых, снова начнёшь рассказывать, что Эрик Клептон написал «Лейлу» в честь уведённой им жены Харрисона, что «Джефферсон Эйрплейн» – это сленговое название переломленной спички, которой удобно держать почти докуренный косяк, что лидер «Май Монинг Джекет» нашёл кожаную куртку с такой аббревиатурой в сгоревшем пабе. Не надо! Давай просто доедем, и ты не будешь любить мне мозги!

– Да ты вообще так не говоришь! – не выдержал я. – Ты и выражений таких не употребляешь: «любить мозги»...

– Вот именно! – подтвердила Катя. – Теперь ты понимаешь, как мне теперь, вот в данный конкретный момент, неудобно перечитывать все твои вымыслы, потому что я *не такая*. Делаешь из меня какого-то монстра. А скажи: тебе самому не надоела вот эта *кроссреальность*, как ты её называешь?

– В каком смысле?

– Ну вот ты сейчас сам осёкся: мол, я так не говорю. Обычно я тебе ставлю это на вид, а то ты сам теперь.

– Да ну брось! Это же всего лишь фишка. Ты же художница, должна знать. Далй всё время ягодицы на полотнах растягивал, Пикассо людей уродовал, а Рябушкин всё время красным рисовал.

– О-о, опять ты про своего Рябушкина! – Катя схватилась за висок. – Чем он тебе так нравится?

– Полноцветием, Катюш, полноцветием! У него всё – как в детских мультфильмах: красный, жёлтый, зелёный, синий. Он настоящий художник с иконописным складом ума. Причём у него краски – ближе к тибетским росписям – живые, яркие. Сейчас в такие цвета детские сады и школы стали раскрашивать. А знаешь почему? Потому что в условиях восьми месяцев холода яркие цвета – едва ли не лучший подниматель настроения. А как в нашей стране без хорошего настроения прожить? Вот поэтому Рябушкин – наш главный живописец! Не Репин, не Васнецов, не Саврасов! Кстати, знаешь, что значит фамилия Саврасов?

– Да знаю, конечно!

– А Кустодиев?

– А-а-а! – завопила Катя и вознесла руки горе. – Да ты мне все ужи прожужжал своими живописцами. Расслабься, отдохни, просто ничего не делай, попей пива!

– Ёжи? – с улыбкой переспросил я.

– Что?

– Ёжи? – повторил я и вопрос, и улыбку.

– Что «ёжи»? – вновь не поняла Катя.

– Ты только что сказала «все ёжи прожужжал».

– Ты издеваешься? Я сказала «уши».

– Неа! Перечитай тот абзац – ты увидишь там «все ёжи прожужжал»!

– О, Господи! Опять ты со своей лабудой. Это ты, наверное, сначала опечатался – вместо «уши» написал «ужи». А потом решил: вот, сделаю-ка я из всего этого аттракцион! Как будто я действительно так сказала, а что написано пером – не вырубишь топором. Вот твою бы энергию – да в нужное русло!

– А чем это моё русло ненужное? – возмутился я.

– Я так тоже могу рассуждать, – Катя подошла к спору с другой стороны: – почему ты написал «ёжи»? Почему «у» с двумя ударными?

– Потому что я не нашёл «у» с одним ударным знаком, – был вынужден признаться я.

– Вот, – заключила Катя, – значит, ты изначально рассчитывал на печатную версию. Чтобы люди прочли именно «ёжи», а не «ужй».

– А ты почему букву «и» написала с ударением не в ту сторону?

И понеслись наши любовные воркования, несмотря на то, что стороннему наблюдателю могло показаться, что мы ссоримся. Ведь разве могут браниться те, кто через каждые десять минут говорит:

– Смотри, вон то облако похоже на ягуара!

Или:

– Какая всё-таки красивая здесь природа!

Или:

– А если я умру, ты через сколько женишься?

– А ты замуж через сколько выйдешь?

– Я тебя долго не смогу забыть – дней семь!

И мы смеялись и кротно целовались, как-то неловко и нелепо, чтобы я не отвлекался от дороги.

В аэропорте мы дурачились, словно малые дети. Сначала мы, вместо чемоданов, попросили обмотать нам лентой ноги по пояс, и потом быстро-быстро перебирали ступнями, как будто торопились на вылет. Пассажиры вокруг озирались на нас, кто-то даже снимал на камеру. А мы, разрезав ножницами путы, шли в кафе и мороженым пачкали друг другу носы. Затем переходили в зал ожидания, Катя садилась первой, а я забегал через пару минут и громко объявлял:

– Девушки, я только что вернулся из Китая, не обнимался полгода, можно с кем-нибудь обняться?

Все, разумеется, хихикали и молчали, а Катя по небольшом раздумьи поднимала руку, и я бежал к ней. Сначала мы целомудренно обнимались, потом нецеломудренно, затем вовсе начинали целоваться и в конце я уводил её прочь.

Когда мы прошли таможенный досмотр и паспортный контроль, я как бы невзначай заметил:

– О, дюти-фри! – и повёл Катю туда. – Ты только ничего не говори, я сам всё скажу.

Мы заходили внутрь, и я, улыбаясь по-котовски, говорил первой попавшейся девушке на кассе, коверкая слова:

– Hello! How are you?

– О, hello! – отвечала девушка. – I am fine, thanks! And you?

– All is great, excellent! – я продолжал гнуть иностранную линию. – Have you ten years old “Laphroaiq” whisky?

– Of course, there! Eighty five dollars!

– Ok, keep money! – я протянул ей стодолларовую купюру. Кассирша отсчитала и передала сдачу и чек.

– Where are you from?⁵ – спросила, наконец, она, видя, что моя спутница упорно молчит. Действительно: откуда могут быть иностранцы, так похожие на русского и армянку?

– It’s near from here! Only one hundred and eighty kilometers... – на этом месте я взял паузу, делая вид, что вспоминаю слово, и договорил по-немецки: ...nach Süden!⁶

И тут же переспросил у Кати:

– Как это по-английски?

Но не успела она ответить, как девушка рассмеялась:

– Так вы что, русские?

– Ну конечно! – подтвердил я. – Мы же на отдых летим, надо как-то готовиться к веселью! У вас, кстати, есть шампанское не с вылетающей, а с завинчивающейся пробкой? Обычно маленькие такие бутылочки – 0,187 миллилитров. У меня такая ставка в университете была, когда я после защиты там лекции читал. Не верите? Серьёзно!

– Миш, ну перестань выпендриваться! – вмешалась Катя. – Ну зачем нам какие-то маленькие бутылочки? Давай обычное шампанское возьмём на вечер, и всё!

– Обычное мы обязательно возьмём! – удивился я. – Но и две маленькие бутылочки нам обязательно понадобятся, уж поверь мне!

Наконец, погромыхая запечатанным пакетом с бутылками, мы добрались до посадочного терминала и прошествовали в самолёт с

---

⁵ – Привет! Как вы?

– О, привет! Я отлично, спасибо! А вы?

– Всё отлично, великолепно! У вас есть десятилетний виски «Лафройг»?

– Да, конечно, вот! Восемьдесят пять долларов!

– Хорошо, держите деньги!

– Откуда вы? (англ.)

⁶ – Это недалеко отсюда! Всего сто восемьдесят километров... (англ.) на юг! (нем.)

невероятным воодушевлением. На входе в салон Катя, правда, упрекнула меня в том, что я строил глазки стюардессе и даже успел с ней о чём-то пошептать, но я сделал мину благочестивого негодования и заверил, что это всё показалось.

На самом деле я познакомился со стюардессой Светой в интернете ещё за месяц до полёта, как только стал известен номер рейса, которым мы полетим. Более того, я отправил ей немалую сумму денег за одну услугу и за один предмет, который я попросил пронести её на борт. Точнее, предметов было два. Один я купил ещё раньше и отправил Светлане через службу доставки. А второй попросил купить самой и всё это пронести на борт. Уступив моим уговорам, она согласилась выручить меня и даже хотела вернуть деньги за услугу, но я настоял, чтобы она их приняла в качестве благодарности. Так что, девушки, когда вам говорят: показалось! – не верьте: вам никогда *не кажется!*

Но в тот момент мы просто прошли с Катей к своему ряду и заняли места. В билетах у нас значились места по центру и ближе к проходу, место у окна было занято кем-то ещё. Но я сразу же подвинул Катю к иллюминатору и шёпотом пояснил:

– Садись, садись туда! Дело в том, что тебе действительно не показалось по поводу стюардессы! Я ей передал крупную сумму денег, чтобы она заперла на весь полёт нашего соседа в туалете, так что ты можешь всё время любоваться видами! Не благодари!

– Но как? – сопротивлялась Катя. – Сейчас же кто-нибудь зайвится сюда, и нам придётся двигаться обратно!

– Да никто не придёт! – уверял я. – Мне как раз стюардесса и сказала, что соседнее с нами место никто не займёт, потому что человек вернул путёвку! У них же в списках вся информация по пассажирам!

– Ты правду мне говоришь? – не верила до конца Катя.

– Ну, конечно, правду! Или ты думаешь, она мне вместо этой информации ухо лизала десять секунд? Хотя... была бы неплохая традиция! – мечтательно заметил я.

– Дурак! – Катя ткнула мне в грудь кулаком, но без злобы. – Учти, если человек на это место придёт – я ему всё перескажу, что ты мне тут наговорил!

– Договорились!

Спустя некоторое время самолёт выехал на взлётную полосу, стремительно разогнался и взмыл в воздух, заставив все человеческие страхи упасть глубоко в пятки. Когда мы поднялись над облаками и все пассажиры понемногу расслабились, Катя вновь ткнула меня в бок:

– Вы что, опять перемигиваетесь!?

– Да! – конспиративным шёпотом признался я. – Давай договоримся так: когда мы достигнем высоты в десять тысяч метров, я тебе всё объясню! Хорошо? Потерпи немного, скоро всё встанет на свои места!

И я поцеловал её в ледяные губы, которые она не хотела мне давать, но я взял их силой. Одной рукой схватил обе её руки, другой властно повернул голову и поцеловал в губы, желавшие казаться чужими. Но совсем скоро по громкой связи объявили, что полёт совершается на высоте десяти километров и

пожелали нам приятно провести время. Тогда я отстегнул ремень, поцеловал Кате запястье и пошёл по проходу к той самой стюардессе. Она взяла микрофон и попросила минутку внимания:

– Уважаемые пассажиры! Сегодня у вас есть уникальная возможность стать свидетелем события, которое редко совершается на борту воздушного судна. Молодой человек по имени Михаил займёт у вас не более тридцати секунд.

И Светлана отдала микрофон мне. Я окинул взором сотню вперившихся в меня глаз и обратился к Кате:

– Любовь рождается не в парках,
Не в офисах и не в кино –
В воздушных триумфальных арках
Любовь сплетает нас в одно!

Несколько месяцев назад я встретил прекрасную девушку Екатерину – вот она одиноко сидит в седьмом ряду! Милая, нежная и ненаглядная моя Катюшка! Я хочу при свидетелях признаться тебе: я тебя очень люблю! И я набрался смелости на высоте в десять тысяч шагов от земли просить у тебя руки и сердца!

Я отдал микрофон стюардессе и стремительно пошёл вперёд, к Кате. В руках у меня был футляр с золотым кольцом, которое Света пронесла в самолёт, чтобы его при проверке не обнаружили у меня, что расстроило бы весь сюрприз.

Я встал на колени, протянул Кате футляр и громко спросил:

– Екатерина Сергеевна Полосина, ты выйдешь за меня замуж при свидетельстве небес и двухсот пассажиров?

Она еле сдерживалась, чтобы не заплакать, приставила ладони к щекам и кротко ответила:

– Да.

Тогда все присутствовавшие разразились аплодисментами, кто-то даже присвистнул, а я достал кольцо из коробочки и торжественно надел его на тоненький безымянный Катин пальчик. Всё ещё не понимая, что происходит, моя возлюбленная смотрела на пять выстроившихся в ряд фианитов, пока я наконец, не поцеловал её в губы – оттаявшие, тёплые, такие родные и любимые. Катя всё-таки не сдержалась и заплакала. Стюардесса поднесла мне букет, и я вручил его своей уже невесте.

– Ну вот видишь, – с улыбкой заметил я, вытирая ей слёзы, – я же говорил, что, когда мы взлетим высоко, я тебе всё объясню. Вот почему мы перемигивались со стюардессой. Познакомься: это Светлана. Именно она пронесла на борт букет и кольцо, чтобы при досмотре оно у меня вдруг не обнаружилось.

– Спасибо!

Катя расплакалась ещё пуще, завернулась в меня, как в плед, так что, получается, я всю её обнял.

– А третье место я просто выкупил, чтобы нам никто не мешал. Медовый месяц у нас ещё впереди, так пусть это будет, скажем, ванильная неделя!

– Почему «ванильная неделя»?

– Ну, надо же какое-нибудь название придумать! Медовый месяц есть – это когда молодожёны улетают праздновать свадьбу. А вот термина для отдыха, во время которого будет предложение руки и сердца, нет. Так кому, как не нам, давать имена новым явлениям, которые мы сами и творим! «Ванильная неделя». По-моему, звучит!

Катя ещё раз меня обняла, после чего мы совершенно непристойно целовались две минуты подряд.

– И, кстати, видишь: нам пригодились два шампанских с откручивающимися крышками!

Катя рассмеялась, а я полез в пакет, чтобы достать игристый напиток и открыть его без лишних глаз и возможных упрёков.

Глава 26

Анекдоты, огурцы и дартс

Из самолёта мы вышли совершенно счастливые. Будто весь Египет встречал нас одних, а мы были президентом и первой супругой какого-нибудь государства. Впрочем, кроме обычного в таких случаях автобуса и одного загорелого сопровождающего, нас никто и не встречал. Но нам казалось, что все вокруг нам улыбаются и немного завидуют – разумеется, белой завистью. Правда, в конце часового путешествия до отеля многие подустали и улыбались уже не так самозабвенно, как раньше. Но нас было не одолеть никакой усталости и ни одному мало-мальскому расстройству. Мы плыли в самолёте, плыли в автобусе и продолжали плаванье по холлу гостиничного комплекса. На радостные подрагивания наших плавников раскрывались стеклянные двери отеля, а пальмы вокруг вторили нашему восторгу от пребывания в поднебесной тверди, доверху наполненной легчайшей водой, больше напоминавшей эфир или, в крайнем случае, воздух, тоже пригодный для нашего счастливого дыхания.

Закинув чемоданы в номер и осмотрев на скорую руку наши апартаменты на ближайшие десять дней, мы побежали на море. На берегу ещё оставалось полдюжины запоздалых отдыхающих. Катя разрезала их общество стремительно и беззаветно. Она с разбега прыгнула в объятия волн и поплыла к буйкам и дальше за них. Пару раз она махнула мне рукой:

– Плыви сюда!

Но, видя, что я не зашёл в солёную воду дальше, чем по пояс, вернулась обратно:

– Ну ты что! – она обняла меня, и моё тело обдало жгучей прохладой горячего моря. – Пошли поплаваем! Неужели ты не хочешь?

– Хочу, – признался я, – только вот есть одно обстоятельство... Я не умею плавать и боюсь воды.

– Что? – Катины глаза разрослись до двух чайных блюдец. – Ты не умеешь плавать? Ты серьёзно?

– Да! И мне сейчас очень страшно здесь стоять! Это для меня подвиг – и только потому, что ты стремительно побежала к волнам, я даже испугался...

– И ты бросился меня спасать? Не замочив плавки? – в её голосе всё отчётливей звучали нотки укора. Казалось, она не вполне ещё верит услышанному, и сейчас я скажу, что пошутил, и мы поплывём вместе. Но мне суждено было разрушить её надежды:

– Просто я очень испугался за тебя! Волны такие большие, а ты такая... лёгкая!

– Ты хотел сказать: маленькая? Тебе не нравится мой рост? – Катя обижалась всё больше.

– Очень нравится! – глупо отвечал я, продолжая прижимать её к себе, так что Катя не касалась дна.

– И как бы ты меня спас, если не умеешь плавать? – она поспешила избавиться от моих объятий. – Почему ты сразу не сказал, что не умеешь плавать? Зачем ты вообще организовал эту поездку?

– Потому что ты любишь море, а я люблю тебя! И мне будет достаточно бассейна при отеле.

– И бара, да? – Катина укоризна росла с каждой фразой, и я постарался как-то разрядить обстановку.

– Не такой уж я ебара...

Катя сначала не поняла, а затем деланно отстранилась, хотя невольная улыбка пробежала по её лицу:

– Дурак! – она даже ударила меня кулачком в грудь. – Ладно, позже поговорим! Я ещё раз искупаюсь, и пойдём на ужин!

Минут десять я бродил по береговой линии, позволяя волнам накрывать мне ступни, но не выше. И любовался – не без переживаний, конечно, – как Катя плавает в лучах заходившего солнца, боровшегося с небрежными линиями волн. Вскоре она вышла, наскоро вытерлась полотенцем и переделась в соседней будке. И прямо с купальными принадлежностями в пляжной сумке мы засеменили в ресторан, так как прилетели поздно и все отдыхающие уже успели поужинать. Ждали только тех пятнадцать человек из новой партии, которую доставил автобус к отелю «Talasso & Spa 5*». Да и из них многие трапезу предпочли солёному десерту жизни.

Между тем, практически со всеми, кто ехал с нами в автобусе, мы успели познакомиться, поэтому ужинали весело. Улыбались, чокались, улыбались повторно. Впоследствии Катя вспоминала – это ей почему-то особенно врезалось в память, – что никогда бы в жизни она не подумала, что я буду так много есть! Честно говоря, я не обращал на это внимания, может быть, действительно ел больше обычно. Но ведь бесплатно же! Чего бы не взять себе ещё тушёного с помидорами мяса, если вот они, десятки блюд, – лежат перед тобой, съешь их все! И чего бы не выпить побольше, если завтра не нужно вставать по будильнику?

В баре вся наша группа заказала коктейлей. Дамы томно спрашивали белого сухого вина, в то время как кавалеры торопились умять сначала виски, а затем ром – всегда с кока-колой! Я бы не был исключением, ведь арабский виски – это примерно то же самое, что деревенская кашаса где-нибудь в Рязанской области. Разве что рязанский яблочный самогон на порядок чище,

так что это его, скорее, нужно пить из фужеров, чем достославный «гарун-ибн-виски».

Говорят, что многие маньяки даже в присутствии потенциальной жертвы могут держать себя в руках. Но случись какая-то деталь, которая приводит в действие механизм его больной психики, – и вот его уже не остановить! Увидит какую-нибудь полоску на чулках – и всё, уже в руках себя держать не может – преследует жертву, пока не дойдёт до тёмного переулка или лесной просеки. Я вот тоже могу себя вести вполне пристойно. Но стоит кому-то рассказать заезженный анекдот – всё, как с цепи срываюсь! Начинаю измываться и юморить, как самый настоящий маньяк. И надо же – случилось такое, что один из туристов рассказал анекдот про пациента, который на глазах у докторов выпивает рюмку коньяка, закусывает огурцом и начинает бегать по потолку. Все врачи, конечно, в шоке: как же так можно закусывать коньяк огурцами? Робкий, негромкий смех из вежливости.

– Ахахах! – деланно просмеялся я, но виду, что смешно, не подал. Напротив, нахмурил брови и спросил: – И вот люди изобретали крылья, падали с обрывов, разбивались в деревянных фюзеляжах – наконец, изобрели авиалайнеры, чтобы мы всего за четыре часа попадали из восточной Европы в Африку, – лишь для того, чтобы ты рассказал этот анекдот?

Сколько бы я ни хмурился, все рассмеялись, включая предыдущего рассказчика.

– А ты знаешь анекдоты лучше? – это прозвучало как вызов, и я его принял.

– Я знаю всё про огурцы, но прежде – я раздавлю тебя своими юморесками! – я взял особый аккорд на слове «юморески». Все опять рассмеялись.

– Ну давай! – подзадорил кто-то.

– Хорошо! – с готовностью ответил я и приосанился. Мы уже сидели на плетёных креслах вокруг овального стола, заставленного стаканами.

– Только не это! – Катя закрыла глаза руками, но я театрально воскликнул:

– Ну уж нет! Если публика просит – я не могу молчать. Итак, первый анекдот – короткий, для прекрасного пола.

Одна женщина говорит другой:

– Все мужики пьют.

А та ей отвечает:

– Мой ещё и ест!

– Аплодисменты! – приказал я, и сама эта прибавка к анекдоту заставила людей рассмеяться вдвое задорнее. Некоторые за столиком, действительно, зааплодировали.

Кате я между делом, но так, чтобы все слышали, пояснил:

– Это подсказка людям! Если не сказать, что это шутка, то все такие: «Да, ещё и ест, точно, так и есть». А вот скажешь: это анекдот такой, – все и смеются: «Да, ещё и ест, ха-ха!». Так, ладно, быстро все выпили – и второй анекдот.

Я ускоренно со всеми чокнулся, так что и остальные пришли в движение.

- Ответный анекдот – для мужчин.
- *Слышал, Петров свою жену бросил? Пять лет дали!*
- *Как так? Я своих жён трижды бросал – и ничего!*
- *А ты с какого этажа?*

На этот раз рассмеялись только мужчины – женщины укоризненно заулыбались.

– Ладно, дамы не обижайтесь, это всего лишь анекдот. Но вот есть факты науки – надо же юмор перемежать с новыми знаниями, правда? Так вот. Британские учёные выяснили, почему мужчины в среднем живут на пятнадцать лет меньше женщин. Знаете почему? *У них нет жён.*

Мужчины вновь рассмеялись, а я попробовал выправить ситуацию с перекосом в сторону шовинизма.

- Ладно, вот теперь анекдот, где мужчина больше страдает. Слушайте!

Сидят старик и бабка в избе. Бабка и говорит:

– *Слушай, дед. Вот мы с тобой такие старые уже. А давай – молодость вспомним? Ты меня на свидание пригласишь, а?*

- *Ну давай! А куда пойдём?*
- *Да вот на завалинку пойдём!*
- *Ну давай! А во сколько?*
- *В семь часов.*
- *Хорошо!*

Дед побрился, брюки и рубашку достал, погладил. Одеколоном надушился. Пришёл в полседьмого на завалинку, ждёт. Семь часов, бабки нет. «Ну, – думает, – кокетничает». Полвосьмого нет. Восемь часов – нет. Полдевятого – нет! Дед дождался девяти и пошёл домой. Заходит в избу – а бабка за столом сидит, чай пьёт.

- *Бабка, ты чего на свидание не пришла?*
- *А меня как будто мамка не пустила!*

На этот раз раздался настоящий гогот, и я почувствовал, что вечер – мой. Поэтому решил немного пожестить, о чём честно предупредил. Разумеется, после того, как попросил официанта принести нам дюжину бокалов белого вина и джин-тоника, за что удостоился новой волны одобрения.

– Хорошо. Если вы не против, я вам расскажу чёрный анекдот с неожиданной концовкой. Да?

- Да! – раздался дружный клич.

Бежит человек на трамвайную остановку и не успевает: двери закрываются, и состав уходит. Бежит он дальше, вслед, стучит по вагону и вдруг – спотыкается, падает на рельсы, и ему отрубает руки.

– Ужас какой! – дрожь пробежала по одной из девушек, так что её даже передёрнуло. Но я продолжил свой печальный рассказ:

Но он не унимается. Встаёт, бежит дальше вдоль рельсов. И тут – спотыкается, падает, и ему отрубает ноги. Тогда трамвай, наконец, останавливается, двери открываются, и пассажиры затаскивают окровавленного человека без рук и без ног в салон. Кладут его прямо на пол и

ждут, что же он скажет: зачем же он так спешил попасть в трамвай? Калека понемногу отходит от болевого шока и говорит:

– Граждане, предъявите, пожалуйста, билеты!

– О, какой ужас! – повторила та же девушка, но её возглас потерялся в весёлом хохоте, от которого исходили нотки неожиданного финала истории и терпких можжевеловых ягод.

– Давай ещё! – попросил мужчина лет пятидесяти.

Я на миг задумался и глубокомысленно изрёк:

– Давайте сначала выпьем, потому что потом анекдот будет... специфический. Но лаконичный. За то, что мы сейчас все вместе! Ура-а!!!

Все чокнулись, и, выдержав паузу, я рассказал следующую печальную историю:

Плывёт по реке Иван-дурак. А навстречу ему говно.

– Говно, говно, я тебя съем!

И съел.

Мне очень нравятся такие анекдоты. По ним сразу понятно, до кого доходит быстрее. И по каждому ясно, кто как относится к озвученному. Произнеси я подобную пошлость в кулуарах государственной Думы – никто бы и бровью не повёл. Даже бы связали с каким-нибудь политическим событием. Но здесь собрались воспитанные люди, которые просто приехали отдохнуть и немного расслабились. История Ивана-дурака вызвала у них противоречивые чувства. Интеллигенты хихикали в ладошку и возводили глаза ввысь. Бизнесмены плохо скрывали улыбку и смеялись сквозь пелену благовоспитанности. Но мне больше нравились те, кто реагировал естественно, – просто хохотал, потому что это просто смешно! Без политических аллюзий, без напускного морализаторства и притворного благочестия.

Я бы в обычном кругу ни за что бы не рассказал такой анекдот, но теперь я играл маску некоего шута-трикстера, которому позволено переступать даже через то, через что он сам никогда не переступит. Вот такой актёрский парадокс. Может быть, во мне умер артист? «И разлагается потихоньку», – добавила бы Катя, если бы слышала мой немой монолог.

– Среди вас есть таксисты, кстати? – спросил я.

Компания переглянулась.

– Видимо, нет, если никто не отвечает. А почему ты спрашиваешь?

– Вместо ответа – анекдот. Про таксиста.

– Давай!

Маленький мальчик с мамой едет в такси и рассказывает:

– Если бы у меня папа был медведь, а мама медведица, то я бы был медвежонком. А если бы у меня папа был лис, а мама лисица, то я бы был лисёнком.

И так далее рассуждает. Мама уже, видимо, привыкла, а таксист нет. Поэтому после очередной такой триады он грубо так спрашивает у мальчика:

– А если бы твой папа был осёл, а мама коза – кем бы ты был?

– Таксистом.

Раздался дружный взрыв смеха, и даже Катя улыбнулась, не в силах противостоять своему предубеждению против моего юмора, который давно набил ей оскомину.

– Так, давайте определимся с программой вечера, а то у нас как-то безо всякого сценария получается, а что это за отдых такой, правда? Итак, что я предлагаю. Я рассказываю два коротких анекдота, потом озвучиваю зарисовку о возможных вариациях одной и той же юмористической истории, затем – разминка для ума в виде простенькой задачки, а в конце – монолог про пользу огурцов. Мы же с них начали наши посиделки, верно? А после всего этого – трэш, пьянство, конкурсы и разврат. В рамках дозволенного, разумеется, – поторопился я посмотреть на Катю и поднять вверх ладони. – Одним словом, свободное время. Ну что, согласны?

– Да! – раздалось со всех сторон.

– Хорошо! – я потёр руки. – Тогда два коротких анекдота. Итак, первый.

Внук спрашивает у дедушки.

– Дедушка, а ты воевал?

– Ну?

– Что «ну»?

– Ну, не воевал...

– И второй анекдот:

Выходит с утра мужик из квартиры, а навстречу ему маленькая смерть с косой. Натурально маленькая, высотой с ладонь. Видит, что мужик испугался, и успокаивает:

– Не переживай, это я за твоей канарейкой.

Не дав компании хорошенько просмеяться, я сразу же перешёл к задачке.

– А теперь задачка. Ой! – я уронил биркедель⁷, которым игрался в руке, и он укатился под стол. Подняв его, я сообщил: – Я сейчас поднимал вот эту картонку и ненароком посмотрел вон за тот столик. Видите, там сидят четверо. Так вот, я посчитал их ноги, и их оказалось семь. Как так?

Дюжина голов повернулась к соседнему столику и стала пристально изучать ноги допивавших коктейли туристов. Это были скромные насельники отеля – по-видимому, немцы из числа тихих пропойц, которые уезжают подальше от дома и проводят время, выпивая в баре по четыре литра пива за вечер. Увидев такую орду зрачков, вцепившихся в их ноги колючками подозрений, они заметно смутились. Один повернулся ещё дальше, посчитав, что мы смотрим куда-то вдаль. Остальные стали изучать пол: мало ли, может быть, что-то разлилось или к отелю прибежало диковинное животное. Но ничего подобного не было, и немцы с опаской глядели в обратном направлении. А наша честная компания пыталась рассмотреть: может, у кого-то из них протез?

– Что, у кого-то из них протез? – спросила шёпотом одна из девушек у соседки, но та ответила отрицательно.

---

⁷ Картонная подставка под бокал.

– Ну, какие ваши варианты? – настаивал я.

– Гм, может, один сидит вплотную к столику, и его нога слилась с ножкой, так что ты её...

– Нет! – поторопился я прервать эту версию. – Ещё варианты!

– Кто-то заложил ногу за ногу?

– Нет.

– Может, у кого-то действительно какой-то реалистичный протез, о котором ты как-то догадался или понял?

– Нет.

Вся честная компания погрузилась в мозговой штурм, который я так ненавязчиво им навязал. И по мере того, как более-менее реалистичные версии заканчивались, начинались фантазии. Кто-то предположил, что слово «семь» на немецком означает «восемь», и я похвалил человека за креативное мышление. Дальше пошли выдумки, что я начал считать с нуля или что-то в каком-то не десятиричном коде. Что на самом деле я посчитал трёх, а вместо четвёртого засчитал трость или зонт. Одним словом, пошли бредовые гипотезы, чему я, впрочем, был только рад. Когда немцы допили напитки и начали собираться, я стал торопить наших новых приятелей:

– Ну! Ну! Давайте, они сейчас уйдут! Ну что, не знаете? Сдаётся?

– Сдаёмся! – признало несколько голосов.

– Точно? – я требовал ответа от всех.

– Точно! – подтвердили, наконец, все. – Говори!

Я выдержал паузу и постарался дать ответ таким тоном, что вроде бы во всём это моя вина, но извиняться я не собираюсь:

– Обсчитался просто.

На секунду компания молчала, уставившись в поднявшихся немцев. Но затем все быстро перевели взгляд на меня.

– Вот дурачок! – первой признала Катя, и остальные дружно рассмеялись.

– Обсчитался?

– Да, – чистосердечно признался я, и моё лицо приняло совершенно невинное выражение. – У меня куча подобных задачек в арсенале есть. Самое интересное – что с большинством из них прекрасно справляются дети, потому что у них ещё не так сильно проработаны границы мышления. Это во взрослом мире холодильники ничего не шепчут, когда их открывают, машины не летают по воздуху, и тучу нельзя прогнать взмахом руки или кнопкой на пульте. А у детей эти границы в сознании ещё не проведены. Они могут распознавать последовательности чисел не по их значению, а по числу букв в их строчном написании, видеть цифры перевернутыми, нюхать буквы и дарить букеты с поздравительной открытки. Поэтому дети, скорее всего, в числе первых назвали бы версию, что я просто неправильно посчитал. Так что будьте как дети! Будем!

Я поднял бокал в призыве чокнуться.

– Прóзит! – приветственно воскликнул я проходившим мимо немцам.

– Прóзит! – с удивлением ответили они и кивнули нам в ответ.

Когда они удалились, у меня спросили, что это значит.

– «Прóзит» – это пожелание здоровья во время тоста. В Германии. Аналог нашего «за здоровье». Вы что, не смотрели «Семнадцать мгновений весны»? Там Штирлиц пьёт коньяк с немецким генералом и по его произношению определяет, что тот родом из Мекленбурга. Потому что тот проглатывал звук «и», говорил «прозът». Ой, а сколько анекдотов про Штирлица! Но это как-нибудь в другой раз, наверно, потому что я вам обещал рассказать о вариациях одного и того же анекдота. И пойдём в дартс играть – вон смотрите, я только что увидел, что в баре дартс есть!

– О, отлично! – поддержали некоторые. А другие согласились послушать историю про то, как один и тот же анекдот может иметь разные хождения. Так что я начал.

– Итак, есть старый анекдот с бородой про общество любителей анекдотов. Вы его наверняка слышали. *Участники уже сто раз всё слышали, поэтому решили каждому анекдоту присвоить номер. Ну и в это общество попадает новичок и видит такую картину. Кто-то говорит: вот я вспомнил прекрасный анекдот: семьдесят три. И все смеются. Тогда другой: а помните такую историю: сто семь. И все ещё задорнее смеются. Новичок подумал-подумал и говорит: двадцать четыре. Тишина, и кто-то из мужчин замечает: ну, не при дамах же! Вот такой старый анекдот.*

Я специально не выдерживал никакой паузы, чтобы подчеркнуть, что это старый и всем известный анекдот. Но даже несмотря на это, кто-то из компании укромно хихикнул, чем вызвал больший смех, чем сама история.

– Так вот, я с большим удивлением узнал, что у этого анекдота есть даже не одна, а две параллельные концовки! То есть начало то же самое, различается всё именно в конце, после того, как новичок произносит «двадцать четыре». Итак, вот первая концовка.

Новичок подумал-подумал и говорит:

– Двадцать четыре!

Тишина, и вдруг кто-то начинает смеяться. У него спрашивают:

– Что такое?

А он отвечает:

– Первый раз слышу.

На этот раз я дал людям время подумать, и смех нахлынул волной, по мере того, как каждый осознал изюминку: как можно смеяться над впервые услышанным анекдотом, который вместо полноценного сюжета имеет только порядковый номер.

– Но оказывается, есть ещё одна вариация. Итак:

Новичок говорит:

– Двадцать четыре!

Полная тишина, никто не смеётся, и один старый джентльмен замечает:

– Да, вот одни умеют рассказывать анекдоты, а другие – нет...

Все рассмеялись, несмотря на старческий тон, которым я произнёс заключительную фразу.

– За умение рассказывать анекдоты! – воскликнул один из мужчин и поднял вверх бокал.

– Ура-а! – поддержал его я, и все дружно чокнулись. А я, в свою очередь, постарался подвести разговор к теме огурцов, по поводу которых у меня, действительно, имелась довольно интересная история: – Эх, жалко, что тут нет солёных огурчиков, а то как бы было здорово джин-тоник закусить корнишончиком. Или белое вино...

– Фу! – скривилась девушка, которая как раз чокнулась и пригубила немного вина. Такого эффекта я, честно говоря, и ожидал.

– А у тебя же как раз была история про огурцы! – вспомнил кто-то. И этого эффекта я тоже ожидал. Хотя и сделал вид, что запомнил, а сейчас как раз припомнил:

– Точно, спасибо! – я поднял свой бокал в знак благодарности за подсказку. – Вот мы тут, конечно, шутим, про огурцы. Но это всё, конечно, шутки. А у меня есть история, когда моему знакомому журналисту дали задание написать рекламную статью про огурцы. Ну, знаете, как это бывает: пишется хвалебный текст – неважно, про что, – а затем, впроброс, рекламируется тот, кто платит. Но обычно такие статьи оплачивает крупный бизнес, например, автоконцерны. И вот пишется статья про электромобили, про то, что они не очень практичны, что у них маленький пробег на одном заряде и так далее. А потом вдруг всплывает «Ягуар», и сообщается, что он способен на одном заряде проехать честных пятьсот километров, и так далее. Это нормальная журнальная практика. А тут пришла аграрная компания, и им потребовалась рекламная статья про огурцы.

Кто-то громко хихикнул.

– Вы думаете, я шучу? – я спрашивал всерьёз, но все вокруг только смеялись. – Отнюдь нет! Меня даже назначили редактировать эту статью – я жутко хохотал и натурально выучил её наизусть!

– Натурально?

– Ага, в натуре! – подтвердил я. – Это понятие, кстати, есть в юриспруденции. Но это я потом расскажу, если захотите. Ну так вот. Был какой-то богатый клиент, который продвигал особый сорт урожайных огурцов. И вот горе-автор написал текст в духе старорусского лубка.

Кое-кто рассмеялся. Другие прислушались в ожидании очередной юморески. А я действительно стал припоминать и цитировать по памяти. Хоть это и смешно само по себе, но реакция была такой, будто взрослые наигранно смеялись анекдоту, который рассказывал малыш, чтобы поощрить выступавшего. Иногда в этой связи я сам кажусь себе маленьким, иногда – людей воспринимаю немного тупыми. Хотя ведь и я такой же: под действием тридцати лет труда, сытного обеда и стакана виски с колой, пожалуй, действительно, хочется тупо поржать. Неужели лет через десять-пятнадцать я стану смотреть «Аншлаг», как и мои родители? Так думала моя голова, а мой рот вещал:

– Мы должны в колени кланяться матери природе за то, что она даровала нам чудесный овощ – огурец!

Все вокруг загоготали, как будто картинка была – президент на фоне кремля в новогоднюю ночь, а говорил он то же самое, что и я тогда:

– Кому не знаком он? И малые, и взрослые дети скажут: прекрасная эта вещь – огурец!

Снова смех!

– Салат без него ни летом, ни зимой – не вкусный. – Потихоньку я стал подыгрывать себе и дублировать слова жестами. – А свежий, зелёный огурец – если его разрезать вдоль, посыпать солью, потереть – да с хлебушком... Да за милую душу и с лёгким сердцем!

Катя улыбалась и отводила взгляд в сторону. Моё шутовство, казалось, даже забавляло её. Не то, что три года спустя. Не зная того, я самозабвенно плёл словесные кружева дальше:

– Полезность его для пищеварения – неопровержимый факт. Ни тебе белков, ни крахмалов с сахарами – а полезен до невероятности! Почему же так? Да просто вода в нём хитро, сказочно структурированная, – я вновь дублировал слова жестами, – живая в нём вода. Ещё царица Клеопатра им своё лицо освежала и выглядела до сорока пяти лет на все сто!

Тут раздался взрыв смеха, как это: до сорока пяти выглядеть на все сто? Привет Черномырдину. Но я продолжал:

– И даже сначала Антония, не слабого мужчину, завлекла к себе, а потом и Юлия Цезаря. Молодец. А кем бы она была без огурца? – Кто-то буквально рухнул под стол от смеха. Между тем, я продолжал как ни в чём не бывало, даже с неким безразличием умственно отсталого, читающего заученный текст: – Обыкновенной женщиной бальзаковского возраста...

После очередного залпа смеха я вернулся к практической стороне, но и тогда многие не могли сдержать приступа смеха:

– Очень насыщен огурец таким важным для человека микроэлементом, как калий. – Почему-то название этого металла вызвало особый гогот. – Без него нормально-лужная среда в нашей крови не образуется.

– Какая? – переспросил кто-то сквозь слёзы приступа юморины.

– Лужная, – повторил я. И пояснил: – Это цитата. А это влечёт за собой накопление всевозможных токсинов. Очень неприятное явление. Называется «интоксикация», от неё многие беды и проблемы со здоровьем. А профилактику врачи советуют проводить обыкновенным поеданием огурчиков. Довольно-таки приятное занятие.

Я снабдил последнюю тезу соответствующей одобрительной ухмылкой. И перешёл к следующему смысловому блоку, начинавшемуся с острого, как казалось автору цитируемой мной статьи, афоризма:

– Повышенное содержание калия благотворно влияет на любое сердце, даже на сердца скряг и злодеев, – раздалась новые взрывы смеха, так что иной раз мне приходилось вещать сквозь феерию хихов. – Ваши печень и почки тоже радуются, когда вы едите огурцы. Кто сегодня перепьёт, – я указал на стол с многочисленными бокалами, – тот завтра это отлично узнает! А если ещё учесть, что от огурчиков не толстеют, то и вовсе употреблять их можно дни напролёт: переедание не грозит, а вот мочеиспускание наладится.

Катя отстранилась от меня и даже отвернулась, правда, с улыбкой. Как бы говоря мне на языке тела: вот он, кожаевский мир цыган, нелепый и шутовской. При этом сам я искренне верил в то, что пересказывал. Я будто поставил себя на место того автора, чьи вирши сейчас цитировал, и ораторствовал со всей дидактической серьёзностью, как учитель, над которым все смеются, но сам он считает свои увещания чрезвычайно важными в деле воспитания. Я понял, что Катя даёт мне развлечься, хоть мои побасенки ей никогда не нравились. И продолжал веселить уважаемую публику, принимая на этот раз обличье агронома-любителя:

– Наши поливные огурцы переудобрить невозможно! Только вы им сунете что-нибудь под корень, так они тут же посохнут! – я сделал соответствующий этому печальному исходу жест. – Поэтому их исключительно поливают, если нет дождей. Очень полезное и непривередливое растение!

Теперь я превратился в краеведа-любителя и сообщил:

– Из истории известен такой факт. Ещё одна неглупая женщина – Екатерина Великая, – проезжая по империи с осмотром, в 1785 году в Нежине отведала огурчиков раз, другой, третий... И тут же ей понадобился Григорий Потёмкин! Но не для распоряжений и приказов. – Подвыпившим мужчинам этот огуречно-будуарный эпизод показался очень смешным, до красноты на лице. – С того времени по самый февраль 1917 года по распоряжению императрицы поставляли огурцы к царскому двору каждый день, зимой и летом. А вы говорите, виагра...

Тут раздался дикий гогот – и мужской, и женский. А я стал подытоживать, примеривая маску врача-любителя:

– Противопоказания имеют все овощи и фрукты. Не говорю об экзотических – даже родные тыкву, арбуз и помидор не советуют есть тем, у кого аллергия. Красную свеклу – у кого склонность к недержанию и поносам. – Кто-то на этих словах подавился пивом и закашлялся в смеховом пароксизме. – Огурец же можно есть всем, не опасаясь чего-то нехорошего!

Мои жесты стали двухметровыми, а голос – стадецибельным.

– Да что тут говорить! Всё о болячках и о болячках... Здоровые тоже должны употреблять в пищу огурцы, чтобы не болеть! И, как говорилось выше, это очень приятное занятие – есть огурчики!

Я сделал театральный финальный жест и поклонился, как артист на сцене. Раздались бурные аплодисменты, а кто-то даже крикнул:

– Бра-во!

– За огурцы! – провозгласил я тост, взяв в руки стакан с виски.

– За огурцы! – раздалось со всех сторон, вслед за чем последовал гром сдвигаемых стаканов.

– Ура-а-а! – завопил я, и ко мне присоединились добрые две дюжины голосов. Наши соотечественники за другими столами улыбались, некоторые тоже поднимали стаканы и приветственно кивали нам. Иностранцы поглядывали на нас с опаской.

– For cucumbers!⁸ – повторил я для них по-английски, и на нас стали смотреть ещё более косо. У подошедшего официанта, египтянина, я спросил, как будет огурец по-арабски, и стал скандировать: – Хиару! Хиару!

Вскоре толпа русских забулдыг на берегу Красного моря в лучах закатного солнца неустанно кричала:

– Хиару! Хиару!

Катя смачивала моим виски себе виски и с улыбкой успокаивала мои немые вопросы:

– Развлекайся!

Мужчины – благо до закрытия бара оставался ещё час – ринулись истреблять запасы спиртного. И на обратном пути останавливались и возвращались назад к стойке, потому что забывали белого вина для своих дам. Некоторые, впрочем, прощались и уходили в номер: многие прилетели издалека – с Урала, из Сибири, и были на ногах целые сутки. Впрочем, вскоре и Катя сообщила, что пойдёт отдыхать, тем более что завтра хотела пораньше попасть на пляж. Естественно, я её проводил, и буквально через минуту она мирно задремала на огромной белой кровати. Потихоньку я вышел из номера и отправился к честной компании праздновать наш первый день в Африке.

Мы все повторно перезнакомились, потому что непросто за раз запомнить двадцать имён, и выпили за это текилы.

– Теперь, когда моя супруга ушла спать, я могу рассказать анекдот о женской сути!

– Давай! – приободрились парни, а девушки обострили слух с энтузиазмом ревности и честолюбия.

Возвращается Адам, в раю, вечером к Еве. И та у него спрашивает, с подозрением, намекая на некую интрижку на стороне:

– Ты где был?

А Адам разводит руками:

– Ну Ева, опять ты за своё! Ну ты же знаешь, что тут в раю никого нет. Я ходил с медведем рыбу ловить, вот смотри – на ужин нам принёс.

– Ну, севрюги, например. Я не очень разбираюсь! – добавил я от себя. И продолжил:

Ева успокоилась. Приготовила ужин, и они легли спать. Но ночью она пересчитывала Адаму рёбра.

Раздался сдержанный смех, который усилился по мере осознания всей соли истории.

– А ты молодец! – одобрил анекдот Олег из Екатеринбурга, но его жена Оксана тут же одёрнула его:

– Ты что такое говоришь! – она сжала губки. Впрочем, упрёк был сказан без улыбки, так что это специально выдержанный тон и реакция.

– Откуда ты берёшь все эти анекдоты?

– Ой, да ладно! – я отмахнулся рукой. – Это всё никулиньские истории, они в своём клубе, «Белый попугай», рассказывал. Это всё юмористические

---

⁸ За огурцы! (англ.)

стандарты, нужно только уметь вовремя рассказать нужный анекдот. Вот Катя ушла – я анекдот про Еву вспомнил. По этому поводу тоже анекдот есть, когда капитан СС во время войны разыскивал меткого стрелка, который на стене во все обведённые мелом цели попадал. А снайпером оказался дурачок Яша, который сначала стрелял, а затем обводил места попадания. А настоящий юмор – это импровизация, это умение подметить смешное в серьёзном, это талант создать, выдумать смешное из совершенно посторонних вещей. Юмор – это, например, ну даже не знаю. Ну вот есть, например, дартс, видите?

Я подошёл к мишени и взял три дротика, которые были вонзены в неё предыдущим отдыхающим.

– Вот, смотрите! – и я бросил все три дротика в левую часть мишени. – Это я показал коммунизм. Видите: все дротики – слева.

Виталий из Самары рассмеялся, остальные видимо испытали небольшой приступ мигрени.

– А вот теперь, смотрите! – я постарался бросить дротики на «юго-юго-восток». – Это импотенция.

Тут уже реакция была более приветливой, хотя многие смущённо прикрыли лица ладонями.

– А вот – «Мерседес»!

И я метнул в три разные части мишени, изобразив логотип немецкого автомобильного бренда.

– Согласен, БМВ или «Ауди» показать было бы сложнее. Но давайте вы говорите, что нужно изобразить, а я буду бросать! – предложил я и стал ждать вариантов.

– Старообрядчество! – вдруг предложил тот же Олег, что смеялся над пересчётом рёбер у Адама.

– Хорошо! – молниеносно отреагировал я. – В этом случае даже бросать ничего не придётся. Я просто возьму дротик двумя перстами вместо трёх...

Не успел я договорить, как Олег буквально рухнул под стол от смеха. Видимо, он хорошо разбирался в религиозной тематике, и моя юмореска ему понравилась.

– Ну ладно, это всё абстрактный юмор, – я поторопился воплотить в жизнь дерзкую идею, которая только что пришла мне в голову, – а мне бы хотелось продемонстрировать реальную технику. Вот смотрите.

Я выбрал глазами девушку и обратился к ней:

– Аня, правильно? – уточнил я. – Замечательно! Вот сейчас я постараюсь изобразить твоё имя на этой мишени. Смотрите все внимательно. Вот тут одни цифры, но если за каждой цифрой засчитать буквы, то можно будет кидать в сектора различных букв. Смотрите внимательно!

Я метнул дротик наугад, никуда специально не целясь.

– Вот буква «А», – озвучил я результат первого дротика и с серьёзным видом приготовился к следующему броску.

– Эх, попал в букву «Я», – я сделал вид, что метил в «Н», но промахнулся. – Теперь нужно попадать в «Н».

Напряжение среди зрителейросло. Я сосредоточился и бросил последний дротик.

– «Н»! – я победно взбросил руки. И пояснил, требуя аплодисментов: – Вот «А», вот «Н», вот «Я». Получилось – «Аня»!

Понимавшие суть моей фантомимы усмехнулись и промолчали, давая мне возможность насладиться волной восхищения, которая накатила в особенности на девушек. Не видя никаких букв, только цифры, они спрашивали друг у друга:

– Он что – реально попал в буквы «Аня»?

– Как видишь! – решительно отвечали им в той же степени замороженные свершившимся действием зрительницы.

Но понемногу хихиканье в мужских рядах переросло в гогот, и девушки потихоньку начали понимать, что над ними издеваются. Некоторые стали обижаться, и я решил по мере возможности изгладить нанесённую обиду. Незаметно я отстранился за спины наблюдавших за дартсом и проговорил в ладонь, пародируя женский тембр голоса:

– Вот взять бы ему эти дротики – да в задницу!

От неожиданности некоторые вздрогнули, но в итоге все дружно рассмеялись.

– И повернуть! – так же в ладонь добавил Олег.

– И повернуть! – сквозь смех согласился я.

Благо, что в пылу задора никто не бросил клич: «Ребята, хватай его!», иначе мне бы несдобровать. Под игом усталости и спиртного все понемногу расслабились, разговорились, развеселились. Компания начала разделяться по интересам, и вскоре в небольшом кружке речь зашла о том, кто кем работает. Тот самый Олег оказался руководителем строительной компании, которая на Урале возводила много новых церквей и обустроивала монастыри и подворья. По этой причине он весьма подробно знал церковную кухню изнутри. То, что я редактор журнала, его не удивило. «Язык хорошо подвешен, – заметил он. – И читаешь, наверно, много?».

Глава 27

Вечера на хуторе близ Хургады

Я честно признался, что нет, не особо. А на вопрос, какую книгу я сейчас читаю, ответил, что «Капитанскую дочку» Пушкина.

– Пушкина? – почему-то удивились многие. Вероятно, со школьной скамьи он остался для многих солнцем русской поэзии, но не прозы.

– Да, я считаю его великим русским писателем! А его «Гробовщик» – это вершина всей мировой литературы. Пусть в целом «Повести Белкина» – во многом адаптация под европейские образцы, пусть это простой рассказ – но как же в нём всё выверенно и совершенно! Какой там прекрасный русский язык. Точный, лаконичный и в то же время объёмный. Послушайте, например, как всего в одном предложении ему удаётся изобразить настроение праздника на юбилее немца-ремесленника: «Гости начали друг другу кланяться: портной

сапожнику, сапожник портному, булочник – им обоим, все булочнику и так далее». Разве это не совершенно?

Многие, казалось, не разделили моих восторгов. Однако я решил поделиться одним наблюдением, которое совсем недавно поразило меня:

– Или вот такой эпизод. В «Капитанской дочке» главный герой дарит простому мужику, который помог им выбраться к деревне во время бурана, заячий тулуп. Впоследствии именно этот подарок спасёт ему жизнь, так как тем мужиком окажется Емельян Пугачёв, который вспомнит милость Гринёва, в то время как старый слуга последнего отговаривал его так тратиться на простого бродягу. Так вот – я считаю, что в этом эпизоде Пушкин изобразил себя самого.

Ведь он отправился к мятежным декабристам в Петербург из деревни, но дорогу ему перебежал заяц. В то время это была примета похлеще нынешней чёрной кошки. Пушкин увидел в этом недобрый знак и развернулся. В итоге пятерых главных мятежников казнили через повешение. Вешает гарнизон и Пугачёв, но Гринёва, героя повести, он милует – и всё из-за заячьего тулупа. Точнее, конечно, из-за проявленной в прошлом милости, но вот почему именно заячий тулуп? Я думаю, что тут очевидно замешан перебежавший дорогу заяц. Ведь когда Николай I спрашивает у Пушкина, что бы тот делал, если оказался во время восстания в столице, тот отвечает: «Там были все мои друзья, и я не смог бы оставить их. Так что, вероятно, шестым качался на виселице». Николая этот ответ очень удивил, он не ожидал такой откровенности от легкомысленного сочинителя, которого он видел в Пушкине. Впоследствии император неоднократно заступался за поэта.

Так и Гринёв в «Капитанской дочке» отвечал Пугачёву: «Признать тебя государем я не могу: я присягал единственной моей государыне Екатерине. А если начальство моё прикажет идти против тебя – я пойду, ведь я присягал и не имею права ослушаться приказа, как дворянин и гражданин. Так что воля твоя. Решешь повесить меня – прикажи своим людям. А если отпустишь – отпускай».

Неожиданно – я сам этого не ожидал – вокруг меня образовался кружок. Девушки с большим вниманием слушали мой рассказ, несмотря на то, что я не хотел произвести никакого впечатления.

– Не знаю, мне кажется, наши старые писатели – просто неактуальные, – высказалась Дарья, бухгалтер из Твери. – Пишут о старых проблемах, которых сейчас и нет вовсе. Про церковные браки, которые одни и на всю жизнь. От этого и трагедии вроде Анны Карениной. Или про бесправных крепостных. Да и вообще: если взять какие-нибудь ужасики вроде Вия и сравнить их с голливудскими хоррорами – то это просто земля и небо.

– Но это фильмы, – возразил я. – А мы про литературу начали.

– Да и литература тоже. Как можно сравнивать деревенские страшилки того же Гоголя с мысленными демонами Эдгара По – разница тоже вооружённым взглядом видна!

– Это Гоголь-то не мастер ужаса! – воскликнул я, даже как-то возвысив голос.

– Ну, я согласна: вечера на хуторе близ Диканьки, всякая чертовщина, – но это же детские сказки... – Она пыталась защитить свои доводы.

Я скрипнул зубами.

– Хорошо! – я возвысил себя до ветхозаветного пророка. – Давайте я зачитаю вам фрагмент святочного рассказа Гоголя, а вы в конце скажите: страшно было или нет?

– Давай! – воскликнули беззаботные мужчины.

– Давайте! – одна из девушек перешла на вы, но никто этого не заметил.

– Ну так слушайте! – возвысил я свой голос и потребовал внимания.

– *Пойдём, пойдём, Мыкола! – приговаривал рослый чуб, приманивая рукой совсем ещё безусого юношу. – Али боишься тёмной избы?*

– *Ничего я не боюсь! – ответил тот и вызвался идти первым среди лунной ночи в незапертую дверь избы, что стояла на самом краю хутора.*

Он сделал шаг вперёд – внутри было темно, хоть глаз коли. Обитательница сей низкой конуры, видимо, спала. Ходила про неё дурная слава ведуньи, но когда у кого прихватывало спину – все шли за травками к ней. Микола сделал в полной темноте ещё два шага, товарищи его также зашли внутрь избы, как внизу скрипнула половица – и всё замерло.

Спутник Миколы шёпотом было ругнулся, но только из уст его потекли неведомые слова:

– *Старидон, карион, кокире – стадо: стридадо!*

– *Ты что такое приговариваешь? – ещё большим шёпотом спросил у него, обернувшись, Микола.*

Только вместо чуба стояла супротив Миколы низкая сухая старуха с тлеющими травами на широком блюде.

– *Фух! – дунула она в сторону Миколы, и его голова погрузилась в невыносимый туман крепкого дыма. В ужасе он хотел было завопить, но кашлянул, задохнулся и с потерянным дыханием бросился стремглав в окно, вынеся раму и свалившись в бурьян, порезав себе щёку.*

– *Мыкола, сюда! – крикнул ему чуб, и Микола ринулся наперерез огорода к товарищам. Бежали они добрую версту и боялись обернуться. Ела, ела и всё-таки съела глаза им сухая пыль летней полуночи. Только теперь они остановились и задыхали. Впереди горел в темноте четырьмя окнами просторный дом, и друзья решили попроситься туда и прогнать страх чаркой-другой горилки – так не по себе им было от ведьмовской проделки.*

Но на стук никто не отворял, ни на второй, ни на третий раз. Тогда Чухно, самый скромный из всей честной компании, добрый пузан, подошёл к окну, чтобы высмотреть хозяев, да так и остолбенел. Никакой это был не дом, а огромная баня. И купалась в ней сейчас дюжина девиц. Когда все трое молодчиков вытаращили от такой картины глаза, то дверь наконец отворилась и в полосе света показалась голая русоволосая красавица. Распуценные волосы её спускались, прикрывая грудь и бёдра, до колен, так что прелести красавицы угадывались лишь фактурно. Вдруг она поманила прищельцев пальчиком, улыбнулась сладострастно и скрылась внутри.

– Ну что, пошли? – в очередной раз науськивал, улыбаясь, чуб своих товарищей.

– Не пойду, я же обещал моей Аннушке! – противился Микола. Но чуб и толстяк толкали его вперёд.

– Ничего, ты за неё ещё не сватался! – приговаривал кто что. – Да мы только посмотрим и уйдём!

Микола упирался, но его затолкали в сени, и здесь будто осязаемый от плотности пар ударил ему в глаза и ноздри. Уже и ум его затеривался в жаре палящем, но он продолжал отталкиваться от рук товарищей безо всякого успеха. Вдруг посреди дыма от огнём дышащих камней проявилось невероятной красоты лицо девушки. Микола тут же вспомнил, что это лицо видел он когда-то в сладком-пресладком сне, когда был вознесён на небо и плыл в облаке бестелесно-лёгкий. Он вспомнил, что всегда втайне любил представляющую пред ним красавицу, да и словно бы обвенчаны они уже давно... Так что губы его с готовностью и любовным жаром ответили на поцелуй обворожительной своей супруги.

На глазах у всех – благо птицы небесные не прячутся ни в одеждах, ни под простынёю – тела их слились в горячем союзе, так что пар из их уст поднимался выше банного духа. Голые девицы окружили чуба и толстяка и стали раздевать их, деля юношей между собой. Как только кончили они любовные свои игры – словно пелена спала с глаз Миколы. Поглядел он сквозь стекло в ночное небо, туда же точно, куда и Аннушка глядела, куда ждала его сегодня, кабы не увели его друзья прочь, – и вдруг горько заплакал от невозвратного своего греха. От той смертельной обиды, которую он нанёс своей избраннице, которая теперь, конечно, не сможет таковой остаться. От той раны, которую он себе самому нанёс жалом своей минутной непростительной слабости. Смотрели на звёздочки Микола и Аннушка из разных мест охватившего всю землю леса и плакали от священной и преданной теперь любви.

Жгуче захотел Микола всадить в себе в сердце нож, что он носил с собой, лишь бы прекратить страдание несмываемого своего позора. Хотел было встать и пройти к своим шароварам – глядь, а вместо красавиц писаных – старушенции нагие! С седыми спутанными волосами, с обвисшими грудями, с рябыми ногами. Будто паучихи мёртвые в своих седых паутинах. Будто смертёныши, маленькие старицы – гаденькие, сутулые, бородавочные – лежат и бормочут себе молитвы в потолок. Прислушался Микола, а они шепчут:

– Старидон, карион, кокире, стадо, стридадо!

– Помолюся Господу Богу и Святой Пречистой! – раздалось вдруг у самого уха Миколы. Обернулся он к своей возлюбленной, вдруг видит – столетняя клешня перед ним лежит, как будто из гроба вытащили да сюда положили. Онемел и застыл Микола, а красавица его молилась:

– Старидон, карион, кокире – стадо: стридадо! Молодик молодой, у тебя рог золотой... – и потянулась коричневыми губами для поцелуя.

– А-а-а! – завопил Микола и выпрыгнул прочь. С криками бросились за ним и товарищи его, нашед себя посреди груды старух. Наспех схватили одеяния свои и бросились прочь.

– Дядьки, полудядьки, куда же вы! – заголосили слабо старухи. – Вернитесь к своим сёстрам, полусёстрам!

Но трое беглецов были уже далеко. Бежали, казалось, сто ночей подряд. Ночи летели, и седела у Миколы иконописная его голова. Вино, фрукты, женские всякого сорта тела – всё летело прочь.

– К храму, к храму нам надо! – додумался наконец Микола.

– И то дело! – вторил ему чуб, весь бледный от случившегося. – Помолиться нам надо!

Только что приближались они к святому месту – каждый пень на дороге принимал образ и подобие беса. Всю дорогу обсвистывал их ветер и гнал в глаза им сухую пыль. А из пыли – пни, кусты, сучки, как бесовские хари. В отсветах луны кривились на них, гнали их прочь от храма. Вышли на опушку – село не село, дома не дома, всё вокруг – незнакомое вовсе, новое. Будто в новом этом пространстве всё убрано сычужным смрадом и только для виду заставлено избами, соломой, оградой. А из каждого предмета, только отвернёшься, серые бесы кивали на тройную жертву свою, а чёрные готовили крюки, для ради того, чтобы схватить и утащить к себе грешников.

Вдруг толстяк, так чтобы чуб не услышал, начал Миколу в ухо шептать, а затем и вовсе одними мыслями внушать стал:

– Это он один во всём виноват! За что нам с тобой из-за него кару нести? Это он тебя в дом к ведьме и в баню к старухам затащил! У тебя лежит нож в шароварах? Что «ты что»? Виновному возложено, и ему воздадено должно быть! Ты послушай внимательно, что я тебе скажу. Что курёнок, что человек – одна плоть. И греха тут нет никакого! Одинаково завелись и люди, и звери, и птицы – на один фасон. Чикни его – а я скажу, что с тобой вдвоём мы всю ночь пропьянствовали! Ну, что ты странно на меня смотришь? Кто знает, чем каждый из нас кончит? Может, не станет на склоне дней тихо сидеть в плетёном кресле, а закачается в чистом поле на двух висельных столбах с перекладиной... В придорожной канаве, может, или в лесной вологодской келье кончит он дни – кто знает? кто скажет?

– Замолчи, замолчи! – закричал, не выдержав, Микола. Выхватил нож и полоснул толстяка по шее.

– Ты что это? – остоленел от увиденного чуб и сам помертвел.

– А ничто! – Микола шагнул вперёд и всадил ему нож в сердце. – Что курёнок, что человек – одна плоть.

И перерезал себе горло.

Наутро мёртвого Миколу нашёл церковный ключник. Он заметил разбитое окно и поспешил войти в храм. На солее перед царскими вратами лежал Микола, с царапиной на щеке и перерезанным горлом. В руке у него был сжат нож, который он всегда носил с собой, а пол вокруг был залит застывшей кровью. С иконостаса на самоубийцу безмолвно взирали архангелы Михаил и Гавриил, стоявшие при дверях по обе стороны царских врат. У

одного, как и у Миколы, было перерезано горло, другой получил удар в сердце – из обеих ран сочилась кровь, которая стекала по ступеням и уже достигла середины храма.

Говорят, Аннушка, узнав о судьбе своего возлюбленного, сошла с ума от горя. Вскоре родные заметили, что у неё растёт живот, и допросами выяснили, что в ночь душегубства Микола приходил к ней. А через девять месяцев Аннушка родила настоящего богатыря – здорового и крепкого. Малыш рос не по дням, а по часам. Ровно в год он пошёл и заговорил одновременно. «Мама, мама!» – лепетал он. А когда вечером Аннушка легла спать, он выполз из своей кровати, пришёл к маме и положил ей на лицо подушку. Старая служанка на следующий день припомнила, будто кто-то бормотал какую-то нелепицу:

– Старидон, карион, кокире, стадо, стридадо!

Но она подумала, что всё то ей приснилось. Поутру, однако, она проснулась от криков малыша «мама, мама!», и, когда вбежала в комнату, застала уже посиневшую Аннушку. Глава семейства, узнав о смерти дочери, молча взял верёвку и чёрным ходом ушёл в лес. Верная его супруга догадалась о его измышлении и побежала вослед. Но когда она настигла его, он уже приладил верёвку к ветви дерева, петлю к шее и готов был прыгнуть.

– Пётр Игнатъич, не надо! Побойся Бога! Да и как я одна с младенцем-то?

Последняя мысль, видимо, только что пришла в голову Петру Игнатъичу от его супруги, и он было передумал, как нога его сползла с кроны, и весь он сорвался вниз. Верёвка с хрустом переломила ему шею, и он беспомощно закачался в воздухе. Бедная старуха с рёвом бросилась к нему, споткнулась и приземлилась с размаху головой на камень. Тело её бессильно, как бы послушно чужой воле, скатилось в канаву и там осталось. И только бес полуденный, проходивший мимо, прошептал:

Последнюю часть я проговаривал всё тише и тише, так что перешёл на шёпот, но теперь я завопил что было сил:

– Старидон, карион, кокире, стадо, стридадо!

Ещё во время первого слова все в ужасе повскакивали со своих мест. А когда я кончил, двенадцать сердец молотили, как двенадцать цилиндров огромного гоночного мотора. Который разлетелся на куски в самом опасном повороте трассы.

– Ну ты дурак! – всерьёз высказывал мне один из слушателей, хватаясь за сердце.

– Зачем такое перед сном рассказывать?

– Ужас какой! Почему мы его не остановили?

– Придурок!

– Идиот! Зачем кричать-то надо было?

Я был вынужден оправдываться.

– Ну! А вы не верили, что Гоголь – страшный писатель! Думали, что его главный ужас – как кузнец на чёрте летает! Такого не ожидали, да?

После чуть меньшей волны ругани в мой адрес и чуть большего удивления, что это, оказывается, Гоголь, я добавил:

– Я ещё пропустил фрагмент, когда девицы в бане песни поют. Они там свои песни поют, которые были популярны в начале XIX века. Сейчас никто из нас их, конечно, не поймёт, а заменить их на современные у меня язык не повернулся. Представляете? Девицы заманивают молодых людей в баню и начинают петь:

Знаешь ли ты-ы-ы, вдоль ночных дорог

Шла босико-о-ом, сбив ноги в кровь...

Тут компания как-то пришла в себя, на меня уже не смотрели так косо, как минуту назад. Но все начали потихоньку собираться, тем более что был уже второй час ночи, а по меркам первого дня заезда это можно приравнять к рассвету.

Глава 28

Проповедь безнравственности и к чему это приводит

На следующий день – точнее, в тот же, уже наступивший – Катя разбудила меня в пять утра с вопросом, пойду ли я на пляж. В тех условиях я, разумеется, оказался совершенно не готов к правильному ответу, поэтому буркнул сквозь сон:

– Конечно, нет!

Но затем быстро одумался и пояснил:

– В смысле: нет, просто нет. Я просто ещё посплю, ладно?

– Ладно! – ответила Катя, хоть и обиделась, потому что жеманно спародировала мой ответ. – «Я просто ещё посплю»! Отдыхать приехал или пьянствовать?

Это уже было сказано в дверях, но чуть громче, чтобы я услышал. Снова разбуженный, я отвечивал:

– Конечно, и то, и то! Зачем ты всё разделяешь? И отдыхать, и пьянствовать, – буровил я сквозь дремоту, – надо брать от жизни всё!

Несмотря на то, что я был разбит, я поставил будильник, чтобы выйти к завтраку. Проспав ещё пару часов, я заставил себя встать и принять душ. Жара уже стояла невероятная. Я встретил Катю с искусственными цветами, взятыми с ближайшего столика, выставленного под навесом снаружи ресторана. После вручения счастливой от купанности Кате я поспешил их отнять и водрузить обратно, чем одновременно обескуражил и повеселил её одновременно.

После завтрака мы снова пошли на пляж, но в море я заходил лишь по грудь и с опаской смотрел дальше, на плавающих в ста метрах от берега. Хоть и с меньшим задором, но Катя не унималась удивляться:

– Как это ты не умеешь плавать?

– Вот так... – отвечал я. А Катя всё предлагала научить меня. Доставая ногами до дна, я отталкивался и пытался грести руками, но тут же погружался под воду и захлёбывался. После третьей попытки, когда у меня чуть глаза не вылезли из орбит, Катя прекратила, временно, свои попытки меня обучить, и я пошёл откашливаться на берегу.

За обедом мы встретились с новыми знакомыми и разговорились по-приятельски. Выглядели все немного помятыми, но счастливыми. Кое на ком уже угадывались первые признаки того, что скоро этот человек обгорит.

– Смотри, ты не обгори! – едко съязвила Катя, когда я взялся за третий бокал пива.

В безмолвном жесте негодования – столь же широком, сколь и оскорблённое самолюбие, – я патетически провёл руками в разные стороны и оглядел всех в поисках признания собственной невинности.

– Что это такое, вообще? – воскликнул, наконец, я. Зрители захихикали и приготовились слушать мой сит-даун-монолог⁹. – Я даже отставляю в сторону тонкий вопрос взаимоотношения полов, в котором, конечно, совершенно недопустимы эти в высшей степени недипломатичные и даже оскорбительные упрёки в яко бы каком-то чрезмерном употреблении лёгких солодовых напитков. Любые укоры не в бровь, а в глаз тут приведут лишь к эскалации конфликта.

Катя подняла брови и попыталась возразить, но я предупредительно поднял руку:

– Поэтому я и говорю, что оставляю в стороне данный вопрос и к нему сейчас не обращаюсь.

«Не обращаюсь» я произнёс с такой силой и страстью, что многие невольно откинулись на стульях назад.

– Я хочу поговорить об общей тенденции к благочестию и моральному совершенствованию в нашем обществе.

Где-то снова хихикнули, но я посмотрел в ту сторону сурово и жёстко, так что смех лишь усилился, и остался твёрд в осуждении подобных оценок.

– Наш век недаром называют веком нравственного подъёма. Куда ни взгляни – везде можно встретить проявления благочестия. Здесь – один практикует неусыпное наблюдение за своими помыслами и отбивается от искушений мечом молитвы и щитом поста. Там – убелённый сединами старец читает писания святых отцов и плачет о своих прегрешениях. И ладно бы это были частные примеры, не составляющие правила. Но нет! Это именно тенденция, это почерк и черта нашего времени. Практически в каждой семье начинают соблюдать великий пост. Многим уже и этого кажется мало – и они ежесубботно ходят в церковь и вникают, – я поднял палец и повторил: – *вникают* в смысл службы и молитв. Везде ныне приносятся плоды покаяния, и общество наше обрамляется благочестием, уважением к старшим, верностью отчизне, активным трудом и общим ощущением цельности нации.

Я взял паузу и поучительно обвёл всех глазами.

– А что будет дальше? Государство начнёт выплачивать пособия практикующим исихазм или умную молитву в духе Макария Великого?

Олег, лучше прочих понявший смысл сказанного, снова рассмеялся и даже закрыл лицо руками.

---

⁹ В отличие от стенд-ап-монологов, которые произносятся стоя, в данном случае вещающий сидит вместе с аудиторией. Раньше это называлось устаревшим и ныне почти неизвестным русским словом «застолье».

– В пример обществу будут ставиться те, кто кается искренне и с жаром исповедуют свои грехи? Молодёжь вместо клубов начнёт ходить на вечерню? Подростки будут собираться по вечерам в чайных и обсуждать, как лучше организовать трудовые отряды для дополнительной уборки улиц? Будут, как в советское время, строить скворечники? Публиковать в твиттерах цитаты из Ивана Шмелёва? Мы уже слышим разрозненные голоса, которые оберегают нас от духовной опасности. «Смотри, ты не обгори!» – говорят нам при виде всего лишь второго бокала пива.

– Третьего! – напомнила Катя посреди общего смеха.

– Это неважно! – я стал водить указательным пальцем из стороны в сторону, как дворник в машине, показывая, насколько это неважно. Во мне вдруг зазвучал тембр ведущего «Жди меня» Олега Кваши: – В современную эпоху уже почти нигде не услышишь проповеди безнравственности. Все только и говорят о покаянии, добродетели и верности. Не слышен нигде колокол распущенности, бесстыдства, растления... И да, я не боюсь упрёков порицания с вашей стороны! Потому что я говорю вам, именно вам! Да, я говорю и себе, потому что и во мне почти забиты первобытные инстинкты. Но я говорю и вам, о, чада беспощадного века скромности! Хоть один из вас, вчера, ночью, хоть один – сказал мне: Мишаня, не уходи, спать, давай ещё по одной! А?

Слушатели хохотали. Катя закатывала глаза и вытирала губы салфеткой в знак того, что для неё обед окончен. Осталось только дослушать мои бредни.

– Хоть один из вас сказал вчера: вот, мы уже преизрядно нажились, теперь давайте пустим паровозик, а? Хоть одна из вас, – я обратился к девушкам, – остановила меня вчера и сказала: Миша, пойдём под пальму, пока мой муж спит, а?

Тут уже все развели руками, Катя вспыхнула, а Юрий напомнил:

– Человек вчера сделал предложение!

– И я, конечно же, отказался бы, потому что я вчера сделал предложение! – я старался как-то выпутаться из этого лабиринта, куда сам себя загнал. – Но вы-то, одинокие и свободные! К вам обращаюсь я! Вам-то кто мешает встретиться в номере? зажать друг друга в переодевалке? пощупать друг друга под водой? Ведь, как говорят: «Почему сразу недоступна? – просто небрита!». А я даже не упоминаю о каких-то электротехнических или гастрономических решениях вроде тройника или сэндвича.

Половина аудитории закрыла лица ладонями, а кто-то запротестовал:

– Ну я же ещё ем!

– Где – я вас спрашиваю – старые-добрые пети, ани, куни?

– Ну я серьёзно! Я же позже всех пришёл, я только котлету пытаюсь тут съесть.

– Где эти кэшбеки в виде поцелуя в губы после... поцелуев не в губы? Кстати, тут отличные йогурты, хотите попробовать? – опередил я бедного поедателя котлет. Но, судя по его мимике, он к этому моменту неожиданно насытился.

– Фу, что мы его слушаем? – кто-то, наконец, высказал здравую мысль. – Это просто какая-то... кожаевщина!

– Кожаевщину в массы для развития расы! – схохмил я, но мой лозунг никто не поддержал: все начали подниматься из-за стола. – Молодцы, не поддались на безнравственные искушения! Все прошли тест! Слышите? Вы все добродетельные красавцы, за вас!

Я успел отхлебнуть из бокала несколько больших глотков, но Катя уже тащила меня за локоть прочь.

– Я ведь ещё могу отказаться от предложения? – уточнила она.

– Не-ет, ты что! Ты же лучше всех гладишь мне рубашки! Мы теперь плоть одна!

– Пойдём, плоть!

– В номер? – сладострастно улыбнулся я.

– Ой, дурак! – вместо ответа Катя почему-то начала на кого-то ругаться. Но пошли мы действительно в номер...

В течение последующего времени распорядок нашего отдыха более-менее устоялся в привычной последовательности. В шесть часов Катя вставала и шла на море. К восьми я выползал на завтрак, после которого мы снова шли на пляж. К двенадцати солнце начинало палить настолько безжалостно, что я предпочитал скрываться от него в тени пальм рядом с бассейном и баром. В этот предобеденный час мы общались с постояльцами, рассказывали разные истории, шутили и устраивали конкурсы. Собственно, примерно то же происходило и после обеда, с той лишь разницей, что кто-то мог уйти переодеться или отправиться в город за сувенирами. В пять вечера большинство отправлялось на берег, и здесь мы тоже веселились и балагурили.

Ужин был самой торжественной частью дня. Мы любили с Катей одеться во что-нибудь самое красивое и дефилировать между столиков, будто мы знатные особы королевских кровей. Большинство посетителей привыкли к нашим церемонным выходам, и кто-то даже фотографировал нас, что было совсем уж дико, как по мне. После ужина начиналось то, что я называл «свободной программой», и многие, что меня тоже не переставало удивлять, стекались к нашему кружку в многолюдную стёку – в ожидании выступления. Словно бы я был цирковым клоуном, который каждый вечер давал шоу. Но, раз того ждала публика, я старался удивить её чем-нибудь новеньким. Как правило, это был полный экспромт, но я, к своей чести, не повторялся. Но иногда удавались – тоже экспромтные, надо сказать, – но всё же «домашние заготовки».

Однажды я увидел на столе, среди десятка журналов, обложку с Путиным и Меркель. Я открыл издание на нужной странице и увидел там точь-в-точь такое изображение нашего президента и немецкой бундесканцлерин. Пока никто не видел, я осторожно вырвал эту страницу, обвёл Путина ручкой для заполнения желающих поехать на экскурсию, сложил лист в четыре раза и спрятал в кармане шорт. После чего закрыл журнал и спрятал его в кипе других. Прошло добрых полчаса наших вечерних посиделок, прежде чем я решился продемонстрировать заготовленный трюк.

– Кстати! – я обратился ко всем сразу и сложил журналы стопкой, так что виден оказался только верхний, какой-то женский. – Хотите, я сейчас покажу настоящую магию?

– Давай! – в глазах отдыхающих горел энтузиазм.

– Каждый про себя загадайте любую цифру от 2 до 9. Любую, просто загадайте. Готово? Теперь умножьте эту цифру на 9. Давайте, не торопитесь. Умножили? Теперь в получившемся числе сложите первую и вторую цифру. Понимаете, да? То есть если у вас 25, то вам надо сложить 2 и 5. Сложите ваши две цифры. Сделали? И теперь из получившегося числа отнимите 4. Это просто. Готово?

Все кивнули, что готово.

– Итак, у каждого из вас получилось своё число. Теперь представьте это число в виде слова и возьмите первую букву. Например, 1 – это «о», 2 – это «д». Поняли, да? Ага. Теперь у каждого из вас получилась своя буква. Теперь смотрите, что вам нужно сделать. Я сейчас отвернусь, а вы разложите перед собой все вот эти журналы и глазами – слышите, только глазами, друг другу говорить не надо! – выберите политика, чья фамилия начинается с этой буквы. Всё нормально, это несложно. Например, «б» – это Буш, «г» – Горбачёв и так далее. Ну, кого найдёте. Итак, у вас есть десять секунд, а я отворачиваюсь!

На мгновение мне показалось, что даже Катя заинтригована. Судя по звукам, все разложили журналы и, естественно, наткнулись на Путина с Меркель. Я громко напомнил, что не надо друг с другом обсуждать свой выбор и не надо никуда показывать пальцем. Вскоре на мой вопрос, все ли загадали, все ответили утвердительно. Тогда я повернулся и склонился над журналами. К моей удаче среди таблоидов оказалось издание, на обложке которого красовался Берлускони, так что разнообразие политиков проявилось не только при выборе Меркель или Путина, но ещё и между двумя, как минимум, журналами. Рыская глазами от издания к изданию, я, наконец, поднял глазами и громко произнёс:

– Путин! – и указал на журнал.

Все вообще присутствующие, не только за нашим столиком, как по команде вздрогнули. Повисла немая сцена. Неожиданно Катя невольно подыграла мне:

– Да что вы его слушаете! Нет таких чисел, которые начинаются на «м»! – и она указала на Меркель. Все пересчитали в уме первые десять цифр.

– Точно!

– А миллион? – спросил я.

– Миллион вряд ли у кого-то получился, – заметил Олег, – все числа были маленькие.

– А Берлускони? – не унимался я. – Его зовут Сильвио, это может быть семь. Как же я безошибочно показал именно на этот журнал?

Тут все как-то растерялись.

– Вы что, не верите мне, что я мысленно отгадал именно этот журнал и именно Путина? Тогда смотрите сюда.

И я торжественно вынул из кармана шорт сложенный вчетверо лист, развернул его и показал всем. На странице, точь-в-точь как на обложке, красовались Путин и Меркель, причём наш президент был обведён ручкой. Все, казалось, потеряли дар речи. Я ликующе молчал. В эту минуту на меня смотрели как на какого-то пророка или предсказателя, хотя в своей основе это была весьма простая схема, когда цель была обведена до выстрела, но никуда больше эта юмористическая стрельба и не могла угодить. Если вы, конечно, припомнили ту историю с дурачком Яшей, который сначала стрелял, а потом обводил. А то ещё скажете задним числом, что я в Путина стрелял как в заранее обведённую цель...

После этого на меня смотрели не иначе, как на мага в облики простого парня с мистралем в голове¹⁰. На третий день отдыха нас знали уже абсолютно все. Даже иностранцы называли меня по фамилии – Коджаев. Те почему-то просили показать им карточный фокус, которыми я тоже развлекал окружающих. Многих немцев и англичан я знал по имени. А номеровавшихся россиян и обслуживающих египтян – тем более. Последним я не скупился на чаевые: давал по доллару, а то и по два. И вскоре русские заговорили о моей... скупости.

– Ну, серьёзно! Чего ты вечно всем отказываешь? – спросили у меня у бассейна. – Предлагают же не так дорого: массаж – двадцать долларов, фотосессия – пятьдесят. Я понимаю: в Иерусалим дерут втридорога: триста пятьдесят баксов не у каждого есть. Но фотосессию для супруги можно оплатить?

Честно признаться, меня смутил этот вопрос. А тут ещё Катя прыснула смехом:

– Пы-хы-хы! Да он в магазине будет туалетную бумагу выбирать полчаса, лишь бы дорогу не взять!

Вокруг рассмеялись.

– Зато если по акции, то он сразу сто рулонов возьмёт, чтобы потом полгода не покупать.

Новый взрыв смеха меня обескуражил.

– Да! – честно признался я и больше ничего не добавил.

– А знаешь, как он общается с массажистами? – Кате начали меня сливать. – Они к нему уже не подходят. Потому что сначала они ему: for your wife, only twenty dollars, one hour! – а он такой: да, да! Головой кивает, обещает, что после обеда, что завтра, что обязательно, а сам делает вид, что у него в беззвучном режиме телефон зазвонил и ему надо ответить.

Мне кажется, в тот момент я покраснел до ушей. И едва не свалился в бассейн, сделав буквально полшага назад. Но никто не заметил моего испуга.

---

¹⁰ В начальной редакции вместо французского ветра мистраля автор употребил немецкий «фён», который дал название инструменту для сушки волос – фену, потерявшему «ё» при советской власти, которая эту букву не любила. Однако в черновике «с фёном» зачёркнуто, исправлено на «с мистралем» и приписано: «Не поймут». – *Ред.* Какой ещё черновик, если все свои книги я печатаю на компьютере? – *Авт.*

– Да он такой! – Катя махнула на меня рукой. – Может айфон подарить, а когда я его прошу йогурт купить – обязательно по акции возьмёт, у которого завтра срок годности заканчивается.

– Ну завтра же! – пытался парировать я, но все только смеялись.

Катя разговорилась с одной из вновь прибывших в наш отель, так что не сразу поняла, что её зовут.

– Посмотри, посмотри, что твой вытворяет! – хохоча, говорили ей. – Он, видимо, изображает, как тонет дирижёр.

– Что?

Она присмотрелась. Видимо, в тот момент я окончил дирижировать оркестром и беспомощно начал всплывать на поверхность воды спиной вверх.

– Да он не умеет плавать!

Катя прыгнула с разбега в воду и вытянула меня к краю бассейна. Мужчины вытащили меня на дорожку и перевернули вниз лицом, чтобы я выплюнул воду, которой успел наглотаться. Мой живот с усилием сдавили, и я, закашлявшись, задышал. Синие мои губы порозовели, а сам я пришёл в себя, после того на краткий период лишился чувств. Катя с невыразимым страхом смотрела в мои глаза. В поднявшейся суматохе я никого не видел и никого не слышал, кроме неё. На все расспросы, как я свалился вниз, ведь там же неглубоко, первыми моими словами было:

– Мы полетим в Иерусалим!

– Да не надо! Никто на тебя не злится, всё в порядке!

– Мы полетим в Иерусалим!

Когда суматоха улеглась и все увидели, что моему здоровью ничто не угрожает, а сам я полным уме и здоровой памяти, я чётко повторил свою твёрдую позицию, что мы полетим в Иерусалим ближайшим рейсом. Кто-то сообщил, что автобус в аэропорт уезжает через двадцать минут. Тогда я сказал, что нам нужно торопиться, потому что мы туда полетим. Катя посмотрела на меня с опаской и в то же время с уверенностью, что переубедить меня нельзя, и мы пошли в номер собирать вещи.

Экскурсия в Святой город занимала два дня и одну ночь. Многие расстроились, что не увидят меня сегодня вечером на веранде бара, но я оставался непреклонен. Ещё покашливая от воды в лёгких, я гладил Катину руку, пока автобус отъезжал от нашего отеля в сторону аэропорта. Катя была очень удивлена моему решению, но в глубине души радовалась заветной мечте её мамы, чтобы дочка оказалась в святых местах. Я и сам чувствовал, несмотря на наигранное позёрство в виде проповеди безнравственности, что мы движемся к чему-то святому. Всю сухопутную часть дороги мы промолчали.

Глава 29

Одиноких костры согреют

– Я никогда не хотел побывать в Иерусалиме.

В аэропорту я понемногу стал разговаривать. До этого временное моё утопленничество как-то мешало выйти из образовавшейся скорлупы.

– На кафедре мы изучали жития многих святых, и мне хотелось побывать в той же египетской пустыни, где зародилось монашество, в пещерах Каппадокии, в Тримифунте – одним словом, везде, но только почему-то не Иерусалиме. Казалось бы, здесь состоялись центральные события христианства, но меня сюда никогда не тянуло. Даже новгородская повесть о белом клобуке, когда монах на поверженном бесе прилетел за одну ночь в Иерусалим и обратно, меня не особенно поразила.

– А почему же сейчас ты вдруг решился? – в этот момент у Кати было такое выражение лица, будто она разговаривает с ребёнком или сиротой. Или как с ребёнком-сиротой.

– Когда я был там, в воде, я поначалу жутко испугался. Но это было вначале. Тогда я испугался за свою жизнь, что могу умереть. Затем мне стало ещё страшнее, когда я понял, что вокруг меня десятки людей, и ни один из них даже не спрыгнул в бассейн, чтобы мне помочь. А в последний миг моего ещё живого сознания я ужаснулся, что после меня ничего не останется в мире. Будут ещё миллиарды и миллиарды людей, но среди них не будет моего сына или дочери.

– То есть мы летим в Иерусалим зачинать ребёнка? – уточнила, опешив, Катя.

– Мы летим в Иерусалим молиться о здоровье нас самих, наших родителей и будущих детей. Мы летим туда, чтобы сказать Богу спасибо за то, что у нас есть дар жизни.

– И для этого мы пролетим тысячу километров?

– Когда ты хочешь поздравить именинника, ты садишься в такси и едешь к нему домой, чтобы вручить подарок лично и вместе отпраздновать. Раньше люди пешком шли тысячи вёрст, чтобы попасть на Святую землю. Преодолевали границы государств и языковые барьеры. А нам достаточно заплатить деньги (которые мы зарабатываем, нажимая на клавиши), и нас по воздуху доставят туда за час.

Катя перечить не стала. В конце концов она сама была не прочь посетить святой город. Скорее всего, её смущали обстоятельства, при которых было принято это решение. Вся эта история с неким «откровением», полученным в последний миг сознания перед несбывшимся утоплением в бассейне, больше походила на фарс из дешёвого телесериала. Ощущение этого меня тоже мучило. Но что я мог поделать, если случилось именно так? Пускай это нелепо и, наверно, смешно, если посмотреть со стороны. Но повторюсь: именно так всё и было.

Я даже задумался: а что, если некоторые великие откровения случались так же абсурдно? Я имею в виду такие откровения, против которых сегодня и слова поперёк нельзя сказать, чтобы тебя тут же не обвинили в разжигании розни? Ну вот, скажем, вознесение Мухаммеда архангелом Гавриилом и путешествие в Иерусалим и обратно, пока из опрокинутого кувшина не успела вылиться ни одна капля вина. Ведь попробуй объяснить этот случай с точки

зрения псевдогаллюцинаций Кандинского¹¹, а самого пророка представить идеофреником на фоне злоупотребления спиртным – вполне логичное с точки зрения психиатрии объяснение. Но эдак к тебе толпа из соседнего квартала придёт и горло перережет за такие слова.

Но вот взять слова Христа, что иерусалимский храм, если будет разрушен, за три дня восстановлен будет. Кто же из фарисеев понимал, что Христос говорил о храме Своего Тела, которое есть Церковь, и о воскресении на третий день? Неудивительно, что и последователи Мухаммеда стали отказываться от ислама, услышав новость о ночном путешествии, и ученики Христа смутились, когда слышали явно невозможное – восстановить храм, который строили тысячу лет. А каково было Мухаммеду и Христу? Может быть, чисто человечески они чувствовали откровенную неловкость от этих взглядов, сомнений?

Конечно, в моём случае всё это должно было выглядеть так, что я, спасая любимую, схватил верёвку из пролетавшего вертолётa, подлетел к Кате, вытащил её из-под семиметровой волны и закрепил узлом. А сам, как настоящий джентльмен, сорвался без сил в солёное морское чрево и тонул в нём пять с половиной минут, пока меня не вытащили подплывшие спасатели, которые с трудом откачали меня на берегу. Тогда бы я мог синими губами вымолвить свою волю о воздушном путешествии в святой город, и меня, как героя, понесли бы в аэропорт на руках.

Но в действительности я оскользнулся на краю бассейна, пропуская мамочку с ребёнком, и упал в воду, где начал барахтаться руками как самый настоящий клоун. Так что даже та женщина сказала своему сынишке: «Пойдём, пойдём, это дядя дурачится!». Услышав такой комментарий, все вокруг начали хохотать над моими кривляниями и строить предположения, что я изображаю. Последней версией был дирижёр оркестра, пока Катя, наконец, не заметила меня и не крикнула: «Да он не умеет плавать!».

Но разве я виноват в том, что в кожаевском мире цыган всё важное происходит абсурдно? Неужели я призываю или каким-то образом притягиваю всю эту нелепицу и клоунаду? Смотрите, какой смешной был Никулин, но все же смеялись над его шутками, над его образами, а не над ним самим. Его все уважали. Почему же со мной не так? Тут мне в голову пришёл весьма логичный ответ: «Может, потому что ты чмо?». Что ж, это многое объясняло. Обидно, конечно, но смотреть в глаза действительности – значит, сделать первый шаг к исправлению.

Святой город полностью развеял мои мысли и домыслы. Привыкнув воспринимать Иерусалим как место священных событий священной истории, я был обескуражен, когда увидел скоростные трамваи, кинотеатры и кафе под открытым небом с шатрами с надписями “Stella Artois”. Но, конечно, всё это было по пути в гостиницу. А затем гид сразу повёл нас на экскурсию по

---

¹¹ Имеется в виду Виктор Хрисанфович Кандинский, психиатр, автор критико-клинического этюда «О псевдогаллюцинациях» (С.-Пб., 1890). Троюродный брат художника-абстракциониста Василия Васильевича Кандинского.

историческому центру, после чего всем желающим было предложено остаться на вечерню в Храме Гроба Господня.

Наш вылет обратно был назначен на завтра, сразу после обеда. Поэтому Катя предложила хорошенько выспаться и с утра прогуляться по всем тем достопримечательностям, которые мы только успеем обойти. Однако я остался на великое повечерие, которое как раз служилось в тот день, а Катю с остальными соотечественниками отпустил в отель. Она весьма удивилась, однако разубеждать меня не стала и уехала.

Служба продлилась два часа. Всё это время я был как бы не в себе. Непривычное церковное пение с явными арабскими мотивами, терпкий ладан, необычная иконопись и совершенная вовлечённость в тайнодействие, так что священник чуть ли не ради тебя растворяет царские врата, – всё это произвело на меня невероятное по мощи ощущение. Если по отрыве от тела душа остаётся в том состоянии, в котором застала её смерть, – то я понимаю, почему отшельники так усердно молятся. Для них это слаще, чем мёд. Я бы и сам мечтал вечно парить душой в таких «сферах».

Но тогда мне было совсем не с руки умирать, и я поспешил в гостиницу. Катя уже спала и, казалось, так и не просыпалась до утра. Всё это было похоже на сон слепых, которым краски чувств передают вместо глаз осязание и язык кожи, губ, дыхания. В какой-то момент мне даже показалось, что это были буквально ангельские объятия. Однако когда мы утром столкнулись в дверях с соседями, американскими пенсионерами, путешествующими по миру, то мужчина поздравил нас с медовым месяцем, а его супруга загадочно мне улыбнулась и окинула подобострастным взглядом.

– Слушай, – я как бы не заметил неудобства ситуации, – а, может, нам купить свадебные костюмы и вернуться в Хургаду в таком виде? Чтобы предстать как действительные молодожёны?

– Не-не-не! – Катя игриво предостерегла меня от такого шага. – Мы просто улетели отдохнуть! Мы ещё не поженились и не обвенчались, и это *не* медовый месяц! Ты что, вздумал лишить меня настоящего медового месяца? Наивный какой!

И она поцеловала меня, как в наше третье свидание.

После получившейся довольно скорой прогулки мы вернулись в гостиницу, чтобы забрать вещи и сдать номер.

– Представляешь, это же знак для всей новой будущей жизни: Елизавета Михайловна была зачата в Иерусалиме, а на следующий же день мы полетели в Египет. Это как история Моисея, только в обратном порядке, ускоренная и про девочку. Русскую.

– Стоп! – Катя даже не поняла сначала, о чём я.

Я с трепетом смотрел на неё с видом неподдельной невинности.

– Во-первых, с чего ты взял, что... что-то произойдёт? – подобрала она слово и незаметно погладила живот. – А, во-вторых, Елизавета Михайловна, да? Ты уже и с именем определился?

– Отвечаю по порядку! – я с готовностью всё объяснил. – Во-первых: да. Я своих белых мишек знаю, и они своё дело выполняют на зубок, так что в этом можешь не сомневаться. Зря я их, что ли, в ежовых рукавицах держу!

– Что? – Катя прыснула со смеху.

– А, во-вторых: конечно, я определился с именем. По-моему, тут и без вариантов особенно. Естественно, она будет Михайловной: я же Михаил.

– Очень смешно! – сыронизировала Катя. – Мне Лиза вообще не нравится: Лиза-подлиза...

– А как же Лиза и Эраст Фандорин?

– Вот хорошо ты ещё Эраста не предложил – только этого не хватало. А почему ты думаешь, что будет девочка?

– Я не думаю, я знаю! – я был до глупости дерзок.

Мы загрузили чемоданы в боковое нутро автобуса и прошли в салон.

Глава 30

Самая ненастоящая магия

– Если из женских выбирать, то, например, Светлана или Марина...

– Это в честь твоей подружки, что ли? – я деланно прищурил глаза, как шпионы в мультфильмах. – Я ещё не простил тебе, что вы целовались, но не сняли это на видео!

– Вот ты дурак! – Катя замотала головой из стороны в сторону. – А самое удивительное, что ты наверняка в это веришь! Сам выдумал и сам поверил – вот в этом весь ты. Ты так и с шестнадцатилетней итальянкой целовался, когда тебе было восемь, и экзамен пропустил, потому что загулял и проснулся в Мюнхене.

– Не в Мюнхене, а в Петербурге! Мы с приятелем отмечали день студента и уехали туда. А в Германии я заблудился, в соседней с Баварией федеральной землёй – Баден-Вюртемберге. Там меня ночью угостили пивом и довели до дома казахские студенты. Ну что я, виноват, что всё это правда? – я развёл руками.

– И это было?

– В десятом классе это было.

– А с итальянкой ты целовался в каком классе?

Я постарался припомнить:

– Это было лето после третьего класса.

– Ну не бред, а?

– Знаешь, – во мне разыграло обиженное самолюбие, – про «Слово о полку Игореве» тоже можно так сказать: и Мусин-Пушкин неизвестно где рукопись добыл, и сгорела она так «удачно» в пожаре 1812 года, и ни одной цитаты в других сочинениях за полтысячи лет. Но сегодня историческая наука с полной достоверностью доказала: да, всё это выглядит очень странно, но именно так всё и было. И выражения в нём встречаются такие, которые больше нигде не встречаются, кроме берестяных грамот, которые открыли спустя век! Отсюда

какой следует вывод? Правильно: как я с итальянкой целовался, так и вы с Мариной!

– О, Боже! – взмолилась Катя. – Ну пусть так: как вы, так и мы. А как её звали? А, не помнишь?

– Камилла! Прекрасно помню. – Мой мгновенный ответ смутил Катю. Похоже, она засомневалась: а вдруг кое-что из того, что я болтаю, всё же правда?

Я посмотрел на улицу, куда свернул наш автобус, и сам сменил тему, которую начал:

– Знаешь, о чём я сейчас подумал? Вот мы в святом городе. Здесь происходили священные для нас события. Но повседневная жизнь сотен тысяч людей, кажется, никак не связана с осознанием этого! Люди ходят на работу, с работы, сидят в кафе, пьют чай – и как будто не было ни Голгофы, ни тайной вечери, ни открытия креста Господня спустя триста лет. Мне это вдруг напомнило нас с тобой: ключевое зерно двух наших жизней – это любовь, но она тоже как будто сокровенна: мы завтракаем, ходим на экскурсии, фотографируемся. И в то же время любовь руководит нами, как сердце даёт кровь для рук, ног и головы. Гм. Представляешь, что через сто лет мы станем символами невероятной любви, и о нас снимут фильм, что вот, мол, в Иерусалиме они зачали Елизавету Михайловну...

Я хотел продолжить, что в Риме и Мехико – двух сыновей, но тут Катя чмокнула:

– Тьфу! – она улыбнулась с ноткой негодования. – Я слушаю тут серьёзно, а он всю эту тираду произнёс, только чтобы Лизу свою продвинуть. С чего ты вообще взял, что будет девочка? В смысле, с чего ты взял, что... вообще что-то будет?

– Что-то? – интонации моего сарказма плескались от прусского синего (простой повтор фразы густым тембром) до ядовито-зелёного (жгучий халапеньо пристыживания).

– Кто-то! – Катя ударила меня кулачком в плечо и покраснела, отвернувшись к окну. Я обнял её и поцеловал в щёку.

Некоторое время мы ехали молча, просто обнявшись. Через пару перекрёстков мы остановились на светофоре. В соседнем ряду девушка за рулём розового «Жука» чихнула. Затем обернулась в нашу сторону, и наши с нею глаза встретились.

– Будьте здоровы! – вслух сказал я.

Она смущённо улыбнулась и сказала «спасибо», несмотря на то, что мы друг друга никак не могли услышать. Катя обернулась на меня, потом на девушку, быстро осознала случившееся и тоже улыбнулась. Девушка кивнула нам обоим как бы в знак пожелания всего доброго, мы улыбнулись ей в ответ, загорелся зелёный, и больше мы никогда в жизни не пересеклись с ней.

Уже в самолёте я философски заметил:

– Я вдруг вспомнил отрывок из книги Розанова, где он пишет, что молодожёнам после венчания нужно отводить специальные покои прямо в храме и оставлять их там на три дня. Чтобы они поняли, что близость телесная

– выражение неразделимого соединения духовного. Он таким образом хотел показать, что всё человеческое, земное, плотское – это и есть пространство жизни образов и подобий Божиих, людей.

– Честно говоря, я не хотела бы заниматься этим в храме...

– Да я не к этому! Я к тому, что всё вокруг – это и есть рай! Не надо никуда заходить, выходить, отгораживать – мы уже в храме, потому что он один и есть в мире! Влюбляясь, мы совершаем литургию во имя Бога и во имя самих себя! Поэтому надо быть чистым всегда, чтобы ты самого себя не мог ни в чём упрекнуть. Вот я люблю тебя – и никто мне больше не нужен. Я имею в виду, из девушек. А любя друг друга искренно, мы совершаем самое настоящее богослужение!

Спустя некоторое время Катя спросила:

– Ты никогда не хотел стать священником?

Этот вопрос меня смутил.

– Да какой из меня священник! Я с собой-то справиться не всегда могу, куда же мне о других заботиться и направлять? Кроме того, слишком я моторный для этого, как для работы, я имею в виду. Каждый день причащаться – а если я чувствую собственное недостойнство для этого именно сегодня, а служить надо? Может быть, с годами, когда я стану спокойнее и дисциплинированной, то возможно, призвание пересилит мои слабости.

– Совершенно не представляю себя матушкой!

– Отчего же! – не согласился я. – По-моему, тебе пойдёт. Будешь приходить на службу в длинных платьях в пол, с семьёю ребятишками, беременная восьмым...

– Да ты что! – Катя даже раздумянулась. – Я тебе автомат по рождению детей, что ли? Я одного-то не представляю, как родить! А тут семеро!

– Восьмеро! – поправил я.

– Это так-то ты ко мне относишься? Как к плодоносящему чреву? А сам будешь на службы ездить, чаши допивать, да?

– Ну ладно, ладно, успокойся! Это вряд ли будет, честно говоря. Какой из меня священник, право слово...

В родной Хургаде нас встречали как национальных героев. Складывалось впечатление, будто нас не было три с половиной года, что даже некоторые газеты объявили нас погибшими, но мы явились как ни в чём не бывало, и теперь к нам стекался весь отел. Даже те, кто прибыл только вчера и даже не мог нас видеть воочию, прямо из людской стёки трогали нас за руки, словно не верили, что мы существуем телесно.

Ужин, без преувеличения, прошёл в нашем чествовании. Старожилы четырёхдневные рассказывали о нас, как об исшедших тысячу лет назад из Египта и теперь вернувшихся с пальмовой ветвью и добрыми вестями. Все вокруг, даже иностранцы, поднимали бокалы за наше здоровье, и мы с Катюшей впервые почувствовали себя молодожёнами. Впрочем, после официального празднования нас никуда не отпустили, потребовав продолжения застолья и, как следствие, гипертрофированного веселья, поставщиком

которого меня единогласно избрали на время моего материального пребывания на этой обетованной для русского сердца земле.

– Ну что вам надо, человеки? – вопрошал я, пока на веранде с видом на море составлялись друг с другом столы. – О чём трепещут чрева ваших душ?

Тут туристы из числа новобранцев, пожалуй, впервые смутно заподозрили, что у них может случиться неоднократный разрыв шаблона.

– Фокусов! – доносилось с разных сторон. – Чудес! Розыгрышей!

– Анекдотов! – кричали другие. – Развлечений!

А я в это время случайно подглядел, как одна из девушек, Юлия из Саранска, разблокировала свой айфон: 278029. Я, что называется, положил эту информацию «в карман», приготовив использовать в своей очередной шуточной фантазмагории.

– Шарад! – густым колокольным звоном пробасил мужчина через столик. И, рассмеявшись невольно, обещал придумать шараду-другую.

Спустя пару дежурных анекдотов и дежурную шутку, что жители Нижнего Новгорода считают, что брейкданс бывает нижним и великим, – я решил воспользоваться представившимся случаем с подсмотренным кодом телефона.

– Так, ну ладно. Всё это – хиханьки-хаханьки. Настало время настоящей магии. – Я по-экзаменаторски сурово оглянул всех присутствующих. Люди смеялись, но молчали. – Так, кто там хотел шарад? Там, на галёрке?

Краснолицый мужчина, хорошо за центнер, встал и представился:

– Виктор!

– Виктор, замечательно! – он был из числа только сегодня прилетевших. – Очень приятно познакомиться, меня тоже зовут Виктором, но не все, только те, кто считают, что меня так зовут.

Спустя мигренический приступ вздохов я продолжил:

– Виктор, я сейчас возьму новую колоду карт и на глазах у всех распечатаю её.

Я достал из кармана колоду и распечатал.

– Внимание! – предупредил я всех: в моей голове уже вызрела невероятная по изящности многоходовка. – Тишина! Очень сложный фокус, который зависит от множества факторов. Если что-то пойдёт не так – не получится ничего!

Я перетасовал колоду.

– Итак, Виктор! Назовите, какой по счёту сверху мне взять карту? Я отсчитаю и передам вам в руки, никому её не показывайте до конца фокуса.

– Седьмую! – посмеявшись, определился тот.

Я отсчитал шесть карт и седьмую передал ему, приказав никому не показывать.

– Виктор, я вижу, вы приехали не один. Как зовут вашу очаровательную любовницу?

– Я не любовница, я жена! – запротестовала та. И немедленно представилась: – Я Любовь!

Я прищурился и стал рассуждать вслух, не очень громко, но чтобы меня все слышали.

– Не любовница, а жена, но при этом Любовь... Что ж, допустим. Мне кажется, это нормально для города, откуда вы приехали. Откуда вы, кстати?

– Из Новокузнецка.

– Не говорите, я сам угадаю! Из Новокузнецка? Ах, зачем же вы сами сказали – опередили мою магию! Ладно, продолжим!

Я ещё раз перетасовал колоду.

– Внимание, Виктор! Загадайте любое двузначное число, как вы оцениваете Любовь по шкале от нуля до десяти.

Смех пошёл волнами, по мере того, как люди догадывались, что любым двузначным числом от нуля до десяти может быть только десять.

– Загадали? – торопил я его с решением. – Теперь: внимание! Не говорите его никому. Идите сюда!

Виктор послушно встал и подошёл ко мне. А я обратился к девушке, чей код разблокировки недавно посмотрел:

– Юлия, вам задание. Вот сейчас Виктор назовёт вам на ушко двузначное число, а вы запишите его в заметках на своём телефоне.

Тут раздался гогот, потому что мой фокус раскрывался, как подсолнух на солнце. Однако я неустанно гнул свою линию.

– Это у вас что, «Гэлакси»? О, айфон? Круто! Первый раз слышу!

Юлия записала число, и я отпустил Виктора.

– Теперь разблокируйте свой телефон и покажите мне число, которое загадал Виктор!

Девушка засмеялась, и я поторопился перейти к кульминации.

– Ой, можно подумать, я сам не справлюсь! Двадцать лет программисты «Эппл» придумывали, а я за минуту не разблокирую!? Дайте сюда!

Юлия хохотала вместе с подружками, а я смотрел на айфон, как мартышка на очки из басни Крылова.

– Гм, так. Юль, тебе потребуется ответить честно на мой вопрос, тогда у меня всё получится. Скольким парням ты отказала?

Девушки захихикали пуще прежнего, а я сделал вид, что стал считывать её мысли.

– Так, ноль-ноль-пятнадцать! – и я набрал эту комбинацию на экране. – Неверно. Подожди, да нет – не сегодня! Я имею в виду, вообще в жизни! Поняла? Давай, мысленно мне передавай это число!

И я ещё раз ввёл неправильное число, но так, чтобы Юля видела, что я ввожу четыре цифры.

– Так там не четырёхзначный код! – сказала, наконец, она.

– Не четырёхзначный? А сколько?

– Шесть цифр!

– Шесть? А-а, ну тогда это всё гораздо проще! Значит, так. За всю свою жизнь ты отказала целой орде парней, и это число шестизначное. Так, транслируй чётче свои мысли, а я наберу: двадцать семь, восемьдесят, двадцать девять.

И на глазах у удивлённой девушки я разблокировал её телефон и прочёл:

– «Миша, я знаю, что ты помолвлен, но давай встретимся на пристани сегодня в час ночи». Нет, твои сообщения сейчас никому не нужны. Где заметки? А, вот. Десять, правильно? Виктор, вы десять загадали?

– Десять! – по-настоящему удивлённый, подтвердил он.

– Значит, ваша карта – восьмёрка трэф!

Он перевернул карту, стал глядеть в неё сам, а затем показал всем остальным. Естественно, это была восьмёрка трэф.

Повисла тягостная тишина, поскольку все вдруг поверили, что произошла самая настоящая магия. Юлия не могла понять, как я разблокировал её телефон. Те, кто поглупее, уверовали, что она действительно могла написать мне такое сообщение. Виктор не понимал, как я смог угадать его карту. А все вместе не могли взять в толк, как я так точно обвожу мишени, если не прозвучало ни единого выстрела!? Даже Катя, кажется, на мгновенье, усомнилась, что всё произошедшее – плод моей хитро-, как еврей, -жопности. Все молчали. Не знаю, чем бы закончилась эта гробовая тишина, но я достал колоду и повернул карты лицом вверх.

– Да что вы все застыли! Тут все карты – восьмёрки трэф! Пришлось купить пятьдесят две колоды и сложить из них пятьдесят два набора с одинаковыми картами в каждой! Ну просто же! А вы надулись, как будто я с помощью каббалистических сефиротов всё это показал! Будьте проще!

Кое-где раздались вздохи облегчения, как будто я действительно практиковал магию. Как вдруг один из новичков, совсем молодой парень с лицом Маяковского и шевелюрой Есенина, выпалил в сердцах:

– Вот, шайтан!

Все вокруг расхохотались, и я облегчённо вздохнул. Ещё никогда в жизни я не был так близко от истинного уверования в себя других. Это страшно!

Глава 31

Крокодил и пантера

События двух последних дней наложили на меня отпечаток, я, хоть и улыбался, заметно устал и был несколько бледен. Свидетели моих представлений, кажется, вошли в моё положение и на время перестали требовать новых фокусов, пассов и словесных шаблонов. Мы сели с Катей на плетёную скамейку у самого края веранды, которая на добрые пять метров возвышалась над пляжем и позволяла глядеть далеко в море словно бы с палубы корабля. Впрочем, вскоре к нам подсела ещё одна пара – интеллигентные люди лет сорока. Мужчина представился Петром и сказал, что увлекается литературой. Спросил, не пишу ли я чего-нибудь сам. Его жена, Софья, больше, казалось, любовалась Катей, чем принимала участие в беседе, так что мне стало немного не по себе.

Я отвечал, крепче сжимая Катину руку, что пишу, как и многие, а впрочем: а что?

– Ну, может быть, можно зайти в книжный магазин и купить вашу книгу?

– Нет! В этом плане я неудачник, – я поспешил расставить все точки над «і».

– Серьёзно? И вы не известны в интернете?

– Ну, раз вы обо мне ничего не слышали – значит, я не востребовавшийся массовым читателем солдат пера, имя коим легион.

– То есть вас не волнует вопрос известности?

– Это похоже на диалог Воланда с Берлиозом, – усмехнулся я. – Только в другой плоскости. Если так, то отвечу в духе Ивана Бездомного, во всеуслышание: нет, мы не стесняемся быть неизвестными!

Мой возглас привлёк внимание окружающих. Но я постарался свести этот эффект к минимуму.

– Если серьёзно, то я считаю, что это большое счастье – творить, не получая признания. Если вы это имели в виду. Потому что когда ты не имеешь никаких координат извне – ты свободен писать то, что считаешь нужным. Ведь если критика критикует одно, а хвалит другое, то волей-неволей ты будешь стремиться писать другое, даже если это не совсем то, что ты на самом деле хочешь сказать. А когда нет критики, потому что ты полный ноль, – тогда ты можешь творить там, где- и то, что- ты хочешь!

– Интересное рассуждение, – заметил Пётр, пока Катя в ответ поглядывала на его жену. Я стиснул Катину руку ещё крепче и ответил:

– В этом и есть смысл искусства – нахождение подобного. Вот вам, скажем, нравится Дебюсси.

Свободной рукой я ткнул воздух в направлении Софьи.

– Как вы узнали? – восторженно пропела она.

– А вам нравятся декларации соответствия евразийского экономического союза.

Пётр довольно улыбнулся, а его супруга экзальтированно вскинула руки, стрельнула глазами в Катю и пропела солённому бризу:

– Удивительная интуиция!

– А мне нравятся романы Константина Вагинова, который родился в 1900-м году и умер в возрасте тридцати пяти лет. Вот он наверняка представить не мог, что его произведения – которые в советское время оказались почти забыты – вдруг бесконечно понравятся спустя восемьдесят лет какому-то парню. А ещё через пятьдесят лет станут классикой, а через сто – перестанут, а через пятьсот их будет цитировать новый наш Пушкин как выписку из древнего трактата по пыльновековой беллетристике.

Я откинулся на кресле, сделал глоток лёгкого фруктового вина и заключил:

– Вот я о чём и говорю: нахождение подобного, близкого, интересного! Все знают о конкурсах типа мисс мира, но вы же себе ищите гораздо более ценное сокровище – девушку, которую *вы любите больше всех остальных*, которая *для вас* – самая красивая и самая желанная. Поэтому вы с Софьей, а я с Катей.

Я попробовал нарушить их глазные совокупления. На время это получилось.

– Я не просто так спросил, – признался Пётр. – Дело в том, что у меня действительно неплохо идут дела в бизнесе. Но мне хочется чего-то большего. Я, скажем так, стараюсь покровительствовать искусствам. В том числе

финансово. Мне кажется, вы сможете себя ярко проявить как редактор журнала. Не обычного глянца, как это сейчас принято в обществе, а некоего нового формата.

Катя хотела было что-то сказать, но видя, что я молчу, сверкнула на меня глазами. Я обдумывал ответ. Работать на два фронта было соблазнительной мыслью, но в реальности это ничем хорошим не кончается. Признаться в том, что я уже редактор журнала, мне тоже не хотелось – даже не знаю, почему именно. Натура подсказывала мне согласиться, не соглашаясь в целом. И я ответил:

– Вы знаете, я вполне счастлив и доволен нынешней работой. Согласиться даже на самые шоколадные условия – значило бы обмануть и вас, и моих работодателей. Да и себя, в конце концов. Кроме того, профессиональный болтун – не всегда хороший редактор. Может быть, вам нужен человек подисциплинированной? Тогда бы я смог трудиться в вашем журнале как колумнист. Я бы писал про всякие странные вещи. Про паутины, которую плетут накаченные наркотиками пауки. Про ощущения, рассказанные выздоровевшими шизофрениками. Что скажете?

– То есть вы будете раз в месяц готовить подобные статьи? – уточнил Пётр.

– Да.

– А откуда вы знаете, что испытывали больные шизофренией? – оживилась Софья.

– Да, расскажи! – сказал кто-то рядом. По мере того, как мы разговаривали в сторонке, вокруг нас образовывалось новое собрание.

Я пояснил, так чтобы это могли услышать все заинтересованные:

– Я недавно прочёл книгу Виктора Хрисанфовича Кандинского. Это дядя знаменитого художника. Он был профессиональным психиатром, много практиковал и на основе своих наблюдений написал сочинение о шизофрении. Правда, он употреблял термин «идеофрения» и основной акцент делал на псевдогаллюцинациях. В отличие от настоящих галлюцинаций – например, объелся человек грибами, и дерево превратилось в его сознании в дракона – больные понимают, что в реальности нет ничего, что бы соответствовало их иллюзиями. В этом плане данные явления больше похожи на бред, чрезмерную фантазию, вымысел, в который человек уверовал. Но при этом он понимает, что всё-таки это плод его психической деятельности. Например, больные могли слышать приказы, которые отдавали им враждебно настроенные люди. Сами эти приказы слышали только они, не окружающие. А объяснялось это внушением, тем, что враги наговаривают слова прямо в голову, используя для этого новейшие технические разработки. Кандинский назвал такие явления слуховыми псевдогаллюцинациями. Но самыми интересными, на мой взгляд, являлись зрительные и осязательные псевдогаллюцинации, которые действовали на идеофреников совместно.

– Расскажи, пожалуйста!

– Ну вот один пациент, например, считал, что администрация лечебницы посадила у канализационной трубы, откуда в сток вытекали нечистоты, –

крокодила! Чтобы никто не сбежал. А если кто-то и попробовал бы сбежать, как герой «Побега из Шоушенка», по трубе, то его бы там этот самый крокодил сцапал. Вот так этот больной считал. А в один из дней Кандинский обратил внимание, что пациент буквально застыл, встал в ступор в коридоре больницы и двигался очень-очень медленно, как будто его связали по рукам и ногам и он был вынужден испытывать жуткое противодействие. Это продолжалось несколько часов. А когда он пришёл в себя, то рассказал врачу о своих видениях – тех самых псевдогаллюцинациях. Он рассказал, что тот самый крокодил пробрался по трубе в больничной туалет, оттуда выполз в коридор, увидел его – пациента – и проглотил! И всё то время, пока больной двигался в час по чайной ложке, – всё это время он продвигался внутри крокодильева чрева, выбираясь наружу! Соответственно, мешали ему двигаться сжатые рёбра животного, внутри которого он пытался пробраться обратно к пасти и далее – на свободу!

– Ужас какой! – экзальтированно пропела Софья.

– Невероятно! – раздалось откуда-то с третьего ряда.

– Это прям как «дверь мне запили!»!

– Кстати, да! Это очень точная иллюстрация данной формы шизофрении! – заметил я с воодушевлением. – У Кандинского есть описания практически идентичных – и всё же других явлений. Он описывает, как в результате ментальных нарушений человек начинает ассоциировать свою личность с разными предметами, которые и психикой-то не обладают. Так, например, одна пациентка в результате прогрессирующей идеофрении стала считать себя не чем иным, как... пряжей. И когда доктор задавал ей вопросы – она воспринимала это, как будто он пряд ёю разные узоры, и она вопрошала: «Что ты меня прядёшь!?!». Другая больная по той же схеме воспринимала себя... супом, который им каждый день разливали на обед. Поэтому когда доктор обращался к ней, она отвечала: «Что ты меня разливаешь!?!».

– Ужас какой!! – вторично воскликнула Софья.

– А были случаи ещё более витиеватые, – с энтузиазмом продолжал я. – Один больной видел, как каждый вечер после отбоя сотрудники лечебницы сворачивали ковровую дорожку – уж не помню, зачем именно. Но только перед этим они связывали пациента по рукам и ногам. И он потихоньку осознал, что таким образом они намекают ему, что вертят его волей как хотят: то свернут, как ковёр, то развернут, чтобы дать немного воли. А другая пациентка наблюдала, как во дворе их больницы работники пилили бревно на дрова. И она в этой их деятельности усмотрела сигнал, как бы мысленную подсказку ей посредством символических действий, что брат её, проходивший по следствию, был казнён. Но в отличие от моментальной фактической казни – работники глумились над ней, издевались, потому что растягивали этот трагический момент и пилили один чурочок целую минуту, после чего повторяли это напоминание снова и снова.

А самый зловещий случай, на мой взгляд, произошёл уже в наше время. Есть такая музыкальная группа «Пантера». Их солиста во время одного из концертов убил фанат. Забрался на сцену и выстрелил ему прямо в сердце.

Убийцу задержали, и им оказался психически больной человек. Он искренне считал, что все тексты, которые пишут музыканты «Пантеры», нацелены исключительно на него. И имеют целью унижить его, оскорбить и обнажить все его потаённые слабости путём метафор и намёков. Хотя никто из участников коллектива его даже не знал. И вот он, устав терпеть эти насмешки, взял пистолет и полез на сцену свершить справедливость.

– Ужас какой!!! – в третий раз загундосила Софья и стала обмахивать себя ладонью.

– Я вас нанимаю! – в порыве восторга произнёс Пётр и протянул мне руку для делового пожатия.

– А-ха-хах! – невольно рассмеялся я, но руку принял и с энтузиазмом пожал. – Я согласен!

Вокруг, в полном соответствии с сюрреализмом происходящего, раздались аплодисменты. Видимо, правы создатели сект, что ничто не привязывает людей так сильно, как смесь внушаемого ужаса и легкомысленного смеха.

– Что ж, читайте мою колонку в журнале Петра! – и свободной рукой я указал на него как на нового Савву Морозова. И обратился уже к нему, указывая на наше крепкое рукопожатие: – Что ты меня спонсируешь!

– А-ха-хах! – рассмеялся он в ответ и обнял меня всем своим медвежьим телом.

Глава 32

Беовульф недокормленный

Оставшиеся три дня мы с Катей фланировали от номера к пляжу и от сувенирных лавок к ресторану, как монаршие особы. Или, лучше сказать, как шахматный король с королевой: все с нами здоровались как с очень известными личностями, только вместо автографов просили анекдоты. Реже – розыгрыши, прибаутки и шарады. Один русский мальчик нас не узнал, зато попросил пять долларов. Этот случай сподвиг меня переделать анекдот про бабушку с зеленью на местный манер, который я с успехом рассказывал все оставшиеся вечера людям, которые его ещё не слышали:

– *Один нефтяник приехал из Сибири в Египет на отдых. Снял номер «люкс» на два месяца. И при всякой возможности стремился подчеркнуть, что он очень богатый человек. Когда он в первый раз пошёл на пляж мимо торговцев сувенирами, то спросил: «Сколько стоит вот эта статуэтка Нефертити?». Тот ему: «Десять долларов». Олигарх достал десять долларов, вручил их и сказал, что статуэтку не надо. Пошёл дальше. Спросил у второго: «Сколько стоит полотенце с Тутанхамоном?». – «Пять долларов», – честно признался тот. – «Вот тебе за два, оставь их у себя». Отдал ему десять долларов и пошёл дальше. Спросил у третьего: «Сколько стоит магнит с картой Египта?». – «Один доллар». – «Вот тебе за десять, и оставь магниты у себя». И пошёл на пляж. И вот так он каждый день выходил из номера, шёл к морю и каждому из трёх торговцев давал по десять долларов. И ничего не брал.*

Кто-то хихикнул, а я продолжил:

– Прошла неделя. Олигарх в очередной раз вышел из номера и пошёл к пляжу. Подошёл к первому торговцу, вручил ему десять долларов. Подошёл ко второму, дал ему десять долларов. Хотел было подойти к третьему, но тот сам вышел к нему навстречу. Сибиряк спросил: «Вы, наверное, хотите узнать, почему я каждый день отдаю десять долларов и ничего не беру?». – «Нет. Я хотел сказать, что с сегодняшнего дня все магниты стоят полтора».

В исходном варианте бабушка потребовала за зелень сто пятьдесят рублей вместо ста, но местный колорит, безусловно, прибавил актуальности данной новой истории. Анекдот пользовался успехом, и я, пренебрегая вопросами текстологической преемственности, объявлял себя полноценным его автором. Мне мало того, что верили, – все начали просить рассказать «тот анекдот, который ты сам придумал». Я чувствовал себя не умеющим петь солистом популярной группы.

На просьбы показать какой угодно фокус, хоть математический, я говорил одно и то же:

– Загадай любого своего знакомого, чей год рождения ты точно знаешь. Можно родителей, можно друзей, начальника, подчинённого – кого угодно. Загадал? Теперь прибавь, сколько полных лет ему исполнится в 2015 году. Давай, считай быстрее! Посчитал? Теперь сложи все цифры этого числа. Сложил? Скажи это число своей подруге на ушко, чтобы всё честно было. Теперь вы оба знаете, что это за число, верно? Теперь смотрите.

Я вытаскивал из кармана запечатанную колоду карт (разрезанная упаковка клеилась скотчем за одну секунду), распечатывал её и на глазах у изумлённой публики перетасовывал карты и поднимал верхнюю. Ею, естественно, оказывалась... восьмёрка трэф!

Я старался избегать присутствия людей, которые застали фокус со всеми восьмёрками в колоде. Но даже они опешивали, когда узнавали, что человек высчитал восемь. А те, кто не знал, что в колоде все восьмёрки, рассуждали так: понятно, что сумма года рождения и число полных лет в 2015-м году всегда равна двум тысячам пятнадцати, – но как он вытащил восьмёрку? Колоду я, разумеется, сразу прятал в карман и шёл дальше в лучах не вечернего света...

Единственный раз, когда я позволил себе уехать в одиночестве в город и гулять по расплавленным торговым улочкам, был в день рождения Гребенщикова. Я полностью зарядил телефон и взял с собой автономную зарядку, и всё равно почти посадил батарею, слушая «Аквариум» часы напролёт. С облезшим от загара носом я вернулся в отель уже к ужину и напоил всех присутствующим ящиком шампанского, которое нашёл в единственном магазине во всём городе. А вечером мы просто гудели до утра. Так что даже издавшие виды египтяне удивлялись тому, что на завтрак мы пришли непосредственно с пляжа – мятые, как декоративная бумага, и сонные, как дети перед школой. До отъезда на родину оставались считанные часы, и я их добросовестно проспал. Разбудила меня Катя. Она покинула честную компанию ещё ночью, а с раннего утра и до прощального обеда плавала в море. Нещадно выжала на меня полотенце и приказала вставать.

В автобус нас провожал без преувеличения весь отель. К русско-египетско-немецко-английскому большинству присоединилась даже французская старушка, которая, кажется, была сослана с Наполеоном на остров святой Елены, но сбежала с корабля и два века жила по разным североафриканским отелям. Она что-то ворковала мне на французском и всё время пыталась меня накормить. Только в час отъезда я объяснил ей литературно-кинематографическое происхождение фразы «же не манс па сикс жюр». Она обиделась и не разговаривала со мной весь обед, видя, с каким удовольствием я уплетаю омлет с печёными помидорами. Но на пороге прощания она не выдержала и подошла ко мне, снова заворковав что-то невнятное. Кто-то из толпы перевёл мне её просьбу:

– Я не знаю, кто вы, но я уверена, что с вами нужно сфотографироваться.

После нескольких селфи на её телефон она добавила, и мне перевели её странную фразу:

– Если когда-нибудь мужчина в синем костюме будет распекать мать в присутствии двух её детей во время грозы – подойдите к этому мужчине, ударьте его по щеке и скажите: «Ты сам-то когда последний раз у своей старухи был?».

– Что-что? – не понял я. Впервые за долгие годы кому-то удалось разорвать шаблон моего привычного восприятия действительности. Я даже остолбенел. Француженка медленно повторила, и тот же переводчик произнёс дословно следующее:

– «Когда ты сам последний раз был у своей старухи?»

– Але-ву дир? – уточнила француженка.

– Повторишь? – перевёл переводчик. – Скажешь это?

– Скажу! – моя интонация больше напоминала вопросительную, но я кивнул головой в знак подтверждения.

Наконец, я вышел из оцепенения и осмелился спросить:

– С чего вы взяли, что я окажусь в такой ситуации?

– Потому что я цыганка! – мне вновь перевели её ответ. – Я вижу судьбы людей! От твоей решительности зависит жизнь других людей! Так что в нужный момент...

Тут самовывывавшийся переводчик замялся и, чуть покраснев, произнёс по-английски:

– Don't be a pussy!

Я поднял брови, но момент постарался запомнить накрепко, усмотрев в нём самом какой-то знак судьбы.

– Не зассы, короче! – озвучил финальную редакцию перевода фитнес-тренер из Нижневартовска и хлопнул меня по плечу.

– Спасибо, я понял! – ответил я и обнял на прощание француженку-бабулю.

Меня доцеловали все, кто хотел, и затолкнули в автобус. Мы успели проехать десяток километров, прежде чем я сравнительно пришёл в себя.

– Ты знаешь, – признался я Кате, – в последний раз у меня так шаблон рвался, когда я узнал, кто такой Беовульф.

– Кто?

– Беовульф. Есть такое древнеанглийское сочинение – «Повесть о беовульфе», или «песнь», не помню. Так вот. В этом сочинении вся природа, животные и растения – выступают как личности с полноценной психикой. Так что фрагменты этих психик могут перемещаться из одного объекта в другой, как в индуизме в момент реинкарнации. Короче, очень поэтический сборник, очень много эпитетов разных и непривычных. Но шаблон мне порвал беовульф, который и в заглавие вынесен. Можно подумать, что это какое-то мифическое животное, так как это бео, от английского bee, – пчела и вульф – волк.

– Пчеловолк? – рассмеялась Катя. – Это что-то новенькое! Таких зверей в мифологии я не встречала!

– В том-то и дело, что за этим названием скрывается вполне привычный и реальный зверь. Дело в том, что англы его опоэтизировали. Их логика была такова: есть животное, которое, как волк, собирает пчёл вместе и ведёт к цели – к мёду. Поэтому беовульф, волк пчёл, – это медведь.

Первый раз я видел, как кататонический ступор застал всех сразу в диаметре слышимости. Дело в том, что меня по инерции продолжали слушать, как будто я вёл очередную вечеринку, и так или иначе все внимали моему рассказу. И чем внимательнее меня слушали, тем сильнее оказалось поражение, как от разорвавшейся гранаты.

– А-а-а, как мне починить мою голову! – сосед через проход обхватил виски руками и склонился над коленями.

Кто-то попросил включить радио, другие решили отсечь. Катя, которую тоже задело этой умственной шизофренией, посмотрела на меня с искропадом сарказма в глазах и погладила по голове, как гладят неполноценных, но милых людей.

– Интересно, почему ты не толстячок? Знаешь, бывает такой тип мужчин – они, кстати, пользуются спросом у противоположного пола – маленькие пухленькие юмористы! Вроде Семёна Фурмана. Такой обаятельный добрячок.

– Ты бы в меня такого влюбилась?

– Наверное, – призналась Катя и добавила: – Дура...

Я пропустил мимо ушей последнее замечание и вместо этого опровергнул первое:

– Кстати, не все толстяки весёлые – некоторые из них женщины.

– Ах, ты мой беовульф – недокормленный...

И откинулась в кресле, чтобы на прощание насмотреться нищетой и вечной стройкой межкурортного Египта.

Глава 33

Цыгане с медведями

Мальчики с Марса, девочки с Венеры. Это, конечно, не так, но метафора накрепко прилепилась к сознанию всех, кто хотя бы видел обложку этой книги. Я даже не помню, кто её автор. Но в моменты ключевых событий гендерный принцип проявляется на сто процентов. Ну вот скажите: о чём мечтает девушка в преддверии свадьбы? Конечно, о платье, кольцах, цветах, вспышках фото и

брызгах шампанского! О чём мечтает парень? Конечно, о том, чтобы все мечты твоей невесты сбылись! Но его главная забота – это красивый кортеж.

Разумеется, мы не в Дагестане, и десять белых «Мерседесов», едущих по встречной полосе, – это кич. Но подобрать по-своему уникальный кортеж было, конечно, для меня очень важно. При этом требовалось совместить мощь и престиж авто (Марс) с утончённостью и нежностью (Венера). И вот совместить – как раз и не получалось! Потому что это были либо четырёхлитровые монстры, либо сдуваемые ветром игрушки. Решение пришло неожиданно, когда я осознал, что искать нужно не один автомобиль, который бы отвечал всем требуемым признакам, а два, которые бы идеально сочетались друг с другом.

Эта идея пришла мне в голову, когда я договаривался с отцом Дионисием о дне венчания. На парковке храма я увидел его тёмно-синий BMW, на котором он раскатывал как угорелый, пока у них с матушкой не появились дети. А рядом стоял новенький жёлтый «Жук» с аэрографией в виде цветочных букетов.

– А чей это Фольксваген? – поинтересовался я.

– Нравится? Это владелицы цветочного салона, Даша зовут. Ты хочешь все «Жуки» в свадебный кортеж собрать?

– Ещё варианты!

– Я не угадал, что ли? – он искренне удивился. – Да ну ладно, что ты ещё мог выдумать! Скажем, этот «Жук» для невесты, а все остальные – какие-нибудь «мерины», как ты любишь! Или ты на БМВ замахнулся? Я на своём могу гостей покатасть, не проблема!

– Спасибо! Вот только с идеей ты не угадал. И что это за выражения такие пренебрежительные – «мерины»! Это моветон, в конце концов.

Спустя два месяца к Катину дому подъехала добрая дюжина разрисованных машин. На всех них была какая-то аэрография: на «Жуке» – цветы, на Ауди ТТ – звёздочка Баттерфляй из одноимённого мультфильма, на старом гоночном Ниссане – пейзажи в духе Хокусаи и героем бусидо на корме. Среди остальных моторов тоже был полный разброд и шатание: от разноцветных принтов и узоров до снежных тигров и притаившихся ягуаров на капоте.

Главной жемчужиной нашего свадебного поезда я – за огромные деньги, кстати, его арендовал – стал «Мерседес» в лонг-версии. Сложно сказать, каким он был изначально, белым или чёрным. Но сейчас он был бело-чёрным. По одну сторону по снежному полю была изображена карета, к которой шёл Онегин в цилиндре и с тростью. По другую сторону – на чёрном граните комнаты Татьяна Ларина светилась свадебным платьем цвета беже с узорами, похожими на вологодскую резьбу. Невеста была похожа на фигуристку Татьяну Навку.

Почему в качестве молодожёнов выбрали Онегина и Татьяну, сказать сложно. Как по мне, выбор так себе. Ведь они даже не были женаты. Насколько я помню, она вышла замуж за генерала, а спустя пару лет ответила Евгению: ты

дурачок, что ли? где ты раньше-то был? Но, видимо, идеи импортозамещения подсказали именно этот дуэт вместо Ромео и Джульетты.

А, действительно, кого ещё в качестве образца любви и верности выбрать? Не Петра же с Февронией. В смысле, конечно же, их! Но для свадебного кортежа они, конечно, не очень подходят. Абеляр и Элоиза ещё бы страннее смотрелись – они же, по-моему, только до брака успели насладиться радостями плоти, а потом как-то больше любовниками по переписке были. Акунинских Эраста и Лизу тоже не возьмёшь: её вообще взорвали накануне венчания...

Одним словом, люксовый «Мерседес» с Онегиным и Татьяной казался мне безумно крутой идеей! А посыл остальных авто был, на мой взгляд, довольно прозрачен: раскрашенные машины подчёркивали, что они предназначены возить гостей невесты-художницы. Я даже и представить не мог, что на этот церемониальный поезд можно смотреть иначе, как с восхищением и удивлением, каким гениальным умом нужно обладать, чтобы собрать такую выездную коллекцию. Единственной машиной без раскраски был БМВ отца Дионисия. В результате он оказался поистине спасительным.

– Что это за клоунада? (кортеж в целом)

– Что это за похоронный обелиск? («Мерседес» лонг на пневме, с шестилитровым двигателем с двумя турбинами, с кожаным салоном бежево-кремового цвета, с функцией массажа, с минибаром с шампанским и двумя хрустальными бокалами)

– Я поеду на этом катафалке? (он же)

– Чем ты думал, когда выбирал этих изукрашенных хиппарей? (все остальные машины)

– Я поеду только на этой (БМВ Дионисия)

Всё это я услышал позже, когда уже состоялся традиционный выкуп и все прочие суеверные ритуалы, без которых родственники и соседи предпенсионного возраста не могут представить себе настоящей свадьбы.

– Как можно было додуматься собрать всю эту размазню? – так вопрошала Катя уже в салоне у Дионисия, пока мы ехали в ЗАГС.

– Он просто живёт в своём мире, – объяснил отче. – В кожаевском мире цыган!

– Во-во! – подтвердила Катя и даже улыбнулась. За эту улыбку я бы многое отдал, потому что в тот момент чувствовал себя весьма смущённо из-за всей этой кутерьмы. Хорошо ещё, Дионисий нагнал нас на полпути: я не мог до него дозвониться, и к невесте мы выехали без него.

– Почему цыган? – переспросил я.

– Не знаю, – признался Дионисий. – Наверно, потому, что у тебя всё по-цыгански выходит. Вот такой ты урод. В хорошем смысле.

В нашем теологическом лексиконе слово «урод» однозначно воспринималось как буквальный перевод «гения»: вот, уродился такой человек, что поделаешь! Поэтому я, конечно, не мог обидеться. Но Катю такой поворот беседы взбодрил. И даже немного разозлил.

– Ты как с моим женихом разговариваешь!

– Ой, простите, простите! – поторопился умыть руки Дионисий. – Тебе же с ним всю жизнь жить! Ты сама раньше не думала об этом? Он же теперь постоянно так будет вести себя. Ты его пошлешь в магазин, например, за рисом для роллов. А он постесняется спросить, какой именно нужен, и принесёт тебе каждого вида – круглый, длиннозёрный, пропаренный, басмати. Ещё и булгур купит, потому что красивый. Ты что, не успела понять, что к чему?

Катя рассмеялась в голос.

– Это правда? – спросила она у меня.

Хорошо, что я, пока Дионисий выдумывал эту небылицу, успел посмотреть в телефоне сорта риса.

– Конечно, нет! – я был сама обиженная невинность. – Я не такой! Меня среди ночи разбуди, и я расскажу, в чём отличия арборио от девзиры!

– О-о! – в один голос удивились Катя и Дионисий. Последний, впрочем, испортил впечатление:

– Ты что, тариф с интернетом на смартфон подключил? Быстренько там подсмотрел, какие бывают виды риса, да?

Это была сущая правда, но я предпочёл отстаивать обратное до конца, чем вызвал очередную волну смеха. Кажется, тогда и начались все эти шутки, типа того, что в кожаевском мире цыган я могу раз в месяц остановить время на минуту, чтобы вычитать, каким бывает рис, или, например, подготовиться к экзамену. Это в кожаевском мире цыган я умею силой мысли прибраться дома, пока еду туда с девушкой. Вдруг я поймал себя на мысли, что действие игрословов, которые разбивают стекло молоком, а не молотком, и выдают вместо зарплаты заплаты, происходит именно в кожаевском мире цыган. А, может, и моя жизнь там проходит? Может быть, я в своей судьбе кожаевским миром цыган вытесняю череду фактических нелепиц, происходящих со мной?

В ЗАГСе мы с Катей наконец-то увидели собравших вместе родственников друг друга. В таком составе, пожалуй, мы больше не встречались никогда. Со стороны Кати была мама, тётя с семьёй, крёстная с подругой. С моей – родители, бабушка и брат с женой и детьми. Все глядели друг на друга не без удивления, мужчины жали руки, женщины целовались в щёчку. Вместе с нашими друзьями все смотрели на свадебный поезд из разрисованных машин. По-видимому, ждали, когда им объяснят, что это и к чему. Цветы и бабочки, ягуары и горы, Евгений Онегин без Онегина и Татьяна Ларина без Татьяны.

Главная машина торжества – следовавшая не первой, как было бы положено, а второй, за Дионисием – была пуста. В этом начали усматривать некую метафору. Народная фантазия заполнила пустой салон символическим смыслом. Спрашивали, сядем ли мы сюда после дворца бракосочетания или после венчания. Негласно все разделились по этому новому признаку – соединит ли нас человеческий закон или Божественный. Сформировалась и третья партия, которая требовала, чтобы после ЗАГСа невеста села в свадебный авто, а жених ехал с Дионисием – и уже у церкви я бы пригласил избранницу пойти со мной.

Ехать порознь нам не хотелось. К Дионисию нас бы в конце концов никто не пустил. Кате пришлось соглашаться на путешествие «на этом катафалке». Я

попробовал успокоить её, что это – катафалк моей вольной холостяцкой жизни. «И моей незамужней», – вздохнула невеста. Мы попробовали погрузиться, но не удержались и расхохотались. В таком настроении пошли слушать об отплытии корабля любви в житейское море трудов и заботы.

Для нас всё свершилось гораздо раньше. Наш союз начался, по сути, с той первой встречи. Автограф на картине из будущего, знакомство с мамой, путешествие в Иерусалим – это были уже фрагменты совместной судьбы, нераздельной, сплавленной вместе. Поэтому гражданское бракосочетание было для нас не больше, чем формальностью. Местом, где фотограф сделает кадры, которые мы потом распечатаем для наших родителей.

Так мы и плыли по волнам событий, влекомые потоком последовательных ритуалов. Сначала – росписи в актах и обретение колец на безымянных пальцах. Честно говоря, это было трогательно. Потом – объятия и поздравления от родных и близких. Ну действительно, а когда ещё в жизни ты обнимешься со всеми ними? Затем – осыпание лепестками роз. Та ещё бессмыслица.

Наконец, Маша Чибисова выкрала нас ото всех и повела на фотосессию у кремля. Кажется, свадебный фотограф нужен хотя бы для одного того, чтобы избежать закуски коньяка колбасой на скамейке перед зданием администрации в десять часов утра пятницы. То же самое можно прочесть через запяты: избежать закуски коньяка, колбасой, на скамейке, перед зданием администрации, в десять часов утра, пятницы.

После фотосессии поехали в церковь. Скрепя сердце, Катя согласилась сесть в «Мерседес». Было видно, какую большую жертву она приносила. Однако, когда я открыл перед ней дверь, Катюша всплеснула руками:

– Ничего себе! Это здесь так красиво? Надо же! Я думала, тут такое же всё чёрно-белое...

– Ты что! – я принялся восхвалять нашу временную скамейку для передвижения в семейную жизнь. – Натуральная кожа, вентиляция сидений, функция массажа. Минибар с холодильником для шампанского. Собственно, шампанское. Два хрустальных бокала. Но всё это – после храма. Согласна?

– Согласна! – Катя села на диван и показала, чтобы я закрывал дверь. Я обошёл и сел с другой стороны. – А как тут массаж включается?

На венчании родители плакали навзрыд. Прочие родственники смахивали скупую слезу или просто стояли сосредоточенные и напряжённые. Для нас же с Катей разве только обстановка была непривычной. Всё-таки не каждый день стоишь с венцом на голове. У меня это, видимо, было вызвано знанием, что венцы – мученические. Семейный человек – своего рода мученик. Это если говорить о «средней температуре по больнице». У одних разворачивается настоящая драма, у других – ни тепло ни холодно.

А у нас с Катей всегда было легче, веселее и лучше всех. С высоты прожитых лет я не могу вспомнить ни одной ссоры. Так что тогда мы стояли перед Богом, как и в любой другой день: радостные, живые и вдохновлённые. И не давили нам совсем венцы, которые Дионисий приказал водрузить нам на голову, а не держать поверх причёсок.

Наверное, это был самый трогательный момент в жизни наших семей. Если после ЗАГСа поздравления напоминали официальную часть праздника, то сейчас все поняли: произошло что-то поистине важное, имеющее настоящее значение. Нас обнимали, целовали, желали и плакали. А мы продолжали радоваться. Потому что новая жизнь – это радость. А мы, получается, в этот день родились как семья: и по законам человеческим, и по надчеловеческим. Хоть и раньше была зачата наша с Катей семья. Но кто же поздравляет с зачатием – все поздравляют с рождением!

После храма мы поехали на съёмку в усадьбу графа Бобринского. А все остальные отправились сначала куда-то на природу, чтобы там опять экспериментировать с матрицей коньяк/шампанское – виноград/мандарины. А затем – поехали в ресторан, чтобы дожидаться нас там. Мы же летели по-над дорогой так быстро, что коровы за окном превращались в творог. Богородицк нас по-настоящему вдохновил, и я даже подумал, что мог бы жить здесь по нескольку месяцев в году, если бы был взбалмошным миллионером.

В ресторан мы приехали позже, чем планировали. Но на то мы и молодожёны, что опоздать а ргіоі не можем. Поэтому все нас терпеливо ждали. И если после первого тоста за молодых и обязательного в таких случаях поцелуя на счёт гости чувствовали себя скованно, то после третьего начались горячие объятия и едва ли не застольные песни. Раньше я такое видел только в фильмах.

Но сама эта обстановка понравилась мне. Всё-таки когда видишь незнакомых людей, то судишь по чистой форме их поведения. Совсем другое – когда казачью песню затягивает крёстная твоей супруги. В таком «боевом» знакомстве есть даже что-то пикантное. Должно быть, и у Кати тоже глаза выше лба были от удивления, когда мой отец начал обсуждать с мужем её тети сюжетные хитросплетения «Сватов». В конце концов к такому сватизму рано или поздно придёт большинство из нас. Вот и «Камеди-клуб» превращается в «Аншлаг». И вот вырастет Елизавета Михайловна и будет укорять меня: вот, отец старый, Харламова смотрит и смеётся; а сейчас юмор другой, новый; сейчас вообще всё новое, сейчас мир на новую улицу вышел¹²!

Тётя Юля всё время пыталась поставить в караоке какую-то песню, и её всё время осекали. Дядя Толя пил «Хеннесси» и с достоинством растирал снизу усы. Тёти Оли плакали и делились салатами. Дядя Миша улыбался и вспоминал смешные истории из комсомольских поездок в колхоз. Тётя Ирина делилась кулинарными хитростями. Дядя Сергей проводил ликбез по правильной технике упражнений в пауэрлифтинге. Одна моя бабушка просто сидела и улыбалась, глядя на нас.

---

¹² Это выражение из романа «Братья Карамазовы» автор высоко оценил ещё в эссе «Живой Достоевский». В оригинале у Фёдора Михайловича: «Не торопись, Алёша: ты торопишься и беспокоишься. Теперь спешить нечего. Теперь мир на новую улицу вышел». В эссе по поводу выражения отмечено следующее: «У меня ощущение, что мир постоянно на новую улицу выходит». – Ред. Приятно, что редакция видит такие моменты. – Авт. Не читала я Достоевского и папе такого не говорила вовсе! Это он сам всё сочинил! – Елизавета Михайловна Кожяева в интервью репортёрам.

Так мы с Катей ворковали и наблюдали за театром человеческих судеб в комедийном преломлении вечернего ангажемента. Наверное, в каждой свадьбе есть что-то булгаковское. В том смысле, в каком страдала Маргарита на балу у Воланда. Весь день провести в корсете, на каблуках, в платье, за которым нужно каждую секунду следить. А вечером слушать байки сорокалетней давности и мотивированно отказываться от пляса под Сердючку – испытание похлеще воландовского.

– Давай как-нибудь в будущем, – шепнула мне Катя на ухо, – соберём новую свадьбу, только с самыми близкими друзьями. Без родственников!

– Давай! – не раздумывая, согласился я.

Мы чокнулись шампанским и подняли бокалы перекрёстно в знак приветствия – Марине с Вовой, друзьям со стороны невесты, и Дионисию с Настей, со стороны жениха. И вдруг сначала Дионисий с Настей подошли к нам и раскланялись: то число пришлось на день рождения их сына Адриана. А затем Марина с Вовой обняли нас и попросили пожелать им счастливого пути: в ночь они улетали куда-то на отдых. Увидев, что друзья дарят нам подарки, родственники также бросились одаривать нас. И в создавшейся толчее мы потеряли из виду, как наши ровесники, уйдя, оставили нас один на один со взрослыми.

Ближе к десяти вечера, уставшие, но довольные, мы распрощались со всеми и уехали домой. Гости разъехались уже за полночь, а некоторые из них соединились в группы по интересам, чтобы истребить оставшееся спиртное и договорить недосказанное.

Ироничные языки говорят, что в первую брачную ночь молодожёны считают подаренные деньги. Мы вспомнили о них лишь на следующий день, когда один из многочисленных конвертов выпал у меня из кармана пиджака. В саму же ночь, после тёплой ванны, мы лопали свадебный торт под новую серию «Кухни». А когда она закончилась, мы, кажется, уже задремали, потому что я помню, что встал и выключил компьютер (телевизора у нас тогда не было).

Не успел я как следует заснуть, как на улице раздались рулады гитар, скрипок и тамбуринов. Гам приближался, затем остановился под нашими окнами – и я понял, что музыканты приехали именно к нам. Наверное, кто-то из друзей заплатил им, чтобы среди ночи они зажгли свечи в виде двух сердец и спели “And I will always love you” на цыганский мотив. Я вышел на балкон и с удивлением обнаружил, что это цыгане и есть.

Громко, не настолько чтобы разбудить Катю, я крикнул им сверху, что мы уже спим. Вдруг вся их тарабарщина в один момент умолкла, и цыганка, чья грудь ещё продолжала колыхаться от танца, переспросила:

– Что, Катя уже спит?

– Да! – шёпотом крикнул я ей в ответ.

Тогда старый бородатый цыган в красной рубахе подтянул на цепи медведя и отчётливо произнёс в мой адрес:

– Какие ещё цыгане в час ночи! Это всё вздор. Спишь ты, наверно, и нафантазировал нас в полудрёме. Это у тебя рука, скорее всего, затекла.

Я резко открыл глаза. И не стоял я вовсе на балконе, в чём был свято уверен секунду назад. А лежал рядом с Катей, мирно спавшей у меня на руке. И рука, действительно, затекла. Воистину: кожаевский мир цыган... Так я подумал и беспомощно закрыл глаза.

Глава 34

В толчее времени

В толчее времени бесфамильный главный герой фамилию обрёл. Причём совершилось это столь стремительно, что я даже не вспомнил, как ночами подбирал из десятков вариантов. «Как его фамилия? – подумал я, когда спустя несколько месяцев снова сел за роман про игрословов. – Кажется, я что-то придумал из словосочетания «нотная грамота»... Точно! Я прочёл наоборот – и получился армянин Антон Атмаргян». Я уже и не вспомнил, что Атмаргян был самым первым вариантом, который меня совершенно не устраивал ровно до той поры, пока он вдруг меня совершенно устроил.

В толчее времени гематомы и порезы на теле Майкла Скиннера зажили, и он окончательно утвердился на вершине списка американских супергероев всех времён. Он вёл два собственных шоу на телевидении, писал сценарии за миллионы долларов, и по ним ставили успешные фильмы. Скиннер перешёл на рассказы, поскольку их можно было чаще рекламировать в инстаграме, и завёл бородку на манер Брюсова, если бы он знал, кто это такой. Его благотворительные «Флегетоны» открывались по всей стране и потихоньку начали мировое покорение. Первые центры появились в Англии, Австралии, в Латинской Америке и Африке. К удивлению многих первый «Флегетон» открылся и в Китае, в Шанхае, и стал настоящей кузницей талантов, многие из которых вскоре засветились на телеэкранах в Америке. Скиннер становился медиазвездой мирового уровня. Его печатали на обложках “Forbes” и “Esquire”, плакал по нему только “Time”, и то – временно.

В толчее времени мы с Катей успели пересмотреть все фильмы, которые только могли найти и которые нам посоветовали друзья. Затем перешли на различные шоу разговорного жанра. С Грэма Нортон потихоньку пересели на вездесущего Майкла Скиннера, который стал выступать в собственной программе. Причём в гости к нему приходили как звёзды мирового уровня, так и никому не известные герои. Причём не только американские. Например, приходил к нему грек-хлебопёк, который безошибочно отмерял ровно килограмм муки – ни больше, ни меньше! Из китайского «Флегетона» в шоу Скиннера приехали тринадцатилетний мальчик, который мог по памяти прыгать с одного на другой пень в лесу с закрытыми глазами.

Со временем Скиннер начал путешествовать. Появились его «выездные» шоу в Европе. Получалось, что он всё ближе подступает к России. Однако, к удивлению многих, в нашей стране он ни разу не побывал. Отчасти этому способствовал разгоревшийся шпионский скандал между Россией и США. Зеркально выслали послов, и над миром повисла тень новой холодной войны. Раз уж КВН в штатах объявили пропагандистской передачей, призванной служить идеологической русской машине, – то же самое можно было сказать о

Скиннере. По крайней мере, я в то время считал, что въезд в Москву ему закрыт.

А жаль: он был симпатичен как человек творческий; о его чёрной стороне я тогда не подозревал. Конечно, я слышал о его истории со студенткой, которая объявила его насильником и отняла всё его состояние – к тому времени представлявшее малую толику его нынешнего астрономического счёта. Всё это было так по-американски и так глупо: «сексуал харрасмент» и прочая дичь, которой так боятся все американцы.

Иногда я ловил себя на мысли, что по похожему сценарию могла сложиться и наша с Катей судьба. Ей достаточно было обвинить меня в домогательствах, и хороший адвокат раздел бы меня до нитки. Впрочем, я бы и сам всё отдал. Только я в упор не мог себе представить, как Катя могла на такое пойти. Всё это было бы совершенно не по-русски, по-дурацки как-то. А как же любовь! А как же чувства! В том числе собственного достоинства.

Нет, это положительно было невозможно, даже если бы вместо однокомнатной квартиры у меня были дворцы в столице и виллы на побережье. Мне всегда казалось, что Кате хотелось бы жить в этих дворцах и отдыхать в этих виллах вместе со мной, а не в одиночестве. Насколько же эгоистичными нужно быть, чтобы что-то отжимать? Может быть, просто это мы с Катей такие простые, что для нас яйца – отдельно, котлеты – отдельно. Или как там звучит это выражение.

В «игрословах» у меня Антон Атмаргян успел уйти от слежки. С помощью словесно-магических операций он умудрился добиться того, что вместо него поймали и признали им настоящего рецидивиста. Короче, история начала развиваться в духе тыняновского «Подпоручика Киже», и мне эта тенденция не понравилась. Получался какой-то «Пьер Менар, автор Дон Кихота», только недо-Пьер и недо-Менар. Потому что хороший сюжет я переписывал своими словами, и получалось у меня это не очень.

Я смог обыграть подобранные ранее пары «стимуляторы/симуляторы», «товарищи/товар ищи», «украдкой/укладкой» и так далее. Но чем дальше – тем меньше мне нравился результат. Порою мной овладевало разочарование в собственных литературных силах и отчаяние. Писать я продолжал зачастую просто потому, что – надо же писать, если ты писатель. Катя называла это «вялым соитием». Не в физиологическом смысле, а в чувственном. Вроде как надо бы, но только особенного желания нет.

Мой знакомый священник приводил другую аналогию: вот надо каждый день литургию служить, а тут – бах, и в четверг настроя нужного нет. Взять бы в четверг и не служить, чтобы к пятнице поднакопить вдохновения, но нет – надо. Вот так и у меня игра в слова превратилась в рутину. Которая к тому же отвлекала от реальной жизни. Ведь в ней и происходили настоящие чудеса: двое стали плоть едина, а из них третья душа образовалась. Тайна!

Всё-таки какое странное существо – человек. Как быстро он меняется в течение совсем короткого времени. Ещё год назад я мог гулять с друзьями всю ночь напролёт и уезжал домой, когда начинал ходить транспорт. А сегодня мы

можем весь вечер смотреть фильм про негритянских служанок, а после – есть черничный пирог и слушать Бетховена. И мне это нравится!

Теперь я даже и представить не могу, как раньше мог выходные напролёт проводить где-нибудь в рейде по барам и скверам. Как в три часа ночи мы могли звать спящих друзей и подруг под окнами. Как километры напролёт могли подвозить случайно встреченных девушек в вывезенных из магазина тележках. Или просто играли большой компанией в крокодила, пока последние бойцы не падали, побеждённые зарёй, в сон.

Сегодня мы с Катей гуляли по парку. Зашли в кафе, перекусили пиццей и чаем с корицей. Дома готовили вместе ужин и смотрели «Кухню». Вечером долго искали комедию для просмотра и по-детски задорно смеялись над агентом Джонни Инглишем, который бил бабушек в шлеме виртуальной реальности. Я гладил уже заметно округлившийся Катин животик. И мы засыпали глядя на зажжённые для нас звёзды.

Так проходили выходные. По будням я, конечно, работал – с утра и до позднего вечера. Зато каждый день, по мере того, как готовил публикации для журнала, я узнавал что-то новое. И делился этим с Катей. Обычно она не слушала, потому что мои словесные токи вызывали у неё приступы мигрени. И отвечала: «Ну зачем мне знать про органолептические тесты Сковилла! Зачем мне засорять голову этими названиями: Бхут Джолокия! Подумаешь: самый острый перец».

– Уже не самый! – писклявил я от обиды, что меня не слушают. – Я же только что всё подробно рассказал.

К шестому месяцу беременности я и сам настолько обременился новыми накопленными знаниями, что они потребовали выхода куда-то вовне.

– А что, если мне послать вопрос в «Что? Где? Когда?» – как-то вечером спросил я у Кати.

– Пошли! – согласилась она. И я уже было подумал, что в душе она рада, что на новой работе я узнаю много нового. Но тут Катя добавила: – У тебя масса фактов, которые не нужны никому, кроме таких передач. Взрослые мужики – сидят и отгадывают загадки. Скучнее может быть только футбол.

Столь странную и витиеватую логику я приписал особенностям второго триместра. И, когда Катя заснула, составил письмо. Про картинку, которую американцы прикрепили в капсулу, отправленную в космос потенциальным братьям по разуму. На листочке были представлены основные сведения о планете Земля. Вопрос заключался в том, какое изменение внесли в изображение. Ответ показался мне занимательным: художник разделил мужчину и женщину, которые ранее держались за руки, так как инопланетяне могли принять этот тандем за единое существо.

Спустя неделю я подумал: а почему бы не отправить ещё вопрос? И спросил про рекламу аппаратов для видеофиксации сновидений. Желающие звонили по указанному номеру и слышали информацию, что организаторы арестованы за незаконную деятельность. Что на самом деле рекламировали пиарщики столь изощрённым способом? Правильный ответ: во время звонка

фоном звучала композиция с нового альбома Тома Йорка, бывшего лидера “Radiohead”.

За вторым последовал и третий, и четвёртый вопрос. Наконец, когда я дошёл до демона-искусителя из «Цветочков Франциска Асизского», то понял, что пора взять паузу. Ведь ни один мой вопрос даже не выпал на стол, хотя игры проходили почти каждую неделю. Да и неизвестно, какое время обычно проходит от отправки вопроса до его участия. Может быть, через два года выпадет один из моих вопросов, а я про него и забуду уже.

Это была самая приятная и яркая в моей жизни осень. По выходным я обувал Катю и кутал её в шарф. Мы гуляли вместе по парку, пробирались по красно-жёлтым листьям. Я придерживал её за талию, когда мимо проезжали велосипедисты. Я рассказывал, что в Англии беременные могут писать куда угодно, даже в каску полицейского, но только с его согласия. Катя обзывала меня дураком, если я считаю, что беременная может писать в каску – осенью – на холоде – не в помещении даже – бред какой-то.

Мы заходили в кафе, пили горячий чай, если сладости. А потом шли домой и смотрели фильмы. Никогда в жизни я не смотрел так много фильмов. Казалось, наш дом постепенно превратился в настоящее гнёздышко – в его женской части, и в берлогу – в мужской. На кухне горел яркий, жёлтый свет. Пахло корицей и ванилью, гвоздикой и бадьяном. Там грелся чай и пёкся пирог. В спальне же наоборот – было темно. Мы кутались под одеялом и пледом и часами напролёт смотрели фильмы. Катя засыпала раньше, и на следующий день мне приходилось повторно смотреть то, что она не успела увидеть вчера.

Тогда же мы начали потихоньку прикупать вещи для детской. На УЗИ Катя просила не говорить пол ребёнка, но я был уверен, что родится девочка. Но розовые маечки или предметы мебели приобретать не хотел. Мне это всегда казалось весьма массовой пошлостью. Почему-то мы оба всегда сходились на бежевом или оттенках жёлтого. Так у нас появились кровать, покрывала, полотенца, конверты и многое-многое другое. Затем мы купили коляску, комод, кресло для кормления.

Так я понял, что однокомнатной квартиры нам категорически мало. По мере обсуждения с Катей сформировался стихийный план: переехать в двухкомнатную, расплатиться за неё, накопить денег и переехать в Крым. В собственный дом на берегу моря. Кем я там буду работать и как перебраться за полторы тысячи вёрст – на эти вопросы мы думали ответить позже. То есть не думали отвечать никогда.

Я прекрасно помню тот день, когда Катя позвонила мне в редакцию и голосом, исполненным слёз и умиления, пропела:

– Она толкнулась! Она впервые толкнулась ножкой!

Кажется, у меня самого слёзы навернулись на глаза, потому что голос у меня сорвался, и я не мог ответить ничего внятного. Я еле усидел до вечера: предстояла ещё долгая съёмка и интервью, которое я не мог никому перепоручить. Зато сразу после мероприятия я ринулся домой, думая, что сразу застану повторение этого невиданного события.

– Она больше не пихалась! – улыбнулась Катя и обняла мою шею. – Наверное, я сейчас спать пойду. Устала что-то.

И мне пришлось ждать толчков маленьких ножек ещё несколько дней. Знал бы я тогда, что совсем скоро Катя начнёт жаловаться на эти чудовищные пихания, как будто внутри её миниатюрного животика растёт будущий каратист. И знали бы мы оба, что беременность останется у нас в памяти как самый спокойный, умиротворённый и возвышенный период в жизни. Хотя тогда Катя жаловалась, что не может сидеть, стоять и даже лежать. Что одеться на улицу и застегнуть обувь – это целая проблема. А отстоять очередь на кассе – настоящая эпопея от салона Анны Павловны до аустерлицкого неба.

Сейчас, глядя на прогуливающуюся беременную, мы думаем одно и то же: какая же она счастливица! И как много ей предстоит испытать! Бессонных ночей, приступов бессилия, боли и пота. Проблем, что молока нет или его мало. Проблем, что молоко никак не остановить. Сцеживания, хранения, кормления. Конечно, ребёнок – это великая радость. Только даётся она путём страданий и... Короче, просто ты частично умираешь сам! Хотел я было слова из высокого стиля подобрать, но сказал как есть. И всё-таки – это великая радость! А беременность – настоящее счастье. В большей степени для отца, потому что заботиться о жене – вот и все обязанности. А для мамочки – настоящий подвиг.

Доченька пихнула меня спустя неделю. Я спал, обняв Катю сзади и держа руки у неё на животе. Вдруг миниатюрная ножка сделала внутри движение, как глаз в глазнице: странное ощущение. Я поначалу даже не понял, что произошло. Сразу же она оттолкнула мою руку, я отчётливо это почувствовал. И затем обе они – маленькая Катя и ещё меньшая Лиза – вновь уснули. Не веря своим тактильным ощущениям, я осторожно встал, чтобы не разбудить их, и вдруг заплакал. Я не плакал даже тогда, когда Катя принесла мне коробочку с бантиком, внутри которого лежал положительный тест на беременность. Дети делают нас сентиментальными, подумал я, и пошёл в ванну умыться. Из зеркала на меня посмотрел самый счастливый человек на свете. В толчее времени увидев удивлённого меня, он невольно улыбнулся.

Глава 35

Больше, чем любовь

В очередные выходные, после прогулки по парку, мы вернулись в тёплый дом и отдыхали. Катя смотрела четырёхсотый выпуск «Орла и решки», а я собирал материал по работе и читал какие-то интересные заметки для себя. В какой-то момент я не сдержался и выпалил:

– Нет, ну это уже порядочное свинство!

Катя посмотрела на меня, как будто я читал газетную новость о каком-то невероятном злодеянии или предательстве. Вероятно, полководец предал свою страну и повёл войско в ловушку противника, чтобы самому стать иноземным маршалом. Вероятно, я отреагировал примерно на такого масштаба события, потому что Катя подняла глаза от вязания – она вязала мне шапку в декорациях Камбоджи и Туниса, по которым бродили Леся Никитюк и Коля Серга – и спросила:

– Что такое?

– Нет, ну ты только послушай!

И я взмахнул вверх смартфоном, едва не выпустив его из ладони.

– Статья называется «7 ошибок Венички Ерофеева». Каково? «Ошибок» именно! Как будто он складывает два и два – и получает пять! Ошибок... Ну ладно, что у него пропорции коктейля «сучий потрох» разнятся в разных изданиях – это, положим, действительно, ошибка. Но «тайна розового бокала» – это из ряда вон! Вот послушай!

И я начал зачитывать отрывок статьи из журнала «Арзамас»:

– Так. Сначала тут описывается диалог из «Москвы – Петушков», в которой лирический герой сообщает, что Гоголь, – я поднял палец вверх, – когда бывал у Панаевых, всегда просил ставить ему особый, розовый бокал. Ну а что пил из него? – Ну, конечно, водку. Вот такой диалог. А дальше этот *исследователь* пишет: «В своих воспоминаниях Авдотья Панаева пишет, что у прибора Гоголя стоял особенный гранёный стакан и в графине красное вино. А её муж, Иван Панаев, что «перед его прибором стояло не простое, а розовое стекло». Черноусый...» – это собутыльник Венички в поэме – «...как будто соединил эти два описания...». Так, ну это ладно, пока всё более-менее. Ага, вот. Слушай!

И я продолжил с ажиотажным жаром:

– «Однако, описывая стакан, Панаевы уточняют, что подавался он Гоголю вовсе не в их доме, а у Аксаковых – как знак особого уважения этой семьи к писателю. Дело в том, что Ерофеев читал «Ни дня без строчки» Юрия Олеши, который пересказывал этот эпизод из воспоминаний Авдотьи Панаевой без упоминания Аксаковых. Ерофеев, не знакомый с первоисточником, посчитал, что речь шла об обеде в доме Панаевых». Ну что за бред! Ну как это можно считать ошибкой! Ну а если я где-нибудь в своём произведении напишу... ну не знаю... ну, скажем, что император Юстиниан дал взятку патриарху, чтобы тот обвенчал его с Феодорой, так как ранее она была блудницей. И вот какой-нибудь додельный редактор влезет и начнёт комментировать: «Вот, мол, он опирался на «Тайную историю» Прокопия Кесарийского, но, видимо, не знал, что Молешотт, используя метод Блюхнера, к тому моменту уже доказал её подложность, так что девственность Феодоры до брака с Юстинианом не может подвергаться сомнению». Ну вот что это за бред бредович! Ну не упомянул Олеша, что Панаева рассказывала про дом Аксаковых. Ну какая разница! Это же художественный текст! Это модель мира с нулём координат в голове автора, как можно такие вещи называть ошибками! А завтра выяснится, что Аксаковы сами гостили у Киреевских... И что? Просто никакого уважения к аутентичному тексту. У нас вон буква «ё» выпала из фена, Рериха и Рентгена – и ничего! Никто не торопится этого исправляться! А тут Ерофеев *ошибся*, что Гоголь гостил не у Панаевых, а у Аксаковых, етъи иху мать! «Вы такой умный, вам череп не жмёт?»».

Последнее было сказано мной, конечно, с иронией. Однако Катя пристально посмотрела на меня и задумчиво признала:

– У тебя такая большая голова...

В первую секунду я оказался обескуражен, но быстро пришёл в себя и ответил:

– Это потому что я эрудирован!

Катя улыбнулась, а я постарался извернуться:

– Вернее, не так! Вот спроси, какой у меня рост!

– Какой у тебя рост?

– Отвечай сама: 182 сантиметра.

– 182 сантиметра.

Тогда я со всей серьёзностью учёного заметил:

– А в эрудированном состоянии – 203!

– Пхх! – Катя прыснула со смеху. – Я тебя умоляю! Двести три... Сто девяносто три!

– Что-о? – я вознегодовал гневом праведным.

– Ну ладно-ладно! – Катя подсчитала в уме версию ответа, который бы меня успокоил. – 199!

– Так, всё! Где твоя линейка?

– Вот эта? – Катя показала мне детскую линейку с полукругом, чтобы разлиновывать углы на бумаге. Видимо, я зарделся пламенем, потому что Катя схватилась за Елизавету Михайловну и зашла в приступе хохота. – Ой, не надо, не смеши! Я сейчас рожу от смеха!

Я тут же осёкся и присел перед ней на ковёр.

– Как ты? – я посмотрел ей в глаза совершенно тихим взглядом, будто она только что укротила котёнка, возомнившего себя тигром.

– Хорошо! – она улыбнулась в ответ. – С тобой хорошо.

Мы обнялись.

– Смотри, какой снег повалил! – заметил я спустя долю вечности.

– Хлопьями! – улыбнулась Катя. Потом посмотрела на меня (я пытался сострить, что кукурузными) и сказала: – Да, лучше молчи!

Мы поцеловались и обнялись, и смотрели на улицу долго-долго, пока снег не заволок наш балкон на третьем этаже, а дальше мы уже не видели, как он падает.

– А что это за история с феном и Рерихом?

– Ты действительно хочешь знать? – насторожился я.

– Ну да, почему нет! – Катя вязала. – «Орёл и решка» уже надоели немножко. Может, какой-нибудь фильм посмотрим?

– А как же Рерих?

– А, – она вздохнула с сожалением. – Да, расскажи, пока я фильм ищу.

Теперь вздохнул я.

– Ладно, давай я быстро расскажу. Рерих – на самом деле Рёрих. В европейской генеалогии эта фамилия встречается порядка двухсот раз. Плюс в Померании течёт река Рёрике и есть город Рёрик. Рентгена, открывателя одноимённых лучей, тоже звали через «ё» – Рёнтген. А фён – это немецкое название ветра, который срывается с гор вниз, на равнину, и нагревается адиабатически. Каждые сто метров высоты он нагревается на градус. Поэтому если спускается с горы в два километра, то он греет, как фен. А буква «ё»

исчезла в результате советской орфографической реформы 1918 года, которая приравнила «е» и «ё». Чудовищное преступление!

– Может быть, «Больше, чем любовь»?

– Что? – не понял я.

– «Больше, чем любовь». Фильм такой. С Эштоном Катчером.

Глава 36

Всё больше чеки напоминают свитки

Впервые за всё время беременности мы легли так поздно. И всё равно не могли долго заснуть.

– Спи, Мишка! – сказал я как будто от лица Кати самому себе. Спустя долю секунды она поняла, что я несу обычную чушь, и рассмеялась.

– Рука не мешает? – уже серьёзно спросил я. Катя лежала у меня на плече.

– Нет.

– А твоя?

Катя вздохнула, поняв, что я снова играю в странные игры по примериванию её личности.

– Моя рука тебе, что ли, мешает? – она убрала её с моей груди. – За что мне Господь послал такого? Нормальный человек просто попросит: убери, пожалуйста, руку с сердца, потому что я задыхаюсь. Начать с того, что нормальный человек не задыхается, когда ему руку на грудь кладут. А ты весь какой-то хрустальный и... зеркальный! Потому что никогда не знаешь, где ты настоящий, а где – одно из десятка отражений.

Я пропустил её замечание мимо ушей. Точнее, предпочёл, чтобы она так это восприняла. Было видно, что ей на самом деле весело, что бы она ни говорила вслух.

– А представляешь, если бы заболевания можно было лечить не лекарствами, а определёнными действиями?

– Это твоя очередная фантазия? – зевнула Катя.

– Ага. Представляешь, например: человек сломал руку, а ему врач говорит: вам надо чаще смеяться. Смеёшься три часа в день – у тебя рука за неделю заживёт. Недосмеиваешься – через месяц.

– Недосмеиваешься? – хихикнула любимая.

– Ага. Или мужчина начинает лысеть, а ему доктор говорит: вам поможет только честная исповедь. И вот ты идёшь в храм, и там исповедуешься во всём как есть. Если нечестно, то лысеешь. Или если редко исповедуешься – лысеешь быстрее.

– Вот ты дурачок...

– А что – в кожаевском мире цыган всё так и лечится! Кровотечения – пением гимнов разных стран мира, в зависимости от того, откуда кровь течёт. Сумасшествие лечат партиями в покер не менее четырёх часов в день. Диабет – сбором грибов. Поэтому диабетики зимой массово переезжают на юг, где грибы растут.

Катя ненаигранно вздохнула.

– Или, например, ставят какой-то страшный диагноз – рак, например. И на консилиуме врачи говорят: вас спасёт только ежедневный оргазм! Только даже дважды в день – утром и вечером. И ты такой спустя несколько дней безудержной любви ловишь себя на мысли: неужели она больна?

Я думал, эта моя идея произведёт на Катю определённое впечатление. Но она, немного помолчав, заметила:

– Знаешь, на конкурсе самых омерзительных предисловий к сексу – ты бы занял первое место! С ба-альшим отрывом!

Катя помолчала ещё и добавила:

– Ты, во-первых, забудь приставать ко мне до родов. И потом ещё два месяца минимум терпеть придётся, дружочек! А то ты себе ни в чём не отказываешь, а мне – ни поесть, ни попить, ни по лестнице нормально подняться. А, во-вторых, ну должно же быть какое-то представление о прекрасном. Ну какой рак – и оргазм?

– Да просто я так сказал! У меня и в мыслях не было ничего такого. Если бы было – я бы что-нибудь другое придумал! Например, как победить бессонницу. Оргазм! Хоп – и ты спишь!

– Это твой вариант: хоп – и спишь! А поговорить? А чувства где, а? Где чувственность? нежность? прикосновения?

– Да что ты пристала ко мне со своим оргазмом!

– А с чьим же ещё! Если бы мы вели счёт нашим «победам», ты бы вёл сорок два – ноль.

– Так уж и ноль! – оскорбился я. – Сорок два – два...

Катя рассмеялась неприятным мне смехом.

– Вот именно! Не любишь ты меня!

– Люблю, конечно, глупенькая! – я обнял её и поцеловал в шею. – Тебе не холодно?

И мы болтали ещё полчаса, прежде чем, наконец, уснули. Наутро я встал, как обычно, рано. На скорую руку побрился, отжался, покачал пресс. Принял душ и уехал на работу. Следующий день был праздничным, так что конец недели состоял не из двух, а из трёх выходных. И мы наслаждались последними тёплыми днями осени, радовались солнцу и шелесту листьев.

– А ты знаешь, в честь кого названа эта улица?

– Демешковская?

– Да. На самом деле все считают, что это какой-то инженер, потому что тут рядом Косогорский металлургический завод. Но в реальности это польский поэт, который переехал в Россию уже в советское время. Он известен тем, что написал гимн Косогорья. Причём это уникальный случай, когда у городского района есть собственный гимн.

– Наверняка во всей этой истории нет ни слова правды. Скорее всего, ты вообще не имеешь представления, кто такой Демешковский. А историю с поэтом придумал только потому, что его фамилия заканчивается на -ский. И нет у Косогорья своего гимна. Наверняка и район по-другому называется. Я права?

– А ты молодец! – я поаплодировал Кате. – Уже не попадаешься на мои удочки. Всё со стопроцентной точностью распознала, умница! Но я хочу сказать, что я искал информацию, в честь кого названа эта улица, но не нашёл вообще ничего. А нет ничего более созидательного, как пустота, которую люди стремятся заполнить. Конфуций.

– Лао-цзы! – Катя посмотрела на меня, как на быдло.

– Молодец!

– Ой, да хватит! – возмутилась Катя. – Сам не знаешь ничего, а когда я тебя поправляю – говоришь «молодец».

В этот момент недалеко раздался громкий возглас «Аллах акбар!». Мы с Катей синхронно повернулись в сторону клича и увидели такую картину. Экскаватор раскопал траншею, и рабочие отрезали кусок ржавой трубы, которую вытащили наверх. Теперь другие два мужика в потёртых телогрейках размахивали новенькой трубой на манер игры «море волнуется раз». На счёт «раз» один из них как раз и крикнул «Аллах акбар!», тем самым предупреждая тех, кто внизу, чтобы они успели отпрыгнуть. Раздался жуткий грохот, за которым из-под земли вверх ударил фонтаном отборный мат невидимых рабочих.

Я приобнял Катю, чтобы она не слишком пугалась.

– Придурки! – так она охарактеризовала двух молодцов, которые только что швырнули трубу и теперь хохотали, раскрыв местами беззубые рты. Случившееся казалось им чрезвычайно смешным, несмотря на то, что их невидимые коллеги внизу полоскали их площадной бранью, от которой я прикрывал нам обоим уши.

Мы пошли дальше, к магазину, за бананами – Катя почему-то очень их полюбила во время беременности. Недалеко от входа, на тротуаре, парень раздавал листовки. Было видно, что он очень стесняется. Подаёт дрожащей рукой одному и тут же убирает руку, видя суровый взгляд прохожего. Подаёт другому – и смущённо отвечает на вопрос, что это такое. Получалось у него не очень, и из-за этого он заметно переживал. Я решил помочь бедняге. Когда он потянулся ко мне с видом новорождённого ягнёнка, я взял у него часть листовок.

– Я тебе помогу. Тут надо просто пораскрепощённое. Смотри.

И я начал приставать к прохожим, которых в это время было довольно много на улице.

– Возьмите, пожалуйста, вот эту бумажку, которую я раздаю, чтобы помочь этому парню поверить в себя! Не проходите мимо, иначе хороший человек останется без обеда! Спешите прочитать и выбросить в мусорку эту листовку, чтобы мы могли на этом немножко заработать! Всем хорошего дня и отличного настроения!

Последнюю фразу я договорил, когда Катя уже тянула меня за рукав.

– Что ж ты такой неугомонный!

– Надо же было помочь пареньку! Посмотри – зашуганный какой стоит. А ведь иногда нужна всего лишь искра, всего лишь маленькая помощь и поддержка, чтобы изменить судьбу человека.

– Он просто раздаёт листовки, это его работа. Каждый должен заниматься своим делом. Ты же не будешь помогать инженеру или стоматологу. Только хуже будет.

– Какой же ты ворчливой бабкой будешь! – я расплылся в улыбке, и Катя не смогла добить меня зонтом по рукаву, потому что улыбнулась сама.

В магазине мы провели битый час. Сначала выбирали мандарины, потом колбасу, долго сравнивали сроки годности горошка. Увидев в кондитерском отделе любимый Катин торт, я не преминул спросить у продавщицы:

– У вас «Ночной Париж» свежий?

– Да, сегодняшней!

– Гм. Значит, не ночной.

– Что-что? – не поняла та.

– Нет, ничего. Дайте, пожалуйста!

Когда мы немного отъехали с корзинкой, Катя остановила меня и поцеловала в щёчку.

– Помнишь...

– Про «Ночной Париж»? Конечно, помню. Я помню все твои любимые вещи: парфюм, шоколад, сериал, даже модель фотоаппарата. Мы его когда-нибудь купим!

– Правда?

– Обязательно! – чистосердечно наврал я. – Мне, кстати, в голову пришла сейчас такая идея. Представь: ты во время съёмки потеряла крышку от объектива.

– Я не потеряю: он у меня верёвочкой к объективу привязан.

– А ты представь, что верёвочка перетёрлась и ты всё-таки потеряла! – настоял я. – И вдруг мимо этого места проходил Ди Каприо. Поднял крышку, осмотрелся вокруг – никого. А рядом – выставка работ двадцати фотографов. Он туда прискакивает на белом коне, как в рекламе дезодоранта, и начинает, как в «Золушке», примерять её к фотоаппаратам. У всех камеры на шее висят, ниже груди. И вот он к каждой подходит и примеряет. Никому не подходит. А одной он даже говорит так пренебрежительно: ой, а у вас вообще «Никон».

Кате эта шутка очень понравилась.

– И вот он подходит к тебе. И верёвочка к верёвочке подходит. Он, значит, надевает крышку на объектив, как кольцо на палец, и сажает тебя на коня. А конь белый, вороньёй.

Катя рассмеялась так, что чуть не чихнула.

– «Вороньёй» – это цвет! Это всё равно что сказать: телефон белый, сапфир-блю. Это два разных цвета!

– Ты же недослушала, – не унимался я. – Это удивительный конь: он с одной стороны – полностью белый, а с другой – вороньёй! Чудо природы. И вот вы скачете с этой выставки, а навстречу вам я, в шлеме и латах...

– Ой, да Ди Каприо тебя проскочит и не заметит! Слушай, хватит болтать, нам ещё вареники нужно найти.

Как покупает продукты мужчина? Идёт по списку, и когда все продукты в корзине – прямиком на кассу. Как покупает продукты женщина? Алгоритмы

сложные, долго объяснять. Но самое интересное – как покупает продукты беременная женщина?

– Слушай, пойдём домой уже! А то я уже устала спариваться в куртке!

Возникла пауза, и я деланно-недовольным тоном переспросил:

– Спаривалась? То есть ты, муж, терпи четыре месяца. А ты в это время прямо в куртке спаривалась!

– Да тише ты, дурак! Хорошо, не услышал никто! А то ты ведь такой медведь неотёсанный! Ты же понял, о чём я. Пойдём на кассу. Остальное вечером докупишь.

– Ну конечно! – бухтел я, но покорно шёл следом.

После того, как пропикала все товары, кассирша посмотрела на меня с хитринкой и спросила:

– Сколько?

– Тысяча четыреста сорок пять рублей, – с улыбкой ответил я.

– Точно! – с такою же улыбкой подтвердила кассирша.

– Как ты угадал? – удивилась Катя, пока я оплачивал покупки.

– Да вы что, девушка! – ответила ей соседняя кассирша, пока обслуживала других покупателей. – Он же всё в уме считает. Не голова – калькулятор! Ни разу не ошибся, сколько я себя помню!

– Это потому что у вас единственный магазин в районе, где сумма на ценнике и на кассе совпадает! – я ответил комплиментом на комплимент, хотя всё это было правдой. – Куда ни приди – то колбаса пробивается двести вместо ста, то кофе – не по акции.

– Ну ты еврей! – не сдержалась Катя. По всей видимости, её больше поразило даже не то, что я высчитываю сумму покупок, а что я делал это всё время, пока мы прогуливались по магазину.

– Что ж, жизнь приучает меня быть евреем, – философски заметил я. – Нет, ну а что! Видишь – детское молочко по акции, 22 рубля. Берёшь сразу десять штук. А пробиваются они по 35 рублей. Вот и получается, что рассчитываешь на 220, а тебе говорят: выкладывай 350. Тут волей-неволей евреем станешь.

Всё это время Катя дёргала меня за рукав и пыталась остановить. Но я думал, что ей не нравится моя ценовая тирада. Оказалось, дело совсем в другом.

– Миш, какое детское молочко! Я ещё не родила. Ты должен был сказать эту фразу через полтора года. Ты вообще следишь за хронологией в своём произведении!? У тебя сплошная путаница в кожаевском мире цыган!

– Точно! – сообразил я. – А что я должен был сказать в этом месте?

– Ты должен был посмотреть итоговую сумму и сказать: «Всё больше чеки напоминают свитки».

– А, ну да – логично. Действительно, длинный такой. Спасибо!

– Ладно, пойдём! А то действительно жарко.

Мы вышли на улицу. Было по-осеннему тепло, хотя календарь стремглав шагал к зиме.

– Представляешь, – сказал я, – если бы люди в России здоровались фразой не «добрый день», или вечер, или утро, а – «тёплый»? Так встречаешься с соседом, снимаешь шляпу и приветствуешь его: «Тёплый вечер!».

– Да, тёплая осень! – как бы и не услышав меня, заметила Катя. – Интересно, какая погода будет завтра?

– Наверно, так же тепло будет.

– Наверно... Это тебе неважно, что на улице будет. А мне это важно – какой шарф брать, лёгкий или тёплый, какую обувь, нужен ли зонт. Я же не только о себе забочусь. – Она вытащила из кармана куртки телефон и открыла голосовой поиск. – Приходится всё самой делать. «Какая погода завтра на Косой Горе?».

– Плюс 9 градусов, – ответила «Алиса».

– Вот видишь, девять градусов всего! – поучительно сказала Катя. – Я поражаюсь, как ты по работе управляешься без интернета на телефоне? Это же нереально, тем более в журналистике.

– Да у меня материалы такие, что достаточно на компьютере интернета. Я же не с колёс в редакцию информацию передаю.

В этот момент навстречу нам подошла Катина подруга. Пока они разговаривали, я успел воспользоваться паузой, отошёл в сторонку и надиктовал в телефон фразу. Затем, когда Катя простилась, и мы пошли дальше, я провёл эффектную демонстрацию.

– Смотри, – я поднёс телефон ко рту. – Какая погода завтра на Косой Горе? – И тут же нажал на кнопку воспроизведения только что записанного ответа:

– Плюс 9 градусов, – ответил мой голос.

Катя невольно рассмеялась.

– Ну, вот это, пожалуй, было неплохо.

Мы вернулись домой. Я открыл дверь и пропустил Катю вперёд. Сам зашёл следом с пакетом и закрылся. На улице уже стемнело, и я заметил полосу света под дверью ванной комнаты.

– Вот они – преимущества жены: в ванной всегда горит свет.

– Потому что неудобно выключать свет, когда выходишь: дверь не в неудобную сторону открывается.

– Правда? – Я язвил, но по-доброму. – То есть лучше, чтобы она перекрывала дверь в спальню?

– Слушай, мы сыр забыли купить! – прервала меня Катя. – Давай я пока ужин сделаю, а ты сходишь за ним. И ещё майонеза, и сливок можно.

– Класс! – из меня снова вырвался сарказм, но опять добрый. – Может быть, я тогда на велосипеде прокачусь, пока погода хорошая? А на обратном пути в магазин заеду. Всё равно сыр тебе в самом конце понадобится.

– Давай! Я хоть отдохну от тебя! – она улыбнулась своей неповторимой улыбкой. А я поймал себя на душу греющей мысли: «У меня жена такая красивая, что я до сих пор считаю, что она армянка».

Мой велосипедный маршрут, как правило, был предельно прост и бесхитростен. Мимо дома к парку, полкруга по аллее, выезд к конечной автобуса, чуть дальше в лес – и назад по прямой, с ветерком. Но на этот раз я решил покататься подольше. И в том месте перед лесом, где я разворачивался и ехал обратно, я остановился – и поехал вперёд. Спустя полкилометра находилась тренировочная база полицейских. Из-за высокой стены с колючей проволокой неожиданно струился дымок, точь-в-точь как от каннабиса. Я ещё подумал тогда: а что если это действительно трава? – ведь я сейчас надышусь ею, торкнет ещё. Данному нелепому предположению (скорее всего, там сжигали сухую траву, собранную по территории) содействовала темнота леса, накрывшая меня спустя полсотни метров.

Лес можно было бы назвать дремучим. Но иногда он был весьма оживлён. По проложенным здесь внедорожным трассам катались на квадроциклах. Проехать там было действительно сложно, поэтому я выбирал простенькие велосипедные тропинки. Мне хватило считанных минут, чтобы заблудиться. Выбираясь назад, я, видимо, свернул не туда, потому что ещё добрую четверть часа крутил и крутил педали. Наконец, на горизонте вырос спасительный маяк – одинокий фонарный столб. Я поехал прямо на него, через сучья и холмы.

Спустя полкилометра я смог разглядеть за частоколом деревьев нечто похожее на городской тротуар. Вдали виднелось незнакомое мне трёхэтажное здание с новенькой черепицей на крыше. Каково же было моё удивление, когда я наконец выехал к фонарю. Оказалось, что он освещает настоящую велотрассу. Причём не абы какую – а превосходного качества. Асфальт новый, разметка яркая, бордюры окрашены, дренаж, указатели, знаки – всё, что надо. А трёхэтажное здание оказалось современной гостиницей, перед которой были припаркованы в основном машины бизнес-класса. Причём некоторые – с европейскими номерами. По соседству же и вовсе была возведена трибуна для добрых две сотни зрителей.

У меня было полное ощущение, что я попал в сказку. Дремучий лес, куда можно либо дойти пешком, либо пробраться на квадроцикле. И вдруг из чащобы ты выезжаешь на трассу без преувеличения мирового уровня. А ведь это всего лишь пригород, форштадт, как сказал бы Достоевский. И тут такая красота! Я проехал пару кругов, прежде чем пришёл в себя. А затем поймал себя на странной мысли: «А что, если вдруг меня сейчас накрыло от того странного дыма, шедшего с территории полицейского участка?». И я представил: еду я такой задумчивый по лесной тропинке, а мне представляется велосипедная трасса, а-ля швейцарская гостиница.

Я был под таким сильным впечатлением, что чуть было не забыл, зачем выехал. Вне себя от восторга, я сделал ещё один круг и вернулся на дорогу. Оказалось, что велотрасса граничит с тем самым полицейским участком, мимо которого я полчаса назад проехал. Значит, простую сухую листву жгли они, а мозг мой сам себе напридумывал бредовых предположений.

Проехав под горочку пару километров – самый любимый момент велопутешествия – я остановился у магазина, чтобы купить заказанные Катей сыр, майонез и сливки. Знал бы я в тот момент, что за каждый из этих

продуктов я хорошенько получу по шапке... Но тогда я, воодушевлённый неотступным желанием рассказать о велотрассе практически рядом с домом, неустанно крутил педали по дороге назад.

Катя встретила меня, как героя. Мой рассказ нашёл в ней благодарную слушательницу. Но и без того было видно, что я переживаю необычайный наплыв эмоций. Душа моя ликовала от восторга. И всё это продолжалось ровно до тех пор, пока я не достал из рюкзака приобретённую снедь.

– Это что? – строго спросила Катя. Она заметно изменилась в лице. Её воодушевление, которым я было заразил её, скрылось, как солнце за тучами.

– Майонез, – констатировал я. И сглотнул, как котёнок, которого поймали у оставленной в уголку лужи.

– С лимонным соком? Ты когда-нибудь видел, чтобы я такой майонез покупала?

– Что, не такой, как надо? – Это как на допросе у следователя: что бы ты ни сказал, всё равно это будет использовано против тебя.

– «Не такой, как надо»? Да это вообще не майонез! Это какая-то жижа, и чтобы её скрыть – добавили лимонный концентрат. Как такое можно в еду добавлять! А это что?

– Сыр, – вздохнул я, готовый к казни.

– Сыр не бывает полутвёрдым – это желеобразный полуфабрикат, недоделка. Это как спред и сливочное масло. Запомни: настоящий сыр – только твёрдый. И то не всякий подойдёт. Вот этот можно взять и выбросить сразу в ведро. Как и сливки. Ты их хотя бы из холодильника взял?

– Нет, не из холодильника! – попробовал я подать голос. – Потому что они ультрапастеризованные.

– Ультрапастеризованные – значит, что их прокипятили и вместе с бактериями убрали все полезные элементы. Это как молоко, которое может храниться год. Его пить невозможно.

– То есть из всего, что я принёс, годной оказалась только история про велотрассу? – подытожил я, попутно добавив пути для примирительного отступления.

– Тупая история! – отрезала Катя. Более того, она выбросила купленные мною продукты в мусорное ведро и пошла одеваться, с очевидной целью сходить в магазин самой.

– Да что случилось? – не выдержал я.

Вместо ответа она демонстративно оделась теплее, чем того требовала погода, и сложила телефон и кошелек в рюкзак. Всё-таки не выдержала и бросила:

– Если бы ты хотя бы немного прислушивался к тому, что я говорю, – не пришлось бы идти в магазин перекупать за тобой. Тем более в дождь! – она с героизмом кинула взгляд на улицу: за окном накрапывал дождик, – и с чувством обиженного достоинства вышла в дверь. Попутно набирая что-то в телефоне.

Спустя минуту к подъезду подъехала белая машина такси. Катя села на заднее место и уехала прочь. Через четверть часа она вернулась. С собой Катя

принесла правильный сыр, нужный майонез и полезные сливки. Но лицо её выражало печаль о произошедшем. Точнее, так мне показалось вначале, пока она не поделилась со мной своей маленькой трагедией.

– Представляешь, я оставила в такси зонт. А когда позвонила в диспетчерскую, то там мне сказали, что никто из водителей его не находил. Вот уроды...

Я понял, что здесь не обида на таксистов – здесь сожаление о наговоренном и о резкой перемене настроения, которая сказалась на мне. Поэтому я занял сочувственную сторону.

– Правда? Ну не расстраивайся! Иди ко мне! – я тепло обнял её. – Может быть, водитель ещё не обнаружил зонта. Скорее всего, пропажу найдёт следующий пассажир, обычно бывает так.

Сначала мы долго обнимались. Потом я усадил Катю на диван и заботливо снял с неё тёплые носки, чтобы сделать массаж ног. Его больше любил делать я, чем испытывать Катя. Ещё полчаса мы полулежали, обнявшись, пока, наконец, Катя не спросила:

– Ты хмуришься, потому что я так повела себя с тобой?

– Я не хмурюсь, – удивился я. – Я переживаю, что сливки так долго лежат в тепле. Ты же не положила их в холодильник, когда пришла?

Катя от всего сердца рассмеялась и встала с дивана.

– Слушай, ну ты – тот ещё фрукт! Я не удивлюсь, если ты в Новый год выпьешь бокал шампанского и пойдёшь писать роман про своих игрословов. – И она спародировала меня: – Вы думаете, что кидаете понты, а на самом деле кидаете... зонты!

Катя зашла в хихе и пошла вытаскивать продукты из рюкзака. Я последовал за ней и заряжался её смехом ровно до тех пор, когда она достала майонез.

– Что, просроченный? – в ужасе я приготовился рвать волосы на голове.

Вместо словесного ответа Катя отложила майонез в сторону, запустила руку в рюкзак и со дна его достала свой зонт.

– Вот такие понты! – вернул я ей каламбур. – Представляю, как икали таксисты, пока ты им про себя косточки перемывала!

Вместо реакции Катя продолжала стоять и не верить глазам своим.

– Как? Я точно помню, что он был у меня в руках, пока я ехала в такси.

Ещё долго этот эпизод не выходил у неё из головы. Наконец, мы оба достаточно устали, чтобы заснуть крепко и безмятежно. Фильм, который мы смотрели, подошёл к титрам. И нам оставалось только почистить зубы и лечь в кровать. Я сделал это первым, закутался в одеяло и, кажется, успел что-то увидеть в предсонной вечерней дрёме, как меня разбудил Катин вопрос из коридора:

– Ты не видел мою расчёску?

– Ты же знаешь: я расчёсываюсь пятернёй, так что любая расчёска в нашей квартире – твоя.

– Ну, хватит! Я её на самом деле найти не могу.

– Может, позвоним в такси?

После секундной паузы в меня полетел тапочек тридцать шестого размера. Так я понял, что закрыл этот Катин гештальт.

Глава 38 Что? Где? Когда?

Осенью неожиданно произошло потепление между Россией и Соединёнными Штатами. Президенты встретились в кремле, и политическая обстановка вдруг от состояния полухолодной войны перешла едва ли не к братству. Допинговый скандал был осуждён обеими сторонами, утих керченский вопрос, а донбасский на время оказался замолчан. Прозвучала инициатива отмены виз, и по обе стороны океана, казалось, легко вздохнули военные ракетных войск.

На фоне столь стремительного потепления следующий год был объявлен годом культуры США в России и наоборот. А в осенние игры программы «Что? Где? Когда?» экстренно внесли коррективы. Реклама растрогала о беспрецедентном случае – американской команде в составе знатоков. И зрители у телеэкранов стали с предвкушением ждать: что же будет? В первой октябрьской игре, действительно, под покрывалом неизвестности началась очередная игра интеллектуального казино, и в кресла знатоков крупье стал поочерёдно вызывать американских знатоков. Зал гудел от оваций.

– И первым за игровой стол вызывается актёр Джонни Депп.

Раздались аплодисменты, которые перешли в настоящий гул, крики и скандирование, когда из-за кулис, действительно, вышел Депп собственной персоной – в тёмно-синих очках, с напомаженной причёской и с килограммом перстней на пальцах обеих рук. Он прошёл сквозь толпу, поклонился и сел за игровой стол.

– Певица и актриса Майли Сайрус!

Созревшую Ханну Монтану зал встретил сдержанно, зато более молодая телевизионная аудитория просто взорвалась от неистовства – Майли была кумиром миллионов не только в Америке, но и в Европе.

– Писатель, телеведущий и меценат Майкл Скинер!

Присутствовавшие разразились рукоплесканиями, в которых затерялся голос крупье. Гость, явно польщённый приёмом, пропорхал к столу и занял своё место, приветственно подняв руку вверх.

– Основатель «Фейсбук» Марк Цукерберг!

Зал просто сошёл с ума! Никто не ожидал, что звёзды такого космического уровня – все в один момент – соберутся в уютном особняке на окраине Москвы, чтобы сыграть в «Что? Где? Когда?». С таким же успехом Месси и Роналду могли бы выйти сыграть во двор где-нибудь в Печатниках.

– Актёр и режиссёр Квентин Тарантино!

Тут снова раздались аплодисменты бурные, как поток водопада, а кто-то даже присвистнул. Улыбающийся Тарантино прошествовал сквозь рикошеты ладоней и занял своё место. Всем присутствующим за столом он подал приветственные знаки, как если бы трогал невидимые груди, разделявшие его с другими участниками игры. Режиссёр улыбался в тридцать три белоснежных

зуба, и в нём явно таилась харизма и энергетика, которые привлекали к нему окружающих.

Наконец, после небольшой паузы крупье представил шестого игрока:

– И капитан команды США, телеведущая, продюсер, почётный доктор Гарвардского университета – встречайте: Опра Уинфри!

Опра, тоже улыбающаяся в тридцать три ещё более белоснежных зуба, скромно прошла к своему креслу и заняла место за игровым столом. Она протянула ладони к соседям, и вся команда взялась за руки, как настоящий сплочённый коллектив. Уинфри что-то прошептала в центр собрания, и все сначала прижали скрепленья кулаков к столу, а затем разомкнули руки и вознесли пальцы, которые дрожали, словно лавровые листья над огнём во время шаманского камлания.

– Добрый вечер, дорогие знатоки! – возвестил ведущий после удара гонга.
– Рад приветствовать вас в России, в Москве. Госпожа Уинфри, вы ведь впервые у нас в стране?

– Да, – призналась капитан команды. – У вас совсем не так холодно, как я ожидала. Мне даже не понадобилась шуба.

– И ни одного медведя на улице вы тоже не встретили? – пошутил ведущий. – Я правильно понимаю?

– Да, точно! – рассмеялась Уинфри. – Ни одного медведя, ни одного человека в странных шапках... с ушами.

– Шапки-ушанки, – подсказал ведущий.

– Да, спасибо! Ни одной балалайки и ни одного развала с чёрной икрой и водкой.

– О, госпожа Уинфри! Вы просто читаете наши мысли! Потому что – действительно – какая же встреча дорогих гостей в России без каравая и без водки с икрой! Спонсор нашей сегодняшней передачи – водка «Тайницкая башня». Официальный поставщик кремля свято хранит тайны всех девяти башен с 1520 года. «Тайницкая башня» – нерушимая крепость!

Пока крупье рекламировал спонсора, помощник вынес поднос с караваем, с блестящей бутылкой в «рубленном» дизайне, с шестью полными рюмками и высокой ладьёй, до краёв наполненной чёрной икрой.

– Угощайтесь! Пожалуйста!

Немного ошарашенные гости взяли свои рюмки и волей-неволей прикоснулись губами к терпкой влаге. Опра Уинфри слегка пригубила, а Джонни Депп выпил всё залпом и с грохотом разбил рюмку об пол, так что осколки разлетелись в разные стороны.

– Правильно, господин Депп! – одобрил крупье. – Как говорят в России: на счастье! Бейте и остальные! Господин Тарантино, бейте!

Режиссёр скромно улыбнулся, осторожно поставил рюмку на стол и ответил, что лучше займётся пробой икры.

– Вкусно, госпожа Сайрус? – спросил ведущий.

– Да, на удивление приятно! – призналась Майли. – Я почему-то представляла, что это бадяга со вкусом пороха, но это вкуснее, чем текила. Ну и я тоже, пожалуй, попробую икры, раз тут такой радушный приём.

– Ну хорошо! Теперь, когда мы удовлетворили нашего спонсора, – приступим к игре! Вращайте волчок.

И ассистент запустил волчок со с детства знакомой мелодией: тут-ту–туру-туру-тут-ту–туру! Когда стрелка остановилась, ведущий озвучил:

– Против команды знатоков играет телеоператор Максим Кондопоев, Санкт-Петербург. Насколько хорошо вы знаете русские фамилии? Господин Цукерберг, какие русские фамилии вы знаете?

Основатель фейсбука задумался и стал перечислять, иногда коверкая окончания:

– Пушкин, Менделеев, Каспаров, Чайковский. Гм. Путин!

– Путин, конечно! Спасибо. А вот Максим Кондопоев интересуется. В романе Фридриха Незнанского «Бастион» – фамилия автора не должна вас смущать – описывается такой эпизод. Следователь, расследующий убийство крупного бизнесмена во время сочинской олимпиады, приходит к владельцу икорной фабрики, чтобы разузнать сведения о его конкуренте. Икорный магнат обещает помочь и рассказать всё, что знает. «Его фамилия – Давыдов», – говорит следователь. «Нет, – тут же отвечает владелец фабрики, – человек с этой фамилией не участвует в икорном бизнесе». Внимание, вопрос! Почему икорный магнат сразу сообщил, что человек по фамилии Давыдов не участвует в производстве или продаже икры? Минута пошла.

В первый момент знатоки опешили, так как ни у кого не было ни единой идеи. Но довольно быстро они начали озвучивать и развивать версии.

– Давыдов – это герой войны с Наполеоном! – заметила Опра Уинфри.

– Может быть, военным запрещено заниматься торговлей? – предположил Цукерберг.

– А что, Давыдов – это только военная фамилия? – засомневался Тарантино.

– А, может быть, он не может заниматься икрой, потому что он – табачный магнат? Есть же сигареты «Давидофф» – это, наверное, он? Или его наследники.

Прозвучал сигнал об окончании минуты, и ведущий был вынужден прервать обсуждения.

– Минута истекла. И я спрашиваю у капитана: госпожа Уинфри, кто будет отвечать на этот вопрос?

– На вопрос попробую ответить я.

– Пожалуйста!

– Мы считаем, что человек по фамилии Давыдов не может заниматься икорным бизнесом, так как Давыдовы – это известный дворянский род, который на протяжении веков служил российскому государству, а военным запрещено заниматься ещё и предпринимательской деятельностью.

После небольшой паузы ведущий задал наводящий вопрос:

– Госпожа Уинфри. Вы, вероятно, имели в виду героя войны 1812 года Дениса Давыдова – знаменитого русского гусара и поэта. Но неужели вы думаете, что сейчас, спустя более чем сто лет после революции 1917 года, военным дворянским родам запрещено заниматься бизнесом?

Пауза.

– Я понимаю: вы, конечно, не знаете такого автора, как Фридрих Незнанский. Но для правильного ответа это и не требовалось. Ведь в вопросе была подсказка: «во время сочинской олимпиады», которая состоялась в 2014 году – вы не могли этого не знать. То есть предполагалось, что вы поймёте: речь идёт о современных событиях. Внимание, правильный ответ.

Гонг!

– Владелец рыбной фабрики сообщил, что человек по фамилии Давыдов не может участвовать в икорном деле, потому что в данном бизнесе задействовано всего несколько крупных бизнесменов, которых он знает наперечёт. То есть он знает всех участников икорного бизнеса, и Давыдова в их числе нет. Очень простой ответ, согласитесь! А вы, к сожалению, проиграли. Счёт 0:1 в пользу телезрителей. А шестьдесят тысяч рублей уходят Максиму Кондопоеву в Санкт-Петербург. Второй раунд!

Снова завертелся волчок и зазвучала задорная музыка.

– Госпожа Сайрус, – поинтересовался крупье, – вы ведь тоже впервые в России?

После небольшой паузы, пока переводчик доносил вопрос до гостьи, Майли ответила:

– Нет, я уже была у вас. Летом мы с Марком Ронсоном презентовали новый сингл и на один вечер прилетели в Санкт-Петербург на невероятную вечеринку. Правда, на следующий день мы довольно рано улетели в Лондон, так что я почти не посмотрела этот замечательный город. А в Москве я, действительно, впервые.

– Что ж, госпожа Сайрус, мы рады приветствовать вас в Москве. А у нас – второй вопрос. Против вас играет Елена Цымбаларь из Астрахани. У Елены юбилей: сорок лет исполняется со дня её свадьбы. И свой выигрыш наша телезрительница хочет потратить на подарок для своего мужа, так что учтите это при ответе!

Знатоки улыбнулись, а господин Барщевский в зале рассмеялся.

– Елена спрашивает. Один персидский царь... Вы, кстати, знаете, какое государство расположено на территории Персидской империи?

– Иран! – ответила Опра Уинфри.

– Иран, конечно! – подтвердил ведущий. – Один персидский царь созвал всех мудрецов своей страны и попросил их ответить на вопрос, что движет всеми людьми на свете. Мудрецы сначала составили целый том ответов. Затем число вариантов уместилось на одном свитке. А в конце мудрецы оставили одно единственное слово, которое объясняет мотивы поступков всех людей на земле. Через минуту, уважаемые знатоки, назовите это слово. Время!

– Деньги! Деньги! – затараторил Тарантино. – Все живут ради собственной выгоды!

– Может быть, слава? почёт?

– А почему не любовь? Или взаимность?

– Может быть, это смерть? – озвучила свою версию Уинфри. – Все люди знают, что умрут, и их смертность подгоняет их делать что-то в жизни.

– Да, это хорошая версия!

– Ребята, нет! – осенило Скиннера. – Это желание! Же-ла-ние! Потому что это всё объясняет: и желание успеть всё до смерти, и желание славы, и любовь тоже желают.

– Да? Просто желание?

– Да нет – это гармония, что-то невещественное, нематериальное!

– Да наоборот, – вмешался Тарантино, – это деньги!

– Желание! – настаивал Скиннер.

– А зачем ведущий спросил, в первый ли раз я в России? – спросила Сайрус. – Может быть, любознательность? Желание побывать в других странах, узнать что-то новое?

– Но это опять же желание.

В этот момент раздался сигнал об окончании минуты.

– Время истекло. Кто отвечает? Всё, всё, остановите обсуждения. Госпожа Уинфри, кто отвечает?

– Деньги! – прошептал Тарантино.

Опра Уинфри оказалась на перепутье.

– Принимайте решение. Кто отвечает?

– Ответит Майкл Скиннер, – произнесла она.

В эту секунду Майкл щёлкнул пальцами:

– Да, точно! Это *желание!*

Тарантино развёл руками.

– Желание? – переспросил ведущий. – Почему вы так решили? Такое ощущение, что вас перед ответом осенило?

– Да, господин ведущий. Я вспомнил вопрос. И там было сказано, что телезрительница *хочет* потратить деньги на подарок для мужа. То есть деньги вторичны, а впереди всего – желание!

Тарантино оценил данный довод и кивнул, показывая, что согласен с этим прозрением капитана.

– Итак, ваш ответ понятен. Внимание, правильный ответ!

Гонг.

– Господин Скиннер, вы совершенно правильно уловили, что различные замечания и наводящие вопросы являются подсказками. Только в данном случае *желание* Елены Цымбаларь сделать подарок своему мужу не имеет отношения к правильному ответу. Помните, я спросил, в какое современное государство превратилась древняя Персия? В каком-то смысле персы выжили и живут в современных иранцах, не правда ли? Правильный ответ – это *выживание!* Выживание руководит всеми людьми, господин Тарантино, не деньги. Выживание. 0:2 в пользу телезрителей! И сорок тысяч рублей уходят в Астрахань. Третий раунд.

Начало оказалось довольно удручающим для американской команды.

– Господин Скиннер, два поражения подряд – как это скажется на вашем настрое, как вы думаете?

– У нас отличный настрой, господин ведущий! Мы настроены исключительно на победу и обязательно преодолеем все трудности! А что

касается предыдущего вопроса, то, знаете, я считаю, что древние персидские мудрецы могли неправильно подсказать своему царю. Ведь наш ответ включает в себя в том числе и *желание выжить*.

– То есть вы считаете, что ответили правильно, а неправы мудрецы? – рассмеялся крупье.

– Да, а почему нет! – подтвердил Скиннер. – В конце концов мы проиграли в системе координат телезрительницы. А ведь есть истина, неведомая ни нашим, ни вашим мудрецам, не правда ли?

– Господин Скиннер, вы философ! – заметил ведущий. – Если бы вы имели больший опыт игры в нашем интеллектуальном казино, то обязательно обратились за защитой к господину Барщевскому. И, возможно, под давлением российских знатоков меня бы вынудили изменить решение и присвоить вам очко. Но пока ваши апологеты молчат. Также спешу напомнить вам, что на любом вопросе вы можете взять помощь клуба. За двадцать секунд магистры игры «Что? Где? Когда?» поделятся с вами версиями, одна из которых, скорее всего, окажется верной.

Волчок остановился, и ведущий озвучил:

– Против команды американских знатоков играет Дмитрий Брекоткин, Екатеринбург.

Пауза.

– Господин Тарантино, как вы думаете, по каким мотивам собственник может сжечь свой дом?

– Наверное, чтобы замаскировать труп убитого под пожар, – ни секунды не размышляя ответил режиссёр.

– Страховка! – одновременно раздалось с нескольких сторон, и зрители в казино рассмеялись.

– Конечно, получение страховых выплат! – подтвердил ведущий. – Но я специально задал этот вопрос господину Тарантино, так как он обладает нетривиальным мышлением, а оно вам сейчас пригодится. Итак. В XVIII веке американские переселенцы, переезжая из одного места в другое, сжигали свои дома. Внимание, вопрос!

Гонг.

– Для чего? Минута пошла.

На этот раз повисло тяжёлое молчание, потому что версий у команды не было вовсе.

– Может быть, они действительно там кого-то убивали? – предположил Тарантино.

Все снова рассмеялись, но уже не так озорно. В этом безумном предположении могла быть крупица истины.

– Ну смотрите: это не страховка, – начал рассуждать Скиннер. – Иначе бы у нас не спросили вначале. Но по-любому они какую-то выгоду преследовали. Вряд ли это обряд или символ какой-то.

– Чтобы не досталось другим переселенцам? – предложил Цукерберг.

– То есть на них наступали другие, и они сжигали дома? Возможно.

– Может быть, не платить налог на недвижимость? – спросил кто-то.

– Но тогда зачем им переезжать? Жили бы в конной повозке, – парировал другой. – А они постоянно перемещались или разово?

– Какие, какие ещё версии? – подгоняла команду Опра. – Зверей отпугивали, чтобы их лагерь не занимали?

– А, может, показывали индейцам, что свои дома сжигают, то есть это нормально, и поэтому их жилища можно сжигать?

– Нет, это бред.

Раздался сигнал, и ведущий потребовал прекратить обсуждения.

– Минута прошла, и я прошу ответа. Госпожа Уинфри, кто будет отвечать? Я понимаю: вы проигрываете 0:2, ситуация сложная. Поэтому от вашего решения будет зависеть дальнейшая игра. Итак, кто отвечает?

– Господин крупье, вы не могли бы сначала повторить вопрос?

– Хорошо, я повторю вопрос. Но сразу после этого говорите, кто отвечает, и немедленно ответ! Итак, зачем американские поселенцы XVIII века сжигали свои дома?

– Поселенцы или переселенцы? – уточнила Опра Уинфри, и в этот момент Скиннер начал махать руками и подавать ей сигналы, чтобы она доверила ответ ему.

– Кто отвечает?

– Отвечает Майкл Скиннер.

– Пожалуйста, господин Скиннер! Вас осенило?

– Похоже на то! – признался он. – Надеюсь, моя версия окажется правильной. В Америке того периода было мало переселенцев из Англии и континентальной Европы. Поэтому, скорее всего, у них были проблемы с некоторыми материалами. В частности, предположу, что при строительстве деревянного дома на новом месте им не хватало гвоздей. Поэтому они сжигали старый дом и собирали из пепла гвозди, с помощью которых скрепляли новый дом.

Александр Друзь одобрительно закивал головой. И крупье подтвердил догадку отвечавшего:

– У переселенцев наблюдался дефицит железных гвоздей, поэтому для их сбережения они сжигали свои дома и из сгоревших брёвен доставали гвозди! Невероятное озарение Майкла Скиннера – и счёт становится 1:2! Четвёртый раунд!

Команда знатоков взялась за руки и произнесла клич.

– Поздравляю вас, уважаемые знатоки, с первым заработанным очком. И должен предупредить, что среди конвертов, разложенных на столе, есть ещё один «американский» вопрос. Выпадет он сейчас или нет – неизвестно. Но в любом случае я желаю вам удачи при ответе на него. Всё-таки родина должна вам помочь в решении, ведь особенности менталитета никто не отменял, не правда ли?

– Да, конечно, господин крупье! – ответила за команду Опра Уинфри. – Я вот, например, встретила очень много незнакомых людей, которые тебе улыбаются. Хотя, скорее всего, я не так известна в России, как в США.

– Да что вы, госпожа Уинфри! – вмешался ведущий. – Вы самая знаменитая американка в России. Не все у нас знают господина Трампа, а вас, я уверен, знает практически каждый. Ну, по крайней мере, у кого есть телевизор в доме.

В это время волчок остановился, и крупье провозгласил:

– Балашиха. Блиц! Что ж, я расскажу вам правила данного раунда. Господин Тарантино, вы знаете немецкий?

– Нет.

– Я спрошу по-другому: вы знаете значение немецкого слова «блиц»?

– Быстрый! – ответил за него Скиннер. – «Блицкриг»: быстрая война.

– Совершенно верно, господин Скиннер! Быстрая война – то, что не удалось нацистским захватчикам в Великой Отечественной войне. А слово «блиц» в нашей игре означает, что на ответы вам будет даваться всего двадцать секунд, а вопросов будет целых три. И только правильно ответив на все из них, вы сможете заработать очко для своей команды. В противном случае оно перейдет в актив телезрителей. Против вас играет известный российский спортивный журналист Василий Уткин, город Балашиха. Итак, внимание: вопрос первый.

Гонг!

– Василий является поклонником футбольного клуба «Атлетико» из города Мадрида, Испания. Все три вопроса будут касаться этой команды. Итак, я озвучу первый из них. Внимание. Вы наверняка знаете, что футбольные клубы заключают длительные контракты со спонсорами, поэтому реклама на футболках игроков может не меняться годами. А вот на футболках участников «Атлетико» реклама меняется чуть ли не каждую неделю. Через двадцать секунд ответьте: что же рекламирует форма футболистов «Атлетико»? Время!

– Спонсор один, только его продукт разный! – сразу сообразил Тарантино.

– Что это может быть?

– Музыкальный лейбл? – предположил Майли Сайрус.

– Что, новые синглы? Каждую неделю?

– Ну а что – если на iTunes скачивать, то может быть.

– Нет, это должно быть что-то более массовое.

– Новое меню в ресторане?

Прозвучал сигнал, и ведущий попросил прекратить обсуждения.

– Госпожа Уинфри, кто будет отвечать?

Опра искала глазами, кто сможет озвучить какую-то хорошую, но новую версию, но терялась в вариантах.

– Госпожа Уинфри, Опра, пора отвечать. Что-то рекламируется с периодичностью один раз в неделю. Кто из знатоков вашей команды ответит, что это?

Майкл вдруг начал махать руками и показывать на себя.

– Отвечать будет Майкл Скиннер.

– У вас новое озарение?

– Нет, – признался игрок, – на самом деле на первой секунде Квентин дал нам правильное направление, сказав, что реклама разная, но бизнес один.

Просто нам было нужно время, и, повторяя вопрос, вы дали нам это время, за что я вас благодарю.

В зале раздались смешки.

– Я предположу, – продолжил Скиннер, – что речь идёт о новых фильмах, которые скоро выйдут в прокат.

На этот раз зрители зааплодировали, потому что версия действительно оказалась правдоподобной.

– Которые скоро выйдут в прокат, – повторил последнюю фразу ведущий.

– Я имел в виду: в ближайшее время. Может быть, на днях или через неделю.

– На форме футбольного клуба «Атлетико» размещала рекламу – посмотрите на экран – кинопрокатная компания. Поэтому каждую неделю рекламировались новые фильмы. Абсолютно верно!

После того, как аплодисменты стихли, ведущий напомнил:

– Господа, успокойтесь! Мы же играем блиц! И теперь – второй вопрос от Василия Уткина.

Гонг.

– Основатель футбольного клуба «Атлетико» Хуан Элардуй в 1903 году никак не мог найти спонсоров. А денег не хватало даже на форму. Как форма выглядит в наши дни, вы только что видели на ваших экранах. Но такой она стала благодаря усилиям господина Элардуя, который в условиях тогдашнего кризиса заказал футболки для своей команды именно там. К кому обратился основатель «Атлетико»? Время!

– У них полосатая форма! – начал Депп. – Как в тюрьме! Только не оранжевая, а розовая.

– Может быть, на солнце оранжевые полосы выгорают и становятся розовыми?

– Или это заводской брак?

– Только как они эту форму достали? Пришли в тюрьму и попросили?

– Или сами что-то нарушили, что им её выдали, а потом они оставили её себе?

Сигнал.

– Закончились обсуждения! Господа, остановитесь! Стоп! – настоял ведущий. – Закончили обсуждения. Госпожа Уинфри, кто будет отвечать?

– На этот вопрос ответит Джонни Депп.

– Господин Депп, пожалуйста, отвечайте.

Актёр поправил причёску и неторопливо произнёс:

– Мы считаем, что данную форму футболисты мадридского «Атлетико» позаимствовали у тюремных надзирателей.

– У тюремных надзирателей? – не понял крупье. – То есть это надзиратели носили такую форму?

Невозмутимый Депп расставил всё по своим местам:

– Вы спросили, к кому обратился основатель клуба, и наш ответ: он обратился в тюрьму. Конечно, в такой форме ходили заключённые. Но не мог

же он снять её с них. Поэтому он, скорее всего, купил нужное количество комплектов у надзирателей. Или у начальства тюрьмы.

– Ваш ответ понятен, – сообщил крупье. – Точнее, ответ принят, но не совсем понятен. Вы сами в течение обсуждения не могли прийти к согласию: почему полосы не того цвета? купили ли они форму или сами сели в тюрьму, чтобы её получить? А всё дело в том, как мне кажется, что вы исходили из американских реалий. В США форма осуждённых – бело-оранжевая. Но как вы думаете: такая же она в других странах? В России, например, полосы бело-серые. Неужели вы думаете, что мы бы стали задавать вопрос, для ответа на который вам понадобились бы знания, которыми вы наверняка не владеете по объективным причинам? Господин Цукерберг, а какие предметы с белыми и розовыми полосами вы в принципе знаете? Которые во всём мире одинаковы?

Марк Цукерберг на пару секунд задумался.

– Женские трусики? – предположил он.

В зале раздался настоящий гогот, и по интонации ведущего тоже стало понятно, что он улыбался. Смеялись даже сами знатоки, а основатель «Фейсбука» заметно покраснел.

– Господин Цукерберг, вы человек молодой, поэтому у вас на уме такие, скажем так, нетривиальные варианты. Но согласитесь: это ж сколько понадобится женских... аксессуаров, чтобы сшить форму на одного футболиста? Тишина! Тишина, пожалуйста! Внимание, правильный ответ!

Когда всё окончательно успокоилось, ведущий произнёс:

– Основатель футбольного клуба «Атлетико», конечно, не мог подстрекать своих игроков на преступления, а форму для спортсменов он был вынужден покупать. Ничего бесплатного в нашем мире, как вы знаете, нет. Хуан Элардуй за основой для футбольной формы обратился – на матрасную фабрику! Именно из матрасов шили форму для мадридского клуба в 1903 году. И до настоящего времени футболисты «Атлетико» носят прозвище «матрасочники». 1:3 в пользу телезрителей! Выигрыш уходит Василию Уткину в подмосковную Балашиху!

В зале раздались аплодисменты – то ли в адрес телекомментатора за вопрос, то ли знатокам, которые были близки к верному направлению, но не докрутили ответ.

– Пятый раунд! – возвестил крупье, и неустанный волчок в очередной раз закрутился на игровом столе. – Да, не до конца вы дошли в своих рассуждениях. И мне кажется, что если бы у вас была минута, вы бы правильную идею обязательно нашли. Но это был блиц, и двадцати секунд вам не хватило. А на столе есть суперблиц – три вопроса по двадцать секунд, только отвечать на них должен один игрок, по выбору капитана. И, кстати, вот сейчас волчок может указать на суперблиц... нет! Первомайский. Против вас играет лейтенант полиции Сергей Назаренко, посёлок Первомайский Тульской области. Внимание на экран!

На экране показался парень лет двадцати в полицейской форме на фоне двух автомобилей – служебного и остановленного.

– Добрый день, уважаемые знатоки! Согласно приказу министерства внутренних дел России номер 1508, сотрудник правоохранительных органов

при проверке документов лиц, находящихся в автотранспортном средстве, должен обязательно подойти к багажнику автомобиля. Внимание, вопрос! Для чего российские полицейские обязаны это делать?

– Вопрос понятен? – уточнил ведущий.

Камера показала Квентина Тарантино с поднятым вверх большим пальцем, и Опра Уинфри громко сообщила:

– У нас досрочный ответ, господин крупье!

– Досрочный ответ? – оживился ведущий. – Пожалуйста! Кто будет отвечать?

– Ответит Квентин Тарантино.

– Пожалуйста!

Режиссёр посмотрел в объектив телекамеры:

– В США совершенно точно есть такая же практика, и я надеюсь, что в России полицейские подходят к багажнику остановленного автомобиля с точно такой же целью. Дело в том, что если в процессе проверки документов водитель окажет сопротивление и уедет с места досмотра, то при обнаружении автомобиля дополнительным доказательством его виновности будет отпечаток пальца, который полицейские оставляют на багажниках машин.

В зале раздались весомые аплодисменты, как будто бы зрители в клубе ещё больше заужали Тарантино.

– Ваш ответ понятен, господин Тарантино. Квентин, а скажите, зачем ещё – кроме озвученной версии – полицейский может подходить к багажнику автомобиля? Что? кто это сказал?

Камера взяла в прицел Цукерберга, и тот повторил свой вариант:

– Чтобы прислушаться, нет ли кого-то, кто заперт или связан в багажнике. Чтобы тот человек мог постучать ногой или как-то ещё подать сигнал полицейскому.

– Слышали, господин Тарантино? Ведь в вопросе не шла речь об отпечатке. Спрашивалось только, зачем он подходит к багажнику автомобиля. Что ж, внимание на экран!

Гонг!

– Полицейские в России, – сообщил телезритель на записи, – должны оставить на багажнике отпечаток пальца...

– Ййесс! – раздалось в команде знатоков и заглушило ответ полицейского.

– ...в этом случае машину будет легче опознать, если нарушитель скроется с места остановки.

– Совершенно верный ответ, господин Тарантино! Мне не удалось вас сбить с толку другими версиями, я вас поздравляю! Счёт становится 2:3, пока по-прежнему в пользу телезрителей. Но зато благодаря Квентину у знатоков появляется запасная минута на размышления.

– Господин крупье! – раздался голос откуда-то из зала.

– Да, господин Верхошинский! – ответил ведущий.

– За прекрасный вопрос и за общую для американских и российских полицейских практику наш банк выплатит телезрителю компенсацию в размере ста тысяч рублей!

– Спасибо, господин Верхошинский! Сто тысяч рублей компенсации уходят в посёлок Первомайский лейтенанту полиции господину Назаренко, поздравляю! А сейчас – внимание! Музыкальная пауза! Перед вами выступит звезда мировой оперной сцены Анна Нетребко!

После арии Лизы из «Пиковой дамы» Чайковского знатоки и зрители вернулись в зал и начался шестой раунд.

– Против вас играет Даниил Маркелов, город Киров. Внимание, портрет! – распорядитель вынес в зал репродукцию картины. – Перед вами картина русского художника Виктора Васнецова «Девушка с кленовой веткой», 1896 года. Внимание, вопрос!

Гонг!

– Через минуту назовите более раннее, но всемирно известное полотно с изображением этой девушки. Время!

– С кленовой веткой! – ухватилась за название Опра. – Кленовый лист – символ Канады, а там много выходцев из Украины. Может быть, это какая-то в будущем известная украинка? Кого мы знаем из украинских женщин?

– Леся Украинка? – предположил Цукерберг.

– По времени то! – подтвердил Депп. – Может, она изображена на местных деньгах?

– На гривнах? – подсказал Тарантино.

– Но речь идёт о ранней версии портрета! – напомнил Скиннер. – Какие вообще тогда гривны? Это же Российская империя ещё!

– А почему именно украинка? – попыталась вернуться к исходной точке Майли Сайрус. – Только потому, что у неё узор на платье в виде кленовой ветки? Может, это современная версия какой-то нимфы? или греческой богини?

– Мифологический сюжет? – допустила такую мысль Уинфри. – Что мы в итоге отвечать будем? Других версий нет?

– Может, это статуя свободы? – озвучил бредовую на первый взгляд идею Цукерберг.

– А что, похожа! – признали Депп и Тарантино.

– Ну что мы, статую или Лесю отвечаем? – торопила свою команду с решением Уинфри. В это мгновение прозвучал сигнал.

– Итак, время окончилось! – провозгласил ведущий. – Госпожа Уинфри, кто будет отвечать?

– Ответит Марк Цукерберг.

– Пожалуйста, господин Цукерберг! Только для начала напомню, что вы должны назвать не девушку, а полотно! Пожалуйста!

– Полотно? – смутился Цукерберг. – Что ж, мы выбирали между статуей свободы и Лесей Украинкой. Но у статуи, насколько я знаю, нет прототипа в виде портрета. А Леся, которая изображена на гривне, не подходит по времени.

– Тем более что изображение на купюре – это не портрет, не правда ли? – подсказал ведущий. – Господа, мне кажется, вы не совсем правильно поняли вопрос. Советую вам: записывайте формулировки! Это может вам сильно помочь. В вопросе я просил назвать всемирно известное полотно, изображающее эту же девушку, только более раннее. Не более раннюю версию

этой картины, которую вы сейчас держите перед собой, а совсем другое полотно! Это вы, господин Цукерберг, настолько образованный, что знаете Лесю Украинку, но согласитесь: она всё-таки не всемирно известна как персонаж картины...

– Девушка с персиками! – воскликнул Скиннер.

– Что вы сказали, господин Скиннер?

– Если эта же девушка, только ещё моложе, изображена на другой картине, которая известна во всём мире, то это – «Девушка с персиками»!

– Точно! – бросили одновременно кто-то из знатоков и зрителей. Раздались аплодисменты, которые переросли в настоящую овацию.

– Господин Барщевский! – обратился к нему ведущий, и всем стало ясно, что озвученный ответ правильный.

– Господин ведущий, – немедленно отреагировал адвокат, – вы ещё не приняли окончательный ответ. Вы обычно говорите: ваш ответ понятен. На этом вопросе вы этого не сказали, поэтому *формально* версию с персиками... с девушкой с персиками, извините, нужно принять. Вы, конечно, подсказали команде, но от этого факт прозрения до правильной версии остаётся фактом.

– Но ответил не Марк, а Майкл! – озвучил новый довод крупье.

– Но так как вы до сих пор не сказали, что ответ принят, то господин Цукерберг может прямо сейчас назвать эту версию! – улыбнулся господин Барщевский.

– «Девушка с персиками»! – с секундной задержкой, пока ему переводили диалог ведущего и адвоката, подтвердил Цукерберг. Чем сорвал новую порцию аплодисментов для своей команды.

– Ну вот что с вами, с юристами, делать! И с программистами, господин Цукерберг! 3:3!

На фоне новых аплодисментов вновь раздался голос господина Верхошинского:

– Господин ведущий! Учитывая блестящий вопрос и то, с какой сложностью на него ответила команда знатоков, я от лица банка выписываю телезрителю чек на сто тысяч рублей!

– Спасибо, господин Верхошинский! Сто тысяч рублей уходят Даниилу Маркелову в Киров! А у нас пока ничья – 3:3! Седьмой раунд.

Тут-ту-туру-туру-тутту-туру!

– Госпожа Уинфри! Можно сказать, что вы вырвали победу в этом раунде! И теперь, я думаю, у вас сложится соответствующее представление о квалификации российских юристов. Господин Барщевский решил в пользу знатоков не один десяток вопросов. Вот и сейчас он себя проявил и оживил интригу. Согласитесь: при счёте 2:4 было бы гораздо сложнее вести дальнейшую борьбу. А сейчас 3:3, и у вас все шансы на победу. Что показывает волчок? Город Севастополь, Крым.

– Украина, – добавил Цукерберг.

– Россия, господин Цукерберг, – поправил его ведущий. – Господин Цукерберг, вы обратили внимание, что на открытии олимпиады в Сочи территория Абхазии на карте оказалась прикрыта облаком? И теперь мы не

стали нагнетать обстановку, сказали просто: Севастополь, Крым. Давайте хотя бы на сегодня оставим политику в стороне, согласны?

– Я просто хотел отметить, что в фейсбуке полуостров Крым помечен как территория Украины, – заметил Цукерберг.

Возникла неловкая, но короткая пауза. Из затруднительного положения ведущему, видимо, помогли выйти редакторы.

– А вот, на экране, профиль автора присланного вопроса из другой социальной сети, ВКонтакте. Здесь наш телезритель, Максим Пасалиди, указал город проживания: Севастополь, Россия. Вы, кстати, не знакомы с основателем сети ВКонтакте, господин Цукерберг? Павел Дуров приглашён на одну из игр зимней серии «Что? Где? Когда?». Не хотите, пользуясь случаем, передать ему привет? Или вопрос?

– Вы знаете, господин ведущий, число пользователей фейсбук приблизилось в этом году к трём миллиардам человек. Насколько я знаю, пользователей вашей социальной сети около трёхсот миллионов человек. Так что передайте при случае *вызов* вступить в высшую лигу хотя бы лет через пять!

– Хорошо, господин Цукерберг! – невольно рассмеялся ведущий. – Вы сегодня *вызывающе* остроумны, посмотрим, насколько вы окажетесь умны в ответе на следующий вопрос. Итак, раунд седьмой.

Гонг!

– В восемнадцатом веке при дворе Людовика Пятнадцатого возник странный обычай. Крупные вельможи начали дарить своим жёнам болонок. Максим Пасалиди из Севастополя интересуется: с какой целью сановные мужи одаривали своих супруг этими собачками? Минута пошла.

Вначале повисла гнетущая тишина. Казалось, никто не мог предложить ни единой идеи, зачем это было нужно. Молчание нарушил вопрос Тарантино:

– Болонка – это что за собака? Большая или маленькая?

– Это миниатюрная собака! Маленькая! – почти хором ответили Уинфри и Сайрус.

– А почему было сказано: «собачка»? Может, это и не собаки вовсе? Какие-нибудь фигурки или вообще – блюда? Типа бонбонок – конфеток таких.

– Да нет, это живые собаки, скорее всего! Они и сегодня популярны. Только почему они вдруг стали популярны во Франции и именно в восемнадцатом веке?

– А почему их порода так называется? Это от итальянской Болоньи? – предположил Скиннер. – Может, Франция и Италия заключили какое-то мирное соглашение? Или торговый союз?

– Или породнились с итальянскими правителями? У Людовика жена была итальянка, никто не знает?

– Да, может, просто – эта порода только появилась и поэтому стала популярной? Как это называется – селекционеры их вывели?

– Да нет, это вроде давняя порода.

– Ну, восемнадцатый век – это давно.

– Нет, не могли новую породу вдруг вывести – на это целые поколения нужны.

– Ну что в итоге отвечаем? – требовала решения Уинфри. В этот момент раздался сигнал об окончании минуты размышления, и ведущему стоило немало речевых усилий установить тишину.

– Кто отвечает? – вполголоса, чтобы задать тон игре, спросил крупье.

– Ответит Майли Сайрус.

– Мы считаем, господин ведущий, что ко времени Людовика Пятнадцатого во Франции установились дружественные отношения с Италией, и в знак согласия двух государств в моду вошли болонки. Название породы происходит от итальянского города Болоньи. И таким образом французы при дворе решили подчеркнуть уважение к своим южным соседям.

– Ваш ответ понятен, госпожа Сайрус, – подтвердил ведущий. – Скажите, Майли, у вас есть дома собаки?

– У меня нет, так как очень много времени я провожу в студии или на гастролях, так что ухаживать за питомцами времени нет.

– Понятно. Но скажите мне: мужчины – что, совсем не любят собак?

– Почему? Не очень понимаю вас, – призналась Сайрус.

– Ну вот скажите: если мужчине нравится определённая порода, то ведь он идёт и покупает собаку, не правда ли?

– Да. Думаю, да.

– А во Франции все вельможи мужчины именно *дарили* болонок.

– Ну, женщины больше любят миниатюрных собак.

– Резонно, госпожа Сайрус. Но вам нужно было подумать, какую потаённую цель могли преследовать мужчины. То есть делали это в первую очередь для себя. Внимание, правильный ответ!

Гонг.

– Болонки – очень дружелюбные собаки. Они быстро привязываются ко всем, кто оказывает им внимание. Французские вельможи дарили своим супругам болонок, чтобы на балах, когда у них в доме собирается много гостей, вычислять... любовников жены! Когда супруга встречала в гостиной мужчин, болонка вырывалась у неё из рук и бежала к тому господину, который часто бывал у них в доме в отсутствие хозяина. Чтобы находить любовников, госпожа Сайрус! 3:4 в пользу телезрителей! А семьдесят тысяч рублей отправляют Максиму Пасалиди в город-герой Севастополь! Блестящий и красивый вопрос! Я думаю, это главный претендент на звание лучшего вопроса сегодняшней игры! А мы движемся дальше – восьмой раунд!

Вновь завертелся волчок, и игроки команды дружно взяли за руки.

– Хей! – гаркнули они и расцепили руки.

– Мне кажется, это был первый вопрос, к правильному ответу на который вы даже не приблизились, – заметил ведущий. – В вопросе по Давыдову вам карты спутала фамилия. В вопросе про форму «Атлетико» вы в принципе в верном направлении думали, но немного не докрутили. А здесь у вас ни одной близкой идеи. Как вы думаете?

– Да, – согласилась Опра. – Ну а тут нам карты спутала порода, я думаю. Если бы это были какие-то другие собаки, мы бы, наверно, стали мыслить в другом направлении.

– Вы так считаете? – усомнился крупье. – А если бы в вопросе были сенбернары – вы бы не думали про монастырь? А скажи мы: чихуа-хуа, – вы бы про Китай наверняка стали рассуждать. Но – да, название породы вас сильно увело в сторону. Надеюсь, со следующим вопросом вы справитесь! Итак, Новосибирск. Против вас играет маркетолог Ирина Козлевич, город Новосибирск. Вопрос снят нашими корреспондентами, внимание на экран!

Знатоки подняли головы к экранам, а на картинке появилась летняя европейская улочка. Девушка-корреспондент начала рассказ:

– В 1950-е годы в Праге была массовая безработица. Многие мужчины были вынуждены выходить на улицу и предлагать свои услуги в качестве чернорабочих. В жаркое время на газонах можно было увидеть следующую картину. Мужчины ложились спать прямо на траве, а на подошвах своей обуви они мелом писали числа, посмотрите: у одного – 5, у другого – 7, у третьего – 8. Внимание, вопрос! Кем подрабатывали эти мужчины и что означали числа у них на подошвах?

– Вопрос понятен? – уточнил ведущий. – Минута пошла.

– Кем работали и что значат цифры? – Опра сразу определила, на что должны ответить знатоки. – Чернорабочие – это кто? Грузчики? Рабочие в порту? Слесари, сантехники – кто?

– Да все могут подходить! – заметил Депп. – Наверно, грузчики. Потому что сантехники – не все же знают, как починить кран или трубу подсоединить. А грузчиком любой может быть.

– А цифры что значат? Если они спали, то, может быть, это час, когда их нужно разбудить?

– А кто их будет будить-то? Пришёл клиент – и ждёт, пока можно будет будить? Нет, не то.

– Ну, может быть, клиент знает, что этого можно разбудить в 5, а этого – только в 7?

– Что же они такое делали, что спят до 7 вечера? Нет, это не время.

– Но очевидно, что это какой-то порядок: вот пятый, седьмой и восьмой, а шестого нет.

– Да нет, это скорее всего сумма, за которую их можно разбудить, чтобы нанять! – высказался Скиннер.

– 7 долларов или 5? – спросила Опра. – Ну, возможно. Или это всё-таки порядок?

– Или количество каких-то операций, которые он может сделать? Например, 7 раз перенесёт мебель.

– Или может нести не более 5 килограммов.

– Да нет, ну что это за весá – взрослый мужчина по 50 может носить.

Раздался сигнал об окончании минуты.

– Время! – возвестил ведущий. – Закончили обсуждения! Госпожа Уинфри, кто будет отвечать?

– На этот вопрос ответит Майкл Скиннер.

– Пожалуйста, господин Скиннер!

– Мы считаем, что мужчины предлагали услуги грузчиков, а цифры на их подошвах означали ту сумму, за которую они были готовы взяться за работу. Соответственно, если у заказчика не было требуемых средств, то он и не должен быть будить человека, у которого на подошве указана эта сумма.

– А всё-таки о какой валюте идёт речь, господин Скиннер? О долларах?

– Нет, конечно, Прага – это Чехия, там, насколько я помню, кроны. Сейчас там евро, скорее всего, но после войны были чешские кроны, если я ничего не путаю.

– Ну путаете, господин Скиннер, – подтвердил крупье. – Там до сих пор в ходу кроны, как национальная валюта, но евро, естественно, там тоже принимают. То есть вы считаете, что в ожидании заказа мужчины спали прямо на траве, а на подошвах писали: я готов работать за 5 крон, я – за 7 и так далее?

– Да, совершенно верно.

– Что ж, ваш ответ понятен. И принят! Опыт общения с господином Барщевским подсказывает мне более чётко формулировать факт принятия ответа.

Адвокат улыбнулся.

– Мне кажется, вас с первой секунды обсуждения запутала госпожа Уинфри. В вопросе не звучало слово «цифры», указывалось про «числа». Вы ведь понимаете разницу? Цифр всего десять, а числа могут быть самыми разными. То есть на подошвах у этих мужчин могло быть написано и 11, например. А Уинфри сразу ограничила обсуждение цифрами, и все знатоки именно это слово употребляли в процессе обсуждения. И ещё один момент. Вы не обратили внимания, что чем больше мужчина, чем он крупнее, – тем больше и число? Но хватит рассуждений – внимание на экран!

Гонг.

Корреспондент, задававшая вопрос, на этот раз озвучивала ответ:

– Чешские мужчины в поисках работы готовы были выполнять самую чёрную работу, в частности – быть грузчиками: переносить мебель или разгружать стройматериалы. Заказов было мало, и многие ложились прямо на газон поспать час-другой. А чтобы клиенты могли знать, за какую оплату их можно будить...

– Йес! – раздалось за столом знатоков, а аплодисменты в зале заглушили заключительную часть ответа.

– ...они писали на подошвах стоимость часа своих услуг: этот готов работать за 5 крон в час, а этот, самый крупный, – за 8.

– Bravo, господин Скиннер! И bravo, команда знатоков! Благодаря очередной верной догадке Майкла Скиннера счёт вновь становится равным – 4:4!

Заиграла весьма зловещая музыка, и ведущий напомнил:

– На одном из секторов лежит специальный, «американский» вопрос. Господин Верхошинский ещё до начала игры объявил, что в любом случае, ответят знатоки на этот вопрос или нет, телезритель получит вознаграждение в

пятикратном размере. Поэтому проиграть в таком раунде нашим сегодняшним знатокам будет вдвойне обиднее, тем более что автор вопроса отнюдь не американец, а житель Вологды. Вы же знаете, госпожа Уинфри, что родиной русского Санта Клауса считается небольшой городок с большим названием – Великий Устюг. Так вот он находится как раз в Вологодской области. Так, а что у нас по волчку? Вологда! Ну да простят меня скептики, которые считают, что ведущий может что-то призвать своими речами, – такого дара у меня нет. Поясню ещё раз американской команде: на месте уже сыгравших вопросов вы можете видеть стрелочки, которые указывают, какой вопрос сыграет, если волчок укажет на них. Поэтому просто вероятность этого вопроса была высока. Итак, против вас играет музыкант Денис Рыбаков, Вологда. Вот он улыбается на фотографии. Итак, внимание!

Опра Уинфри дала знак, чтобы все собрались, и сама приготовилась записывать формулировку вопроса.

– В начале XX века в Соединённых Штатах появилась новая статья закона, нарушение которого каралось – ни много ни мало – смертной казнью! Сегодня такое деяние покажется совсем не таким тяжёлым, хотя в некоторых штатах применение данного закона не отменено до сих пор. Под страхом электрического стула запрещалось... посыпать солью железнодорожные рельсы. Внимание, вопрос!

Гонг.

– Какую цель преследовали злоумышленники, которые так поступали? Время.

Снова воцарилась гнетущая тишина, но почти сразу знатоки ожили и начали предлагать версии.

– По-любому что-то связанное с нарушением хода поезда! Состав сходил с рельсов и погибали люди!

– А, может быть, как-то электричество от соли срабатывало? В вопросе про электрический стул специально сказали или просто, как пример?

– Да нет – а как электричество появится? Тем более это начало двадцатого века, тогда ещё паровозы были.

– А, может, и были уже электрические поезда. Солью посыпали до своего дома, и ток уходил от вагонов. Может, они от этого тормозить не могли.

– Да ну бред.

– А, может, на соль дети сбегались?

– Или птицы? Тогда машинист был вынужден тормозить, и люди в вагонах разбивались?

– Из-за птиц поезд останавливать?

После пары нелепых версий время закончилось, и раздался сигнал.

– Госпожа Уинфри, кто будет отвечать?

– Ответит Квентин Тарантино.

– Пожалуйста!

Тарантино вздохнул.

– Что ж, вынужден признать, что у нас нет ни одной версии, которая хотя бы вписывалась в идею целесообразности этого поступка. Поэтому мы озвучим, скажем так, лучшую из нелепых версий.

– Давайте, попробуйте, господин Тарантино.

– Мы считаем, что поезда не могут нормально идти по рельсам, которые посыпаны солью, поэтому машинист был вынужден экстренно тормозить, из-за чего люди получали увечья или даже могли погибнуть. А если машинист не успевал, то состав сходил с рельсов и разбивался.

– Ваш ответ принят, – после небольшой паузы ответил крупье. – И опять, как мне кажется, возможные версии на корню осёк возглас на первой секунде, что состав сходил с рельсов и гибли люди. Вы все начали рассуждать именно в этом направлении. Поэтому я даже не стал вам пенять, что вы две версии объединили в один ответ. Понятно, что вы с господином Барщевским сможете меня убедить, что это одно и то же – экстренно тормозить и сходить с рельсов. Меня искренне удивляет, как никто из команды не задался вопросом: а как это машинист или любой пассажир могли увидеть, что на рельсах лежит соль?

– Ну, она блестит на солнце, – предположил Тарантино.

– Блестит на солнце, – повторил ведущий. – А если она мелкого помола? А если солнце зашло за тучи? Но главное даже не это. Во всех своих предположениях вы исходили из того, что рассыпание соли – это акт хулиганства. Ведь дальше, после этого, ничего не происходило. Конечно, кроме нафантазированных вами крушений и увечий пассажиров. А какие могут быть практические – причём преступные! – мотивы, чтобы остановить или замедлить поезд?

– Ограбление? – догадался Депп, но было уже поздно.

– Внимание, правильный ответ! – Гонг. – На рассыпанную на рельсах соль из окрестных лесов сбегались лоси, перед которыми были вынуждены тормозить машинисты. Этим пользовались грабители поездов, которые успевали подскочить на лошадях к составу и забрать наиболее ценные грузы. Вот правильный ответ – грабители поездов! Поэтому и смертная казнь! А не слетавшиеся на пути птицы и не кража электричества, которое тогда ещё не использовалось на железнодорожном транспорте. 4:5! Счёт становится критичным для знатоков – 4:5 в пользу телезрителей, которым до победы осталось всего одно очко!

Заиграла нервная музыка, но знатоки в очередной раз взяли за руки, чтобы собраться с мыслями и взять новый раунд.

– На столе осталось совсем немного вопросов, – заметил в это время ведущий, – и наибольшие опасения у вас, наверное, должен вызывать суперблиц. Напомню, во время суперблиц за столом останется только один знаток, который будет вынужден в полном одиночестве ответить на три вопроса, по двадцать секунд размышление каждый. Но сейчас вас эта чаша миновала. Против вас играет журналист Михаил Кожаев, деревня Чёрная Смородина.

Я выпрыгнул с дивана, а Катя оторвалась от вязания – настолько моё имя прозвучало, как гром среди ясного неба!

– Госпожа Уинфри, вы знаете католического святого Франциска Ассизского?

– Лично нет! – отшутилась капитан команды.

– «Цветочки Франциска Ассизского», – произнёс Джонни Депп.

– Совершенно верно, господин Депп! Собрание занимательных эпизодов из жизни святого Франциска, зафиксированное его учениками, получило название «Цветочки Франциска Ассизского». Во многом – благодаря парадоксальности некоторых советов и деяний основателя ордена францисканцев. Итак, Михаил Кожаев предлагает вам решить проблему, с которой к католическому святому обратился его ученик. Внимание.

Повисла пауза, в результате которой все шумы самоустранились, и воцарилась полная тишина.

– Один из учеников пришёл к Франциску Ассизскому с проблемой. Во сне ему являлся Иисус Христос, Который всячески уговаривал его оставить монашеские труды. «Зачем ты так мучаешь себя? – вопрошал Спаситель. – Ты всё равно определён к вечным мукам, никакие усилия не позволят тебе войти в рай. Оставь молитву, и пост, и бдение. Хотя бы до смерти не мучь себя, потому что после тебя будет жечь вечный огонь». Ученик был обескуражен. Он просил Франциска помочь ему. Итак, внимание, вопрос!

Гонг.

– Что посоветовал ему святой Франциск? Время.

– *А что он посоветовал? – поинтересовалась Катя.*

– *Гм, тебе лучше не знать, честно! Но они вообще никак не угадают, это просто экстрасенсом надо быть!*

– О чём эти «Цветочки», Джонни? – сразу спросила Опра у Деппа.

– Там много разных историй, я точно не помню. Этого эпизода я не помню.

– Но что он мог посоветовать?

– Должно быть что-то парадоксальное! Он не мог посоветовать просто усилить молитву, это слишком просто.

– А что он мог посоветовать? Уйти из монастыря? Что-то противоположное добродетели? Типа: начать грешить, чтобы потом Христос призвал исправиться?

– Нет, что-то не то. Должно быть нечто экстраординарное.

– Перейти в ислам? – в зале раздались смешки. – Чтобы там мог спастись?

– Ну, вот это похоже на Франциска, – заметил Депп.

– А тогда уже был ислам?

– Да, это тринадцатый век уже.

– Может быть, что-то более консервативное? Вроде стигматов, которые он сам себе наносил? Может, у него на всё один ответ был? Типа: делай стигматы, кто бы что ни спрашивал.

– Ещё, ещё версии! – настаивала Опра. – У нас что-то совсем мало версий.

Оставшееся время не принесло результатов, и, когда прозвучал сигнал, осталось только выбрать из тех немногих версий, которые были озвучены ранее.

– Итак, кто будет отвечать?

Видимо, руководствуясь правилом «Не знаешь, что делать с мячом, – отдай его Джордану», Уинфри приняла решение:

– На вопрос ответит Майкл Скиннер.

– Ислам, ислам! – шёпотом подсказывал ему кто-то за столом.

– Не могли бы вы повторить вопрос полностью? – попросил Скиннер. И пока ведущий заново зачитывал проблему ученика святого Франциска, Майкл закрыл глаза и в безмолвной молитве обратился к своему чёрному покровителю: «О, Азатот, обращаюсь к тебе с просьбой! Помоги мне ответить на этот вопрос! Взамен обещаю построить в Москве «Флегетон-центр» и совратить тысячу душ!».

– Итак, господин Скиннер, что же посоветовал своему ученику святой Франциск Ассизский?

Майкл выдохнул и ответил:

– Во время минуты обсуждения мы как-то упустили, что *якобы* Иисус являлся ученику Франциска во сне. То есть это мог быть дух... злой дух, который совращал монаха с истинного пути. Поняв это, наставник посоветовал ему: «В следующий раз, когда тебе во сне явится выдающий себя за Иисуса, – попроси его встать на колени и открыть рот, чтобы ты мог в него помочиться. Если это действительно Иисус, то в своём великом смирении он, несомненно, сделает это. Но если это искунитель, то он немедленно примет свой настоящий вид и с бранью бросится прочь».

– *Как? – поразился я. – Как это возможно?*

– *Что, правильно? – удивилась Катя.*

– *Да-а!*

За столом раздалось всеобщее разочарование. Никто не ожидал, что в такой ответственный момент отвечающий озвучит такую пошлую и невероятную версию. Поразился даже ведущий:

– Ого, вот это ответ! Даже не знаю, как реагировать на него. Хорошо ещё, что в нашем зале нет представителей различных конфессий. Что ж, внимание: правильный ответ!

Раздался гонг. Камера крупным планом взяла счёт 4:5.

– Святой Франциск Ассизский, – проникновенно, чтобы привлечь максимум внимания, начал ведущий, – сразу понял, что ученика искушает дух злобы и вражды. Потому что настоящий Иисус, конечно, не мог обращаться к монаху с такими демотивирующими речами. Тогда Франциск посоветовал: «В следующий раз попроси этого якобы Христа встать на колени и открыть рот, чтобы ты мог в него помочиться!»

– О-о-о! – вокруг раздался оглушительный рёв, а знатоки даже онемели, настолько неожиданным стал такой поворот. Окончание правильного ответа было сложно расслышать сквозь невероятные аплодисменты:

– «Иисус по своему смирению позволит тебе сделать это. А искунитель примет свой истинный облик и с руганью помчится прочь». Bravo, господин Скиннер! Практически дословный ответ! И вновь – благодаря какому-то просто невероятному прозрению! Вы, случайно, не обращаетесь за помощью к

магическим заклинаниям, господин Скиннер? А то, пока я повторял вопрос, могло создаться такое впечатление. 5:5! Счёт становится 5:5, и нас ждёт решающий раунд!

Напряжение выросло до предела. В зале загудели десятки голосов, а за столом Опра Уинфри безрезультатно пыталась призвать к спокойствию.

– Господин Верхошинский, – обратился к нему ведущий, – что-то давно вы не назначали премии телезрителям за вопросы, которые взяли знатоки. В этом случае не хотите выплатить вознаграждение за вопрос?

– Вы знаете, господин ведущий, прозвучавший вопрос мне кажется, ну, скажем так, не вполне приличным, потому что святой святым, но тут как-то пахнет богохульством. Тем фантастичнее выглядит прозрение мистера Скиннера, как будто он действительно познал ответ в беседе с бесплотными духами. Но вознаграждения, я думаю, будут более достойны следующие телезрители, которые, я уверен, пришлют более изящные и достойные вопросы.

– *Вот, ****!* – *расстроенный, я не сдержался и выругался. Катя даже не стала меня осуждать за это. Ещё бы – я мог за одну минуту заработать сто тысяч. Но вместо этого заработал кислую мину и заминусованную карму.*

– Ваша позиция понятна, господин Верхошинский. А в решающем раунде против знатоков играет... Ольга Вахрушева, город Анадырь, Чукотка. Вопрос ко всей команде: как вы думаете, на каком расстоянии находятся друг от друга ближайшие точки суши России и США?

– Я думаю, это как раз между Чукоткой и Аляской, – заметила Опра.

– Совершенно верно, госпожа Уинфри! – подтвердил ведущий. – Но сколько в километрах?

– Километров сто, наверное.

– Сто километров... Я вам расскажу. Вы совершенно верно заметили, что ближе всего США и Россия подходят друг другу именно в районе Берингова пролива, который отделяет Аляску от Чукотки. Но это – континентальная суша. А вот в море есть острова Ратманова и Крузенштерна, первый принадлежит Российской Федерации, второй – Соединённым Штатам. Государственная граница проходит ровно посередине между двумя этими островами. А расстояние между ними – всего 4 километра. Но – это вам для информации. А вот вопрос будет касаться как раз Берингова пролива. Итак, внимание, вопрос!

Гонг.

– *Всё-таки – как он догадался? Это же что-то сверхъестественное! – не унимался я.*

– В 1954 году в Москве вышла «Большая советская энциклопедия». В ней содержались данные в том числе и о географических объектах. Однако в отличие от прочих статей по географии, материал о Беринговом проливе оказался более чем в 10 раз обширнее. Внимание, вопрос: почему? Минута пошла.

– Может быть, этот объект в десять раз важнее?

– Да ну нет – очевидно, что тут какой-то иной мотив. Может быть, там открыли крупные месторождения нефти?

– А зачем про США спрашивали?

– Да это просто ради информации, сказали же, что к вопросу не имеет отношения!

– А, может быть, из-за осложнений отношений с США как раз? Подробно описывали, что Берингов пролив принадлежит СССР. Может быть, обосновывали принадлежность Аляски России?

– Ну, вот это идея.

– Или в честь Беринга город какой-то переименовали? Есть такой город в России?

Прозвучало ещё несколько версий, но ни одна из них не объясняла беспрецедентный размер энциклопедической статьи. Загнанные в тупик, знатоки взяли оставшуюся у них дополнительную минуту на обсуждение, но и она не принесла ничего нового или сколько-нибудь интересного в плане версий. Поэтому, когда прозвучал сигнал об окончании второй минуты, ещё долго продолжались обсуждения и шёпотом озвучивались лучшие версии.

– Да, решающий раунд, все всё понимают. Но время отвечать, госпожа Уинфри! Кого вы назначаете на эту миссию?

– *Скорее всего, Берю убрали из энциклопедии после развечания культа личности Сталина, вот Берингов пролив и пришлось удлинять! – расстроенный, предположил я. – Всё-таки – как он догадался! И почему это вопрос неприличный?*

Катя из уважения к моему горю перестала вязать. И погладила меня по руке.

– Так как у нас нет такой версии, о которой бы мы сказали: да, вот это правильный ответ, – то попробую ответить я.

– Внимание, тишина в зале! – предупредил попытки подсказок крупье. – Пожалуйста, госпожа Уинфри, ваш ответ!

– Мы считаем, что энциклопедия вышла в то время, когда закончилась Вторая мировая война, и СССР пытался усилить своё влияние в мире. Поэтому в статье про Берингов пролив обосновывалась, что России принадлежит не только морская территория, но и Аляска, которую... ваша страна пыталась, видимо, вернуть на том историческом этапе.

– То есть опять советское государство вами рассматривается как агрессор?

– А разве не так? – улыбнулась Опра. – В любом случае идеология индоктринируется через литературу, так что энциклопедия – это лучшая площадка для этого.

– Вот в этом я с вами, бесспорно, соглашусь. Но идеология бывает «на экспорт», а ещё бывает внутренняя. Поэтому – внимание: правильный ответ!

Гонг.

– Вы совершенно верно указали, что статья про Берингов пролив получилась такой большой по идеологическим причинам. Но вам немного не хватило чутья копнуть во внутреннюю ситуацию в нашей стране. Мне достаточно задать вам один-единственный дополнительный вопрос, и вы сразу озвучите правильную версию. Вот скажите: каких советских политических деятелей вы знаете? Я имею в виду, военного и послевоенного времени.

– Сталин.

– Хрущёв.

– Жуков.

– Берия.

– Берия! Да, господин Тарантино! – подхватил ведущий. – Послушайте теперь правильный ответ. В готовившейся энциклопедии большая статья готовилась про Лаврентия Берия. Но в 1953 году умер Сталин, началось осуждение культа его личности, и Берия решили удалить из материалов энциклопедии. Но остальной материал был уже свёрстан и готов к печати. Поэтому опустевшее место заняли расширенным описанием Берингова пролива. В словаре «Берия» шёл следующим после «Берингова пролива». По-моему, блестящий вопрос! Сто тысяч рублей уходят Ольге Вахрушевой в Анадырь. А счёт становится 6:5 в пользу телезрителей!

Зазвучала весёлая музыка, на фоне которой кислые лица знатоков смотрелись ещё более жалобно.

– Господин ведущий! Господин ведущий! – голосил Барщевский, но его увещевания тонули в рыках обсуждений. – Это совершенно некорректный вопрос! Кто из американцев может знать деятелей Политбюро! Это всё равно, что у русского человека спросить про советников Рузвельта или Никсона – их знает только два процента населения.

– Господин Барщевский, ну что вы такое говорите? – удивился ведущий и парировал также сквозь шум и гам вокруг. – Берия знает любой, кто знает Сталина. Ну а не знать Сталина – значит, быть просто необразованным человеком. К тому же, по-моему, была ясная подсказка: 1954-й год, развенчание культа личности Сталина, Берингов пролив, энциклопедия – можно было методом подбора понять, что речь шла о Берии. Поэтому я с вами в данном случае совершенно не согласен.

Шум продолжился, и на фоне случившегося балагана Майкл Скиннер встал со своего места, подошёл к распорядителю и отнятой у него барабанной палочкой с войлоком ударил в гонг. Волей-неволей вокруг всё попритихло.

– Господин крупье! – обратился к нему Скиннер. – Я хочу озвучить просьбу, к которой, я надеюсь, присоединится вся команда.

– Пожалуйста! – голос ведущего дрогнул. Видимо, он не ожидал такого поворота.

– Оставляя в стороне то, корректным или нет был вопрос, я прошу дать нам возможность сыграть ещё. На игровом столе осталось два вопроса, и теоретически мы можем сравнять счёт и выиграть игру. За то, что вы предоставите нам такую возможность, я готов пожертвовать десять миллионов рублей в благотворительный фонд вашего известного актёра и, судя по тому, что он делает, – просто хорошего человека Константина Хабенского. А в случае, если мы выиграем, я обещаю открыть в Москве «Флегетон-центр» для поддержки и покровительства наук и искусств в вашей столице.

Повисла пауза, но вскоре, видимо, под давлением редакторов, ведущий согласился на предложение:

– Видите, господин Барщевский, как надо решать такие вопросы?

Вокруг раздался смех и вздох облегчения.

– Итак, по просьбе господина Скиннера, с учётом его щедрого пожертвования, которое он направляет в благотворительный фонд Константина Хабенского, – я объявляю о беспрецедентном явлении в нашем интеллектуальном казино. Впервые в истории победит та команда, которая возьмёт не 6, а 7 очков. Действительно, два оставшихся на столе вопроса позволяют нам сыграть двенадцатый и тринадцатый раунд. Но сразу предупреждаю, госпожа Уинфри: если ваша команда проиграет в следующем раунде, то он окажется последним. Потому что сразу после нас запланировала всероссийская премьера сериала «Распутин», а мы занимаем эфирное время. Что ж, господин Скиннер, я удовлетворяю вашу просьбу и объявляю двенадцатый раунд!

Волчок завертелся в непривычный для него двенадцатый раз, и команда в двенадцатый раз взялась за руки, ощущая, что происходит нечто совсем уж необычное. Даже при условии, что они впервые участвовали в данной игре. Ситуацию постарался разбавить ведущий, который спросил:

– Господин Скиннер, а не жалко расставаться с такими огромными деньгами? Даже на благие цели?

Данный вопрос интересовал всех без исключения, поэтому многие прислушались к ответу Майкла:

– Честно говоря, я так и так собирался пожертвовать эту сумму, раз уж оказался в Москве. Но теперь получилось, что я и нашей команде дал шанс, и господина Хабенского лишний раз упомянул – надеюсь, его фонду от этого будет только польза.

– А в Америке знают этого актёра, я правильно понимаю?

– Ну, я бы сказал, что люди, принадлежащие киномиру, да и то эрудированные, могут его знать. Но в большинстве, конечно, в США, как и в любой другой стране, знают только мировых звёзд. В этом плане, наверное, можно согласиться с мистером Барщевским: действительно, если россиян попросить назвать хотя бы пять, скажем, японских или аргентинских киноактёров, то они вряд ли это сделают.

– Что ж, честь вам и хвала, мистер Скиннер! И я искренне уважаю вас за ту благотворительную деятельность, которую вы осуществляете. Спасибо вам! И от Кости Хабенского наверняка тоже. А пока – двенадцатый раунд, и против вас играет Галина Хамраева, город Бишкек, республика Киргизия. Внимание: бразильский флаг.

Тат-та-тара-тара-татта-та-тара-татта-татара-тара-тара-татта!

Распорядитель вынес и расстелил перед знатоками флаг Бразилии.

– Перед вами – флаг Бразилии. Как вы видите, он представляет собой зелёный прямоугольник с золотым ромбом в центре. Записывайте, пожалуйста, госпожа Уинфри! Это может пригодиться!

Все знатоки, как по команде, схватились за свои блокноты, а ведущий повторил:

– Итак, перед вами зелёное полотнище с золотым ромбом в центре. Внутри ромба – небосвод с двадцатью семью звёздами и белой лентой с надписью: “Ordem e Progresso” – «Порядок и прогресс». А теперь внимание, вопрос!

Гонг.

– Почему звёзды на бразильском флаге расположены именно таким образом, как вы видите? Минута пошла.

На этот раз эрудицией блеснула Майли Сайрус.

– Именно так выглядело звёздное небо, когда была провозглашена независимость Бразилии! – выпалила она.

– Точно?

– Да, совершенно точно!

– Это когда из империи Бразилия стала республикой?

– Да, это где-то в конце XIX века.

– А, может, это Южный крест?

– Так это и есть Южный крест!

– То есть это карта звёздного неба, которую зафиксировали, когда независимость провозглашали? А разве так делают?

– А почему нет? Это как с исламом: у мусульман символ полумесяца, потому что такой была луна, когда Мухаммед из Мекки в Медину отправился.

– Ну что, так отвечаем?

– Да, давайте отвечать!

– Господин крупье, мы готовы!

– Досрочный ответ! Пожалуйста! – одобрил ведущий. – Кто будет отвечать?

– Ответит Майли.

– Пожалуйста!

– Мы считаем, что звёзды на бразильском флаге изображены таким образом, потому что именно так выглядело небо в день провозглашения Бразилии республикой.

– Таков ваш ответ? Что ж, ваша версия ясна. А теперь – внимание, правильный ответ!

Раздался гонг.

– Госпожа Сайрус, скажите, а вы обратили внимание, что в вопросе было названо точное число звёзд? Двадцать семь. А знаете, сколько в Бразилии штатов?

– Не знаю, – кротко призналась Майли, которая, видимо, решила положиться на судьбу.

– В Бразилии двадцать шесть штатов и один федеральный округ, которому соответствует своя звезда. Итого – двадцать семь. Но это, конечно, символизм. А вот расположены эти звёзды так потому, что именно так они располагались на небосклоне 15 ноября 1889 года...

– Йес! – раздались радостные крики за столом и в зале, а ведущий во всеобщем оре продолжил:

– ...когда Бразилия была провозглашена республикой! Сам же флаг был утверждён спустя четыре дня специальным декретом. 6:6! Невиданный счёт в истории «Что? Где? Когда?»!

– Вращаем волчок? – в приступе азарта спросила Опра Уинфри. Однако её вопрос оказался, оказалось, риторическим.

– Распорядитель, конечно, сейчас запустит волчок, – признал ведущий, – однако данное действие носит чисто номинальный характер, поскольку вопрос на столе остался только один. И – не хочется портить вам настроение – но это суперблиц. Проще говоря, за то время, пока бежит по кругу волчок, вам необходимо решить, кто остаётся за столом на финальный раунд. Господин Скиннер, я сразу хочу предупредить: это будет окончательный раунд! Нас уже действительно поджимает время, потому что после нас все зрители ждут премьеру сериала «Распутин», а в России продюсеры очень грозные, они меня в два счёта найдут!

– В Америке та же самая фигня! – рассмеялся Тарантино. Ведущий смех поддержал, но весьма сдержанно.

– Итак, по стрелке, как ни крути, суперблиц – три вопроса по двадцать секунд каждый, и за столом должен остаться только один игрок. Госпожа Уинфри, кто это будет? Решайте!

– Ну, я думаю, тут все нити сходятся к одному человеку. И больше всего правильных версий, как кажется, на его счету, и возможность сыграть в этом раунде для нас оплатил. Поэтому за столом остаётся Майкл Скиннер.

– Что ж, я попрошу остальных знатоков покинуть игровой стол, и мы играем суперблиц с господином Скиннером. Нас уже, действительно, поджимает время, поэтому – вопрос первый!

Гонг.

– Единственное, что я забыл сказать, – это особый, «русский суперблиц», состоящий из вопросов, так или иначе затрагивающих русский быт, культуру или менталитет. Постарайтесь учесть это при ответе на все три вопроса. Внимание на экран! Первый вопрос прислал телезритель Иван Быкович, город Кемерово.

На экране показался огромный молодец в бане.

– Каждую неделю мы с друзьями ходим попариться в баню. А на следующий день, рано утром, я возвращаюсь сюда со вполне определённой целью. Ответьте на вопрос: зачем? Желаю удачи.

– Время.

Майкл, казалось, не ожидал вопроса с таким большим числом неизвестных, равно как и множеством направлений, в которых можно думать. Через пару секунд раздался голос ведущего:

– Равшан Аскеров, прекратите подсказывать, иначе я выставлю вас из зала, а команде знатоков засчитаю поражение! Извините, господин Скиннер, продолжайте размышлять.

И не успел он вернуться к зародившимся в его мозгу логическим цепочкам, как почти сразу раздался сигнал об окончании времени.

– Пора отвечать.

Спустя пару секунд Скиннер попробовал предложить годную версию.

– Судя по вопросу, друзья телезрителя собираются в какой-то определённый день. Скорее всего, в пятницу или в субботу, потому что следующий день выходной, так что можно чем-нибудь заняться. Например, сходить на рыбалку, для которой нужны черви. Так как до этого баня топилась,

то, например, под полом могла прогреться земля – если это зима – и там легко можно набрать червей для рыбалки.

– Ваш ответ понятен. Теперь, внимание, правильный ответ.

На экране вновь появился телезритель, который едва ли не дословно повторил последовательность действий, описанных Скиннером. Зал одарил игрока заслуженными аплодисментами.

– Bravo, господин Скиннер! – воскликнул ведущий. – Такое ощущение, что у вас под столом шпаргалка с правильными ответами, настолько легко вы справляетесь с вопросами. Скажите, вы увлекаетесь рыбалкой?

– Нет, – признался Скиннер.

– Тем удивительнее ваш ответ! – признал крупье. – Но для победы вам нужно ответить ещё на два вопроса суперблицом. Итак, вопрос второй.

Гонг.

– Второй вопрос снят нашими корреспондентами, внимание на экран.

– На Петров день, 12 июля, во многих русских деревнях бабы после церковной службы выходили в поле. Здесь они раздевались донага и перекатывались с громкими криками. Попробуйте догадаться, для чего они это делали?

– Очень сложный вопрос, господин Скиннер, поэтому я желаю вам удачи! – произнёс невидимый ведущий. – Время.

И вновь двадцать секунд пролетели совершенно незаметно, как будто моргнул, посмотрел в центр стола – и всё, пора отвечать.

– Господин Скиннер, прошу отвечать!

Майкл вновь помолчал пару секунд и собрался с духом.

– Мне кажется, что для того, чтобы раздеться и кататься по полу, бабе и повод-то особый не нужен, – в зале раздались смешки. – Но если попытаться найти в том, что я увидел, логическое зерно, то ход моих мыслей будет примерно такой. Если я не ошибаюсь, то в кадре женщины пришли на поле, засеянное льном. А изо льна, насколько я понимаю, ткнут одежду. Соответственно, от второй половины лета, от погоды, зависит то, насколько богатым окажется урожай льна, а, значит, и хватит ли материала для шитья одежды. И таким образом, как я предполагаю, бабы специально раздевались и призывали урожай льна.

– Ну как это возможно! – в полный голос удивился ведущий. – Такое ощущение, что вы считываете правильные ответы из нашей редакции! Да, господин Скиннер, совершенно верно! Bravo! Посмотрите на экран, хотя вы то же самое только что нам ответили!

На экране показали обнажённых женщин, которые кувыркались в зарослях льна, а корреспондентка объяснила, что таким образом селянки призывали побольше урожая, из которого они смогут наткать одежды, чтобы не встретить осень и зиму голыми.

– Bravo, господин Скиннер! – вновь восхитился ведущий. – И для победы вашей команды вам остаётся правильно ответить на заключительный – решающий вопрос. Майкл, вы готовы?

– Давайте узнаем это!

– Давайте! – одобрил ведущий. – Знаете, что мне в вас нравится, мистер Скиннер? Вы всегда готовы к испытаниям! Что ж, впереди – матч-пойнт. Или как у вас говорят – матч-бол?

– Чемпионатшип-бол! – пошутил Скиннер.

– Да, одним словом – раунд, решающий всё!

Гонг-г-г!

– И вновь – внимание на экран!

На экране появилась та же девушка-корреспондент, что и в прошлом раунде. Только теперь рядом с ней оказались не бабы, а два добрых молодца в кольчуге и латах, с мечами и щитами.

– В одном из средневековых сражений племя кочевников заметило, что русские ратники совершают следующие действия. Сначала один воин встаёт на руки, а другой держит его ноги вверху, на уровне своей головы.

Молодцы пределали эту операцию на камеру.

– А затем они меняются.

Теперь первый воин встал на ноги и помог другому опереться на руки.

– Русские воины победили в той битве. И кочевники решили, что в этом им помог ритуал, который они совершили перед битвой. Уважаемые знатоки, а вы догадаетесь, зачем на самом деле ратники поочередно переворачивали друг друга с ног на голову.

– В данном случае не «знатоки», а один-единственный знаток. Господин Скиннер, у вас есть двадцать секунд, чтобы ответить на этот вопрос. Время пошло.

И вновь секунды пролетели, как молния. И вновь, когда подошло время, Скиннер не сразу смог озвучить версию. Он попробовал помочь себе устными рассуждениями.

– Пожалуйста, господин Скиннер!

– Что ж, я попробую проследить в данной процедуре логическое зерно. Итак, кочевники посчитали, что это ритуал, но на самом деле во всём этом заключался некий практический смысл. Действительно, зачем может понадобиться тратить время перед битвой, переворачивая друг друга с ног на голову? Значит, русские воины решали какую-то важную для них проблему. Предположим, что, пока воины шли на битву, им пришлось преодолеть некий водоём – мелкое болото, или ручей, или речку. В этом случае в их – я не знаю, как это правильно назвать, – стальных сапогах собралась вода. И они таким образом её сливали, чтобы вернуть мобильность во время боя.

– А делали они это попарно зачем? – как-то проникновенно уточнил ведущий.

– Ну, наверное, так проще всего это делать. Одному нужно ещё умудриться в такой тяжёлой амуниции встать на руки и дожидаться, пока вытечет вся вода. Для этой цели могли бы помочь деревья, на которые они могли бы опереться, но на записи мы видели голый луг, поле. Поэтому они разбивались по парам и помогали друг другу.

– Что ж, ваш ответ понятен, господин Скиннер. Только ответьте ещё на один вопрос. Ведь в кадре мы не видели воду, правда? А зачем ещё может

понадобиться переворачиваться на голову ратнику, воину в полном снаряжении?

– Переворачиваться на голову? – задумался Скиннер. – Да много зачем, наверное. Например, чтобы какие-то детали, которые в ходе бега спали вниз, встали на своё место. Или чтобы проверить, не отвалится ли что-нибудь при падении. Например, шлем.

– Например, шлем! – в задумчивости протянул ведущий. – А теперь – внимание на экран!

Корреспондент на фоне переворачивающихся друг друга ратников пояснила:

– Перед битвой русское войско пересекло небольшую реку. И воины переворачивали друг друга, чтобы из их кованых сапог вылилась вода, которая бы помешала во время боя.

Сквозь гул, и гам, и грохот аплодисментов, и восклицаний, и объятий голос ведущего пытался перекричать собрание:

– Bravo, господин Скиннер! Благодаря вам команда знатоков побеждает в сегодняшней игре! Вот имена победителей: Джонни Депп! Майли Сайрус! – называемые фамилии сопровождалась очередной волной аплодисментов, а сами знатоки обнимались у кресла Скиннера. – Марк Цукерберг! Квентин Тарантино! Майкл Скиннер!

Тут раздалась настоящая овация, сквозь которую еле слышно было ведущего:

– И капитан команды знатоков США – Опра Уинфри! Счёт 7:6 в пользу знатоков! Спасибо за игру! Мы прощаемся с вами до нового года, с которым всех и поздравляем! И с Рождеством! Всего доброго, до свидания!

И на погасшем экране возникла заставка разрекламированного сериала. На этом я выключил телевизор.

Глава 777

Роды

– О, ты уже спишь? – прошептал я. Катя лежала с закрытыми глазами. Видимо, она уже успела заснуть, потому что даже не ответила.

Я накрыл её одеялом повыше, поцеловал в шею и сам закрыл глаза. Предстояла самая длинная ночь в году. Все почему-то считают, что это 22-е декабря, но самом деле это несколько ночей вплоть до 25-го числа. Неслучайно именно в этот день язычники праздновали смену времён год, а впоследствии родился Христос. Для меня же это время означало, что я мог крепко выспаться, так как в последнее время наложились заключительные недели беременности, работа, пробки, покупки детской мебели и прочее, и прочее.

Я не заметил, как окунулся в сон. Мне казалось, что всё это явь, что я выхожу через окно четвёртого этажа за хлебом. И плыву по воздуху, как по некоей разряженной воде, в которой можно свободно дышать. И на улице не зима, а лето – деревья зелёные, птички поют, дети на площадке играют. Я залетаю в магазин на углу и покупаю хлеб. Только на обратном пути в руках у меня оказываются две живые рыбы. Они легонько бьются у меня в руках,

подрагивают – и я вижу, что они мороженые, а не живые. И течёт с них тающая вода, стекает по моей руке.

Я залетаю обратно в окно и немедленно кладу рыб в мойку, так как слышу, что кто-то звонит в дверь, а Катя спит. Я открываю дверь и с удивлением вижу на пороге своих родителей.

– Что вы здесь делаете? – удивляюсь я.

– Мы тоже хотим в роман! – в один голос и довольно громко отвечают они и уже входят внутрь, но я их сдерживаю.

– Да вы что! Тише, тише! – шикаю я и буквально выталкиваю их на лестничную клетку. Закрываю дверь на замок и отключаю звонок.

На цыпочках я пробираюсь к спящей Кате и осторожно ложусь рядом под одеяло. «Неужели я забыл положить рыбу?» – думаю я, чувствуя на кровати мокрое. Я щупаю там рукой, а там – как будто маленькая ванночка. Вдруг у меня проскальзывает в голове: «Это Минеральные Воды!». И я слышу, как Катя просыпается и напевает:

– Воды!

Влажная рука потрепала меня за плечо, чтобы разбудить.

– Воды! Воды отошли! – Катя в ужасе перешла на крик.

Я раскрыл глаза во всю Ивановскую область и никак не мог понять, что происходит. Точнее, я понял всё в один миг. И всего один миг я находился в ступоре. А затем взял себя в руки и постарался действовать как можно хладнокровнее.

– Успокойся, успокойся, любимая! – я поднял её голову руками и заставил посмотреть в глаза. – Всё под контролем. Мы сейчас соберёмся, спустимся к машине и поедem в роддом. Всё в порядке, не переживай! Одевайся.

– Как одеваться, если из меня льёт как из ведра!

– Всё в порядке. Вот твоя одежда, мы полностью готовы, не переживай. Собирайся, я быстро закину вещи в машину и заведу её. Через минуту я вернусь, чтобы помочь тебе спуститься. Я с тобой, я с тобой!

Слава Богу, мы заранее собрали всё необходимое. Я схватил две сумки и бросился вниз. Трясущейся рукой завёл машину и оставил её греться. Взбежал обратно вверх через три ступеньки. Катя успела надеть полштанины. Я помог ей одеться, обул, застегнул куртку. Уже в криках мы вышли в подъезд. Спустя тысячную долю вечности я усадил, скорее даже уложил Катю на заднее сиденье машины, и мы поехали в роддом.

– Только не гони! Быстрее, быстрее! Только не гони! Быстре-е-эе! – мне было искренне жаль мою любимую. Я бы с готовностью трижды, десятирижды взял на себя её муки, но, к сожалению, не мог этого сделать. По пустым шоссе мы доехали до больницы за считанные минуты. Позже Катя мне рассказывала, что тогда они показались ей целым часом. Как только мы тронулись, я позвонил в скорую, и всё время в пути девушка-диспетчер по громкой связи давала Кате советы, как дышать, как кричать, какую позу принять. Параллельно она связалась с роддомом, так что, когда мы подъехали к приёмному отделению, нас уже ждала бригада. Медики быстро извлекли Катю из машины,

переложили на каталку и увезли прочь по коридору. Меня пропускать внутрь наотрез отказались.

– Я останусь! Я буду ночевать здесь! Я не уйду!

Видя мою упёртость, медсестра пообещала позвонить мне, как только закончатся роды.

– Позвоните мне! Дайте мне свой номер! – требовал я.

Медсестра позвонила мне, но предупредила, чтобы я не звонил зазря: она сама мне всё расскажет, как только закончатся роды.

Уговоры, что на ресепшене я всё равно ничего не узнаю, а дальше меня не пустят, – подействовали на меня. Я запасся уверениями, что медсестра точно мне позвонит, и вышел на улицу. Сверху повалил снег хлопьями, и машину успело замести. Я очистил её в полной задумчивости и совершенной растерянности, пустой, как трёхлитровая банка в кладовке.

Я подъехал к дому уже в половине второго ночи. С удивлением легко нашёл место для парковки и только тогда заметил, что приехал по старому адресу, где жил три года назад. В такой же невозмутимой потерянности я сел обратно за руль и поехал к нынешнему дому. На подъезде мне взмахнул светящимся жезлом гаишник. Я кивнул в ответ головой и рукой. Проехал мимо и спустя сто метров повернул к себе во двор. Остановили меня уже у подъезда. Подъехала машина с мигалками, и я долго не мог понять, кому это говорят:

– Стоять! Иначе мы применим оружие!

«Какое оружие?» – в рассеянности не мог я взять в толк, пока доставал ключи из кармана куртки и глядел на того самого полицейского, который потянул руку к кобуре.

– Не двигаться! – заревел он, видя, как активно я ищущу ключи в кармане джинсов. – Стрелять буду!

Он достал пистолет и прицелился почему-то мне в ноги.

– Пойдите, мы с вами где-то встречались! – сообразил я и вытащил, наконец, связку ключей из кармана. Ею же я указал в его сторону. – Точно!..

Раздался выстрел.

– ...вы мне рассказывали про барабанщика «Деф Леппард», – договорил я и взглянул вниз. Левая штанина была разорвана в районе икры, и из неё сочилась вниз кровь. – Гм, а вы знаете – мне однажды приснился сон, что мне порезали как раз левую ногу, но из неё вместо крови сыпалась красная икра...

– Положи... – «оружие»: я догадался, что он хотел сказать. Но в руке-то у меня были ключи, поэтому он исправился: – ...опусти руки!

Но так как и руки у меня были опущены, то он кротко спросил:

– Куда попал? Болит?

– Да нет, вроде задело только. Вот отпечаток на двери, – я показал на вмятине на железном подъезде. – А вы чего, собственно, ко мне приехали?

– Так вы же не остановились по законному требованию! – удивился капитан – я узнал его, это был Воронин.

– А-а, так это вы меня так останавливали? – догадался я. Офицер посмотрел мне в глаза и спросил:

– Алкоголь, наркотики принимали?

– Нет, конечно! – удивился я. – Я только что жену в роддом отвёз.

– Надо будет в трубку подышать, – сообщил капитан, а сам всё кривился на мою штанину – она становилась всё более влажной и красной. – Только ключи... опустите!

Я прошёл к ним в машину и дунул в мундштук.

– По нулям! – удивился инспектор за рулём. И обратился к горе-капитану: – Теперь его придётся в «травму» везти. А что ты такой неадекватный?

Последний вопрос был обращён ко мне, и я, вновь с удивлением, ответил:

– Так я же жену только что в роддом отвёз! Да у меня и нога в порядке – вы, наверно, только по касательной попали.

– Повезли его к Тициану, – вполголоса предложил капитан.

– Да ты что, не видишь, что он нами манипулирует! – взнегодовал офицер за рулём. – Этот «Тициан» – наверняка, какой-нибудь персонаж его предыдущей книги, которую он пиарит в нынешней! Просто не обращай внимания – выбрасывай его с пинка из машины и поехали дальше! 100 процентов, что он сейчас спит и видит нас во сне, а ногу поранил, когда в подъезд заходил!

После холодной улицы со снегопадом и порывами ветра натопленный салон полицейской машины показался мне баней. Я невольно закрыл глаза, а когда открыл их – то лежал на своей кровати. Часы показывали половину пятого утра. Ныла нога. На икре была ссадина: видимо, я порезался обо что-то, когда шёл к подъезду, ведь шёл сильный снегопад. Я ринулся к телефону, но экран был пустой: никто не звонил и не писал. Я хотел было позвонить сам – той медсестре, с которой общался два или три часа назад. Но вдруг передумал, побоявшись, как бы мой звонок не помешал родам: вдруг, она стоит рядом с Катюшкой в самый ответственный момент родов, и тут звоню я...

Ещё двадцать минут я возился в одеяле и вне его. Перекидывал местами подушки. Сотню раз проверил время на телефоне. Поставил стирку. Очистил рабочий стол на компьютере от ненужного хлама. Вышел на балкон, дал застрять дюжине снежинок в волосах у себя на груди и ушёл в зал. Зачем-то ударил себя пультом в лоб, но телевизор включать не стал. Сходил на кухню, посмотрел, во сколько сегодня рассвет – оказалось, в 8:35.

В 5:38 раздался звонок. Бессильным голосом Катя сообщила, что родила, и заплакала. Отчего-то попросила дать ей поспать и перезвонить её маме. Повесила трубку. Я завопил от радости, зачем-то бросился в окно в зале, запутался в шторах и опрокинул гардину, которая разбила настенный светильник.

– На счастье! – захлебнулся я в радости и бросился вновь к телефону звонить маме.

– Как она себя чувствует? – в трубке раздался счастливый мамин плач.

– Я не знаю, – признался я и покраснел от стыда. – Извините!

– А какой вес? – плакала мама в телефон. Было слышно, как она встала на колени и стала класть поклоны.

– Я не спросил... – побледнел я.

– Эх ты! – мама стала терять терпение. – А когда ты к ней поедешь?

– Завтра! – я понял, что хоть на один вопрос нужно ответить утвердительно, иначе, что я за муж, отец и зять.

– Разве там нет трёх дней карантина? – удивилась мама.

– Я уточню, – собрался я с духом. – Я в восемь часов позвоню и спрошу. Я всё разузнаю, обещаю!

– Ладно! – кажется, мама улыбнулась, и мы с ней простились.

Затем я позвонил родителям. Но им я сразу объявил, что ничего неизвестно – ни вес, ни как Катя себя чувствует и когда к ней можно будет приехать.

В тот момент я понял значение фразы «быть восхищенным на небеса». Меня словно ангел поднял на крыльях в незримое небо, и там я плавал на волнах разлитой по всей вселенной радости. Какой-то неподдельной радости, настоящей, жёлтой, как солнечный свет весной. Как витамин Д для детей. Как тепло материнского тела, когда мать – весь окружающий мир.

В восторге я бросился на колени перед иконой Христа и долго-долго благодарил Бога в горячей молитве. Зажёг свечу и в предутренней темноте клал поклоны. Затем вдруг бросился отжиматься, отчего-то решив, что должен сделать сто повторений. На пятидесяти решил, что можно и за два подхода. На восьмидесяти – что главное – просто добить до сотни. На сотом отжимании упал на пол и расхохотался, как душевнобольной перед припадком. Наконец, собрался с мыслями и заставил себя пойти в душ, ведь впереди был рабочий день – понедельник.

Рассвет я встретил на балконе, с чашечкой кофе в руках. Голый мой торс требовал огня, и я отворил окно, стал сгребать руками снег с наружного подоконника и растираться им. Когда спустя полчаса непонятных действий я наконец заставил себя одеться и выйти на улицу, выяснилось, что город стоит в нерушимой пробке. Я передумал ехать на машине и пошёл пешком, несмотря на то, что до редакции было километров пять или шесть. «За час доберусь», – с энтузиазмом подумал я. Нападавший снег практически удвоил моё время в пути. Там, где раньше чернели тротуары, теперь были протоптанные сотнями ботинок и сапог ходы. Со встречными приходилось расходиться обоюдными заходами в противоположные сугробы. В результате через полчаса тащенья себя по проспектам и переулкам я решил сменить тактику и сел на трамвай. Они одни в эту пору буквально летали по городу. Странно, что депутаты и олигархи не арендуют трамваи, ведь на скорой помощи – стоять в тех же пробках...

В офис я пришёл в десять. К моему удивлению, ещё не все пришли на работу. Я поздоровался с собравшимися и объяснил причину моего странного вида.

– У меня сегодня ночью родилась дочь!

– О-о, поздравляем, поздравляем! – раздалось со всех сторон. Дизайнер подскочил со своего места и горячо обнял меня. Вслед за ним присоединились и другие, и вскоре я оказался зажат в кольцо коллег. Не помню, как я дошёл до своего кабинета. Мне сделали чай и принесли сдобную булку: видимо, несмотря на воодушевление, я был бледен, и меня решили подкрепить.

– У тебя дома всё готово? Кроватька, пеленальный столик?

– Кроватка – да. А пеленальный столик – что это? – растерялся я.

– Ну как! Это снизу шкафчик для вещей, с полочками, а сверху – раскладывающийся столик с боковинами. Чтобы ребёночка перепеленать или присыпать.

– Нет такого, – пробурчал я. – Да мы на кровати переодевать будем.

– Да ты что! Это *необходимая* вещь! У вас кроватки может не быть, но пеленальный столик быть обязан. Ты что такое говоришь? Собирайся и езжай за ним!

– «Езжай»? А как же работа? – искренне удивился я. Окружающие удивились ещё искреннее:

– Какая работа? Ты всерьёз думаешь сегодня работать? Да ты себя в зеркале видел? Ты клавиатуру с тостером перепутаешь! Иди лучше отдыхай. Или развейся – по городу походи, прогуляйся. Только столик купи – без него вам кирдык настанет в первый же день, когда вы дочку домой привезёте.

– Да? – мой интеллект временно снизился до уровня трёхлетнего ребёнка. В тот момент управлять мною было проще простого. Я был мягок, как тесто. И хорошо, что я оказался в добрых руках, которые мной манипулировали.

Я вышел на улицу. Снег валил, как из небесного пулемёта. Правда, пока снежинки долетали до земли, их скорость несколько терялась, и они сыпали в лицо с силой стрелы на излёте. Не помню, сколько времени я шёл и куда. Помню только, что люди сначала куда-то сильно торопились. Потом вдруг их стало меньше. Затем они все вновь начали сновать туда и сюда в поисках обеда или чашки кофе. Наконец, вновь все исчезли. Только тогда я понял, как сильно устал, ведь всё это время ходил без отдыха и остановки.

Возле костёл во имя Петра и Павла я остановился, как вкопанный. Немногие участники службы пели тропарь, и я понял: они празднуют Рождество. Из солидарности я присоединился к шествию и оказался внутри. На меня искоса поглядывали, принимая, видимо, за городского сумасшедшего, но я досидел вечерню до конца. Когда я вышел на улицу, уже стемнело. «Эх, сейчас бы массаж», – мечтательно подумал я. И зашёл в ближайший ресторан подкрепиться и выпить глинтвейна.

В заведении я как-то и сам не заметил, что угостил компанию бедных студентов, которые пытались наесться тремя кусками пиццы. По мере насыщения их интерес к моей истории про рождение новой жизни угасал, и всё больше они разговаривали между собой. «Вот я дурак! – подумал я. – Ведь я же могу рассказать об этом друзьям. Мы бы уже давно встретились и с Гусевым, и с Красновым, и с Дионисием».

Я позвонил им всем. Все они откликнулись на моё приглашение и пришли довольно скоро. После традиционных в таких случаях поздравлений они как-то быстро переключились на свои темы. Начали обсуждать открывшийся склад «Али Экспресс» с самыми популярными товарами. Затем перешли на объективы для фотокамер, заспорили о блокировках заднего дифференциала и о методах шифрования данных при подключении к Wi-Fi. Мне очень-очень захотелось в тот момент к Кате. В этой компании я почувствовал себя

совершенно лишним. Кажется, никто даже не заметил, когда я встал из-за стола, подошёл к окну и наскоро накинул пальто.

Дело в том, что, несмотря на снегопад, на велопарковке через дорогу стоял – мой велосипед! Тот самый, который у меня украли ещё летом и о котором я так долго не вспоминал. Я попробовал его оттащить от ограды, но тот оказался прицеплен с помощью стального шнура с замком. Вскоре на мои дёргания и вскрики из соседнего кафе вышел парень лет шестнадцати и потребовал отойти от *его* велосипеда, иначе он вызовет полицию. Через минуту он так и поступил, и совсем скоро к нам подъехал полицейский патруль. Парнишка издали пожаловался на меня (он боялся подходить ко мне близко), а я, в свою очередь, заявил, что велосипед мой, и потребовал немедленно мне его вернуть. В результате нас обоих затолкали в машину и повезли в участок. День рождения своей любимой дочки я встретил за решёткой полицейской камеры.

Продолжение следует!

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Вместо предисловия</i>	3
1	В кожаевском мире цыган	5
2	Ахмед Кожаев по прозвищу Михаил	6
3	Багровый питон	9
4	Свидание в Африке	12
5	Молоко убежало	17
6	Честь канонира	20
7	Магия своего рода	28
8	Курсы изучения Беларуси	33
9	Игрословы	38
10	Одна жизнь – тысяча возможностей	41
11	Ночная жизнь Сальвадора Дали	46
12	Американский идол	51
13	Картина из будущего	54
14	Как в фильмах Уэса Андерсона	60
15	Какой сегодня день?	67
16	Азатот	74
17	Елизавета, Анна, Василиса и Аглая	76
18	Фамилиарий	83
19	Флегетон	86
20	Подчёркнутые лисички	89
	Рогволд Нубиец	93
21	Знакомство с мамой	98
22	Здоровый таксизм	103
23	«Не повезло»	109
24	Грамотный дурачок	113

25	Ванильная неделя	116
26	Анекдоты, огурцы и дартс	122
27	Вечера на хуторе близ Хургады	135
28	Проповедь безнравственности и к чему это приводит	141
29	Одиноких костры согреют	147
30	Самая ненастоящая магия	151
31	Крокодил и пантера	156
32	Беовульф недокормленный	160
33	Цыгане с медведями	163
34	В толчее времени	169
35	Больше, чем любовь	174
36	Всё больше чеки напоминают свитки	176
37	Зонт в такси	182
38	Что? Где? Когда?	185
777	Роды	215

Дезинформационно-пропагандистское издание

Миахил КОЖАЕВ
(не Михаил КОАЖЕВ)
В КОЖАЕВСКОМ
МИРЕ ЦЫГАН

Часть 1

Полную историю болезни автора
с заметками психиатров читайте на сайте:

<https://m-kozhaev.ru>

Косогорье, 2020